

Юлия Ефимова
ПОБЕДЫ, КОТОРЫЕ НЕ УМИРАЮТ

Юлия Ефимова

Победы, которые не умирают

«Издательские решения»

Ефимова Ю.

Победы, которые не умирают / Ю. Ефимова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744905-6

Греция, Малая Азия, Северное Причерноморье — огромный мир, населённый эллинами. В конце 6 — начале 5 вв. до н.э. здесь происходит множество событий: падение тирании в Афинах, поход Дария против скифов, противостояние Афин и Спарты, греко-персидские войны... Роман рассказывает о судьбе трёх героев — Гектора из Афин, Клеанта из Спарты, Леандра из Каркинитиды — в эту переломную эпоху. Это также роман об Олимпийских играх, которые постепенно становятся связующим звеном эллинского мира.

ISBN 978-5-44-744905-6

© Ефимова Ю.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Олимпия	10
Глава 2. Праздник в честь Зевса Олимпийского	21
Глава 3. Тираны и мятежники	29
Глава 4. Девочка с триеры	40
Глава 5. Обещания	46
Глава 6. Горькая победа	54
Глава 7. Криптия	64
Глава 8. Признание дорифора	71
Глава 9. Солдаты и политики	78
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Победы, которые не умирают

Юлия Ефимова

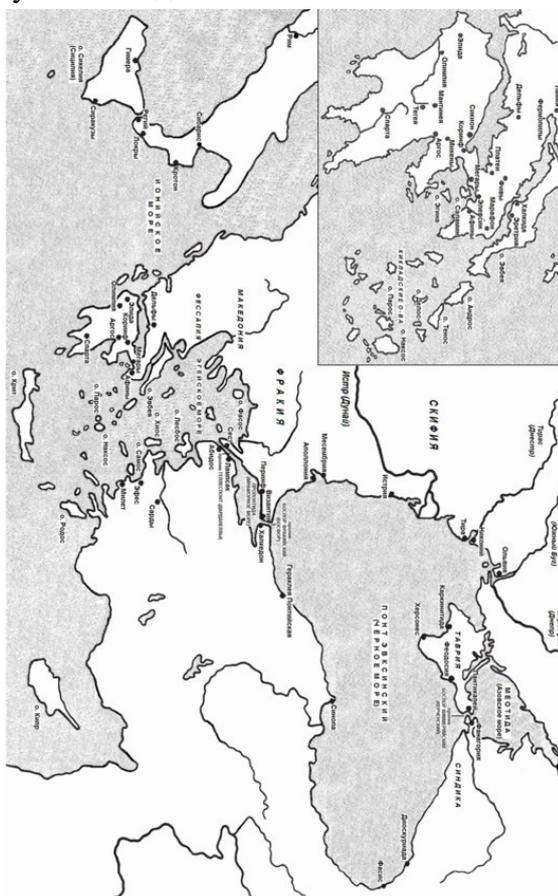
Иллюстратор Андрей Ермолаев

© Юлия Ефимова, 2018

© Андрей Ермолаев, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4474-4905-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Карта

Пролог

– А быков у царя Авгия было великое множество: белых как молоко, алых как заря, чёрных как ночь. И ещё у него имелись огромные стада лошадей, и жили они в очень грязных конюшнях, потому что убирать в них никому было не под силу. С каждым днём росли новые горы грязи. Быки иногда тонули в ней. Геракл предложил убрать всю грязь за один день, если Авгий отдаст ему часть стада, и царь согласился. Он не верил, что наш герой справится с такой задачей.

– И что сделал Геракл?

– Он сделал то, чего никто не ждал. Он перегородил две большие реки и сломал две большие стены, между которыми были конюшни царя Авгия. Вода из рек хлынула в проёмы стен, смела всю многолетнюю грязь, и в один день конюшни очистились, как и рассчитывал Геракл. Вот такой был подвиг. Ведь подвиг – не только схватки с гидрами, львами и людьми. Это способность сделать то, что другим не под силу. Так Геракл совершил шестой подвиг, а впереди осталось столько же. Но про них я расскажу потом. А сейчас давай спать.

– Но, мама, ещё рано. Я хочу послушать дальше. Царь наградил Геракла?

– Нет, он был жадный и, давая слово, не собирался его выполнять. Геракл ушёл ни с чем. Но за свою жадность Авгий страшно поплатился. Позже Геракл ему отомстил: захватил его земли и убил скрягу. Потом на этом месте Геракл принёс жертвы богам Олимпа и в благодарность за победу над Авгием посвятил им игры. Их назвали Олимпийскими. В память о Геракле и во славу богов они проводятся каждые четыре года, и на них приезжают люди со всей Эллады, в том числе и из наших Афин.

– А я смогу участвовать?

– Обязательно, но когда вырастешь. И если будешь таким же сильным и смелым, как Геракл.

– Я буду, мамочка. Я очень хочу быть таким, как он. Я выиграю, вот увидишь.

– Конечно, Гектор. Недаром же тебя так зовут.

– Гектор тоже герой? Он был сильнее Геракла?

– Подожди немного. Не торопись. Я обязательно расскажу тебе про Гектора и другого героя – Ахилла. Про осаду города Трои и великую войну, но сейчас тебе пора спать.

– Ну, ладно. Но ты обещаешь рассказать?

– Обещаю. В отличие от Авгия, я всегда выполняю обещания.

***

– Кто из вас знает, какой спартанский царь возродил Олимпийские игры? – наставник рассказывал мимо учеников и метал вокруг испытующие взгляды. – Я рассказывал об этом на прошлом занятии.

Яркое солнце освещало поляну, но оно не могло разогнать одолевавшую детей скуку и подспудно ощущавшийся страх, когда они исподволь поглядывали на стоящего неподалёку юношу с бичом. По указанию учителя тот готов был незамедлительно наказать любого провинившегося безо всякой жалости.

– Ликург.

Имя прозвучало в абсолютной тишине. Учитель резко обернулся. Он знал, куда смотреть. Этот ученик всегда отвечал за других. Он не стремился показать свои знания. Если бы кто-то из учеников дал понять, что знает ответ, мальчик бы промолчал. Он отвечал только в крайнем

случае. Его ответы позволяли нерадивым ученикам уйти от заслуженных наказаний. И за это они его ненавидели.

– Хорошо. Вы уже знаете о преданиях, связанных с Гераклом и Авгием. На прошлом уроке я упоминал о более поздних событиях, когда предок наших царей Пелопс, сын Тантала и внук Зевса, ступил на землю Пелопоннеса. Он пришёл в город Писа в Элиде, где участвовал в гонках колесниц против царя Эномая. Пелопс выиграл гонку, получил руку дочери Эномая и его царство, после чего устроил праздник с играми в честь богов Олимпа. Впоследствии между нашим царём Ликургом и царём Элиды Ифитом был заключён договор о проведении игр. Кто скажет, где находится это место? Вы должны помнить. Я описывал вам Пелопоннес и соседние территории Эллады.

Молчание не затянулось. Упрямые чёрные глазёнки смело уставились на учителя.

– У подножия горы Кронос, на реке Алфей. – Мальчик всегда точно отвечал на вопросы, не добавляя ничего лишнего. Он вообще мало говорил и не был общительным. Его физическая слабость вызывала насмешки учеников, а готовность отвечать только в крайнем случае лишала его участия наставников. Удивительно, что он вообще оказался здесь. Обычно слабых детей в Спарте бросали в пропасть или отдавали в семьи слуг. Судьбу мальчика решила эпидемия, унёсшая в год его рождения множество младенцев, тогда как он выжил. Несмотря на слабость, он оказался крепким и почти не болел. Это сочли божественным знаком, и мальчика оставили в общине.

– А какое государство владеет этой территорией?

– Элида.

– А кто помог Элиде отвоевать её?

– Спарта.

– У кого?

– У Аргоса и Писы.

Ответы быстро надоели учителю. Он знал: у мальчика великолепная память. Он запомнил мельчайшие детали услышанных когда-либо историй. Учитель вновь обратился к классу:

– Верно. Спарта, в которой вы живёте, сыграла немалую роль в том, чтобы игры стали такими, как сейчас. Именно Спарта более пятидесяти лет назад справилась с грозным Аргосом, отвоевала у него святилище Зевса в Элиде и доказала, что спартанцы – истинные потомки Геракла, достойные великого предка. Недаром Спарта сейчас самое могущественное государство в Элладе. Но так было не всегда. Когда-то давно настали смутные времена. Наш народ погибал от беззакония и плохих нравов. Любой мог прийти и забрать нашу пищу, наши дома, наш скот. Сегодня я расскажу вам о том, как Спарта стала могучей и непобедимой, как великий Ликург дал нам законы и строго следил за их выполнением, как мы выстояли в войнах с Аргосом и Мессенией...

Клеант понял, что отвечать ему больше не придётся, и приготовился слушать. Он любил слушать истории. Дома такой возможности не было. Мама умерла, и он её не помнил. Отец мало обращал внимания на сына, а когда тому исполнилось семь лет, с чистой совестью сбыл его с рук, отдав на попечение государства.

Все спартанские дети оказывались в школе в семилетнем возрасте. Поначалу они скучали и даже иногда плакали, но подобное поведение быстро пресекалось строгостью наставников и оскорблениями других учеников. Со временем образы родителей тускнели, занятия отнимали много сил, новые знакомства порождали новые интересы и дружбу. Только Клеант не обзавёлся другом, потому что не умел и не любил драться и веселиться. А недавно у него появилась мечта. Он хотел победить на Олимпийских играх. Правда, он не знал, как это сделать, ведь для победы нужны не ум и память, а сила и ловкость. Мальчик слушал учителя, и постепенно в его голове начал формироваться план. Если Ликург сумел сделать слабое и беззащитное государство таким сильным и могучим, то почему и ему, Клеанту, не поступить

так же? Надо лишь понять, как именно Ликург это сделал, и повторить то же самое. И тогда его оставят в покое – никто не осмелится оскорбить олимпийского чемпиона. После победы он будет делать всё, что пожелает!

***

Лениво рассекая волны, корабль медленно полз вдоль северного побережья Понта Эвксинского, в просторечии – Понта. В прошлом году в Милете был объявлен набор в недавно основанную колонию, и откликнулось много желающих перебраться на новое место жительства.

Феодор улыбнулся, когда сзади послышались лёгкие шаги, и маленькая тень легла перед ним. Леандр. Единственный выживший из его семьи. Младший брат совсем юношей погиб во время похода персов против Египта – персы забрали его в армию, как и многих других эллинов. Младший сын Феодора умер два года назад, едва родившись, а жена за несколько месяцев до отплытия ушла в подземное царство Аида.

Ради Леандра, ради его будущего, Феодор решил отправиться в далёкое и трудное путешествие. В новой колонии он получит участок – небольшой, ибо большие уже заняты, – и сможет растить хлеб или виноград, заниматься торговлей. Феодор мечтал не только начать новую жизнь, но и сделать её безопаснее, чтобы сыну не пришлось воевать в чужой армии, защищая персидского сатрапа. За последние два десятка лет царь Персии Кир захватил всю Ионию – эгейское побережье Малой Азии, где находились эллинские полисы, включая их родину – город Милет. Сын Кира Камбиз, продолжая политику отца, завоевал Египет – тогда и погиб брат Феодора.

Режим, установленный Персией в Ионии, был тяжёл. Помимо опасности оказаться на чужой войне, приходилось платить непомерные налоги. Торговать стало невозможно: морские торговые пути в Эгейском море захватили союзники персов финикийцы, а торговля с прежним партнёром – Египтом – почти прекратилась после его покорения персами. Однако сохранились связи Милета с городами, основанными эллинами на северном побережье Понта, благодаря чему Феодор с сыном направлялись сейчас в Каркинитиду – одну из колоний Милета на полуострове Таврида. Колония существовала не один год, но народу не хватало. Когда объявили о наборе, Феодор записался в число колонистов, решив уехать из Милета, где у него почти ничего не осталось. Состав экспедиции был пёстрым: здесь имелись выходцы из Милета и других ионийских городов, желавших себе лучшей участи, чем жить под гнётом Персии.

Леандр остановился подле отца, с интересом разглядывая побережье. До сих пор он ни разу не выезжал за пределы родного города, и для него путешествие было огромным приключением. Правда, мальчик всё ещё грустил по прежней жизни. Он скучал по оставленным друзьям и знакомым местам, где излазил каждую тропку и знал каждый куст. Феодор, впрочем, не сомневался: со временем сын привыкнет к новой родине и найдёт новых друзей. А вот ему самому придётся очень непросто.

Феодор окинул море взглядом. Он любил смотреть, как волны в бесконечной череде сменяют друг друга, как блики солнца играют на поверхности воды, проникая туда, куда путь простым смертным был заказан. Любил плеск воды, будь то от корабельных вёсел или резвящейся рыбёшки, любил умиротворение, которое охватывало его при виде безграничной морской дали, любил запах соли и рыбы. Море давало жизнь и позволяло открывать новые земли. Сейчас, в блеске проникавших до самого дна солнечных лучей и при почти полном отсутствии ветра, оно казалось лазурным, а в волнах порой мелькали зеленоватые отблески. Прозрачность и чистота воды словно смывали весь тяжкий груз проблем, горечи и обид, вывезенный с родины, и наполняли уверенностью и надеждой на лучшую жизнь.

– Папа, а когда мы приплывём в новый город? – спросил мальчик.

– Скоро. Но пока города там нет, только небольшое поселение. Мы сами построим город.

– А как строится город?

– Ну как... Долго. Сначала на выбранном месте проводятся обряды, посвящённые богам, – дабы их помощью заручиться. Потом новые жители обозначают границы будущего города, выбирают места для главной площади и храма, и потом начинается строительство. Как раз сейчас оно там и ведётся. Те, кто приехали раньше нас, уже много сделали, но и на наш век работы хватит. Скоро ты сам увидишь, как рождается новый город. Земля вокруг него делится между жителями, и один из участков получим мы с тобой. Земля – самая большая ценность, без неё нельзя чувствовать себя полноценным гражданином. Всегда это помни.

– Да, папа. И мы уже не вернёмся в Милет?

– Когда-нибудь вернёмся, но на время или навсегда, кто знает? – Феодор посмотрел на печальное лицо Леандра. – Но я не хочу, чтобы ты думал, будто я отбираю у тебя родину. Помни одно: мы не только милетяне или жители Каркинитиды, мы с тобой эллины, и вся Эллада – твой дом. Там, – Феодор махнул куда-то назад, в сторону, откуда они приплыли, – находятся главные города эллинов. Надеюсь, когда-нибудь ты их увидишь. Кроме нашего Милета и соседнего Эфеса или Смирны дальше за морем лежат Афины, где тоже говорят на ионийском языке. Есть ещё Спарта и Аргос, Эгина и Дельфы, где стоит храм Аполлона, такой же, как у нас в Дидимах. Городов много, но особенно я хочу показать тебе Олимпию, где проводятся Олимпийские игры. Победитель игр становится героем всей Эллады, независимо от того, где живёт. Его имя прославляется в веках, как прославилось имя юного Эвримена с острова Самос или Леокреона с Коса.

– А ты участвовал в Олимпийских играх?

– Даже если бы я захотел, у меня не было времени на тренировки: приходилось о семье заботиться.

– А я смогу участвовать?

– Конечно. Но сначала ты должен завоевать это право, став достойным гражданином новой родины и всей Эллады.

Глава 1. Олимпия

Подпрыгивая от нетерпения, Гектор мчался по пыльной дороге. Они с отцом направлялись в Олимпию, расположенную на полуострове Пелопоннес. Из Афин они на корабле добрались до острова Эгина, затем достигли Арголиды – северо-восточной области Пелопоннеса. Глубоко вдающийся в сушу Арголидский залив отделял её от юго-восточной области Пелопоннеса – Лаконики. В Лаконике находилась Спарта, о которой Гектор немало слышал от отца и его друзей, а также от учителей. После Лаконики появилась юго-западная область Пелопоннеса – Мессения. Корабль шёл на север вдоль берега Мессении, и отец рассказал, что эту территорию, издревле заселённую эллинами-ахейцами, в стародавние времена покорили дорийцы. Они основали Спарту и превратили жителей Мессении в рабов. Дальше на севере лежала Элида, где и находилась Олимпия.

Корабль был переполнен – желающих побывать на Олимпийских играх хватало. Доплыв до устья реки Алфей, корабль проплыл ещё немного до гавани у городка Фея, там пассажиры сошли на берег и по дороге направились на восток в Олимпию вместе с другими желающими увидеть празднество. Бесконечный поток людей, объединённых ради чуда, происходившего раз в четыре года в разгар лета, когда после самого длинного светового дня в году наступало полнолуние.

Гектор остановился, дожидаясь отца, – тот и не думал торопиться, увлечённый разговором с каким-то стариком. Старик сел на корабль на Эгине и с тех пор плыл с ними. Гектор почти не обращал на него внимания, зачарованный новыми ощущениями и непривычной местностью. Пейзаж отличался от афинского – выжженной солнцем равнины и ярко-синего моря, сухого, раскалённого воздуха и пересохших рек. В Элиде было куда прохладнее, дул сильный ветер. Встречались небольшие болотца с непривычной глазу растительностью, необычно много лесов и пастбищ. А вдали виднелись горы, среди которых был Кронос – знаменитая гора, где великий Зевс победил отца, титана Кроноса, низвергнув его в царство мёртвых – Тартар. Отец и мама так много рассказывали ему о богах и героях, их победах и событиях, связанных с этими краями, что мальчику казалось, будто он уже бывал здесь.

Окрик отца вынудил Гектора остановиться. Старик, шагавший рядом, окинул его понимающим взглядом и обратился к отцу:

– Не ругай молодого человека, Прокл. Юность так быстротечна.

– Он достаточно взрослый, Праксидам. Пора вести себя соответственно. Несётся, как на пожар.

– Пожар и есть! Пламя олимпийского огня зажигает кровь, как ничто иное!

– А вы на играх бывали? – вмешался Гектор, обращаясь к Праксидаму. Отец почему-то рассмеялся.

– Не только бывал, но и участвовал, – подмигнул старик. Чуть погодя он добавил:

– И побеждал.

Его взгляд стал отрешённым, словно он пытался проникнуть вглубь прошлого и снова вспомнить былые дни и победы.

Гектор этого не заметил. Он впервые встретил олимпийского чемпиона! В Афинах ему не доводилось видеть чемпионов. Единственный известный ему победитель из Афин – родственник отца по имени Кимон – умер, когда Гектор был совсем маленьким, и мальчик его не помнил. Восхищённый Гектор уставился на Праксидаму, отметив, насколько сильное у него тело, несмотря на возраст, который выдавали глубокие морщины и редкие седые волосы. Рельефные мышцы проступали на мощных руках, а ноги казались отлитыми из металла или камня. Почувствовав руку отца, Гектор отвёл взгляд, но продолжал из-под ресниц изучать старика. Судя по сложению, он мог быть борцом.

– Если хочешь что-то узнать, иногда проще спросить, – Праксидам неожиданно хитро подмигнул мальчику. Гектор оглянулся на отца, и тот кивнул.

– Вы боец?

– Верно. Мне приходилось участвовать в разных состязаниях, но я всегда предпочитал именно борьбу, точнее, кулачный бой. Правда, со времени моей победы прошло лет тридцать.

– Тридцать? – такой срок казался Гектору вечностью.

– Не так уж много, но это с какой точки зрения смотреть. Когда я был так же юн, тоже считал, что пятьдесят – конец жизни.

Гектор смутился. Неужели, его мысли так легко читать?

– Просто, мой мальчик, тебе пока незачем скрывать свои мысли. Это одна из лучших черт юности.

Гектор растерялся: разве взрослые не могут говорить, что хотят? Впрочем, он не стал забивать себе голову – впечатлений и без того хватало.

Поток людей увеличивался, пыль так и клубилась в воздухе, из-за чего, несмотря на жару, многие кутались в плащи.

Гектор едва не приплясывал от нетерпения. Всюду слышались шум голосов, ржание лошадей, скрип повозок, оживлённые разговоры, смех, шутки и рассказы о событиях, связанных с играми. Люди словно забыли о прежней жизни. Здесь была другая, нереально-прекрасная жизнь, исполнение долгожданной мечты.

Гектор всегда с завистью смотрел на сверстников, побывавших на Олимпийских играх. На них съезжался народ со всех концов Эллады, включая те места, о которых в Афинах хотя и слышали, но почти ничего не знали. Теперь ему самому представился случай посмотреть на чудо. Гектор улыбнулся при мысли о том, как популярны будут его рассказы среди друзей в Афинах.

Тем временем Олимпия приближалась. Они уже вышли на берег Алфея, впереди виднелась речушка Кладей, впадавшая в Алфей с севера. Вот на месте их слияния, примерно в ста двадцати стадиях¹ от гавани и была конечная цель путешествия. Дорога вывела путников к мостику через Кладей, после чего взорам открылась Олимпия – место, где можно достичь небывалой славы, равной славе могучих богов и великих героев. Место, где Зевс победил жестокого отца! Место, по которому ходил Геракл. Здесь всё излучало божественное спокойствие и память столетий.

Праксидам жестом указал на Кронос, и Гектор не сдержал разочарования: скорее холм, чем гора. Праксидам и Прокл с улыбкой переглянулись, и старый олимпионик спросил:

– Что, неказиста гора?

Гектор снова смутился, но смело ответил:

– Я думал, титаны предпочитали места повыше.

Оба взрослых расхохотались.

– Уверю тебя, высота не главное, коль скоро всё происходит у подножия горы, а не на вершине.

– А что надо для участия в играх?

– Прежде всего, сообщить о своём желании организаторам игр. Если они сочтут тебя достойным, ты будешь много тренироваться. За месяц до начала игр придётся приехать в город Элида, местную столицу, и доказать на испытаниях, что ты готов к играм. Затем ты месяц тренируешься в Элиде, проходишь ещё одно испытание и становишься участником игр.

– Любой человек может участвовать? – уточнил Гектор.

– Любой свободный эллин. Мужчина или юноша, вроде тебя.

---

¹ Расстояние, которое в разных полисах Древней Греции варьировалось в районе 180—190 метров. В Олимпии дистанция в один стадий равнялась примерно 192,27 метрам и была основным видом олимпийских соревнований.

– Значит, я тоже?

Праксидам бросил на мальчика оценивающий взгляд:

– На самом деле, можешь, хотя сто с небольшим лет назад мальчишки до соревнований не допускались. В этих играх участвует величайший борец Эллады – Милон из Кротона. Так вот он начал выступать, когда ему было четырнадцать, то есть всего на пару лет больше, чем тебе. Потом он участвовал в играх четыре раза уже взрослым, опытным борцом и всегда побеждал.

– Я о нём много слышал. Друзья говорили, по силе он равен Гераклу. И может бегать с быком на плечах. И...

Праксидам положил руку ему на плечо.

– Не сомневаюсь, что твои друзья рассказывали, но сам я такого не видел. Тебе тоже лучше довериться своим глазам.

Прокл и Праксидам шагали неторопливо, степенно, ничуть не заботясь о чувствах Гектора. Тот хотел припустить бегом, но вынужден был сдерживаться.

Широкий людской поток постепенно концентрировался у переправы через Кладей, но после неё снова расходился разными путями. Кто-то шёл смотреть Олимпийское святилище, кто-то стадион, но большинство предпочли сразу заняться обустройством. Разноцветный палаточный городок рос буквально на глазах. Те, кто прибыли раньше, занимались привычными будничными делами. Такое количество народа Гектор видел разве на празднике Великие Панафинеи, которые проводились в Афинах раз в четыре года, как и Олимпийские игры.

Они перешли мостик и оказались на противоположном берегу Кладея. Гектор немного пробежал вперёд и застыл, пытаясь разглядеть сквозь деревья место, куда он так стремился. Перед ним расстилалась большая долина, окаймлённая лесистыми холмами. Почти сразу за переправой располагались различные постройки, предназначенные для подготовки спортсменов. Тут же теснились бесконечные палатки прибывших ранее путешественников. Но наибольший интерес вызывал олимпийский комплекс – священная роща с храмом, алтарями богов и статуями победителей. Рощу окружала ограда. Дальше на восток находились стадион и ипподром, но из-за деревьев их было плохо видно.

Отец, подошедший сзади, легонько подтолкнул мальчика в спину, и тот с сожалением оторвался от раскинувшейся перед ним панорамы. Все трое двинулись вперёд, лавируя между людьми. Многие узнавали Праксидама в лицо и приглашали к своему очагу, но старик вежливо улыбался, приветствовал знакомых и незнакомых людей, а потом шёл дальше. Наконец нашлось подходящее место в тени огромного платана, и работа закипела.

Как только палатку установили, Гектор удовлетворённо потянулся и огляделся. Сотни палаток напоминали раскинувшееся над долиной лоскутное одеяло. Чуть в стороне торговцы предлагали на продажу еду, ткани, вино, оружие, доспехи и массу других товаров. Всюду заключались пари на грядущих победителей, рядом бродили ослы, мулы и лошади, сопровождаемые окриками погонщиков, факиры показывали фокусы, откуда-то слышались стихи, а над людским морем неторопливо виляла нежная мелодия флейты... В непрерывном гаме трудно было что-либо расслышать, но зато было на что посмотреть. Гектор медленно побрёл вдоль рядов палаток, впитывая увиденное.

Когда ему на плечо опустилась чья-то рука, Гектор вздрогнул. Оглянувшись, он увидел приветливое лицо Праксидама, к которому испытывал глубочайшее восхищение. Бывший кулачный боец махнул рукой в сторону ограды, опоясывавшей рощу:

– Всё, что находится внутри, называется Альтис – священная роща Зевса. Именно там завтра будет проходить первый день Олимпийских игр. Он посвящён жертвоприношениям, жребию и клятвам спортсменов, а соревнования проводятся послезавтра. На третий день награждают победителей.

- А как проходит жеребьёвка?
- Не торопись, постепенно ты всё узнаешь.

Гектор вздохнул и решил набраться терпения, хотя на языке вертелось множество вопросов.

- Хочешь посмотреть рощу?

– Конечно, – Гектор радостно подпрыгнул, но тут же взял себя в руки. Оба они направились к входу в Альтис, располагавшемуся в северной части западной стены ограды.

Перед тем, как войти, старик указал налево, где высились колонны, скрывавшие песчаные дорожки.

– Там расположены гимнасий и палестра, где атлеты тренируются перед играми. Завтра после основной церемонии сможешь посмотреть на тренировки.

Праксидам провёл мальчика в Альтис. Густая тень деревьев накрыла обоих, и жара, характерная для самого жаркого месяца в году, немного отступила, преклоняясь перед духом богов. Всюду бродили люди, но не было ощущения тесноты.

- Я расскажу тебе о некоторых обычаях и обрядах, ведь завтра ты их не увидишь...

- Почему? – прервал Праксидама Гектор, но тут же умолк. Старик, однако, ответил:

– Внутри допустят лишь жрецов, спортсменов, судей и послов городов. Как ты понимаешь, все желающие в роще не поместятся. Ведь их многие тысячи.

Это Гектору в голову не приходило.

Праксидам указал мальчику на небольшую квадратную постройку у входа:

- Пританей, здание администрации. Такой есть в любом городе, в том числе и в Афинах.

Местные пританы занимаются решением текущих дел. После игр здесь устраивается пир для победителей, здесь же находится алтарь богини домашнего очага Гестии, во время игр на нём постоянно горит огонь. На алтаре приносят жертвоприношения перед играми, и именно отсюда завтра начнётся шествие процессии по Альтису.

За пританеем возвышался величественный храм на трёх каменных ступеньках – самая высокая постройка Альтиса. Храм окружали колонны. Гектор насчитал шесть с одной стороны и шестнадцать с другой. Старые деревянные колонны перемежались более новыми каменными. Храм поневоле приковывал внимание размерами и суровой мощью. Он не был очень высоким, но казался внушительным, прочным и надёжным.

– Ты, должно быть, видел немало храмов в Афинах, но этот храм богини Геры, жены Зевса – один из самых древних в Элладе. Он построен около ста лет назад. Здесь хранится священная реликвия – диск, на котором записаны правила Олимпийских игр, выбитые при царях Ифите и Ликурге. Раньше здесь хранились подарки городов и отдельных людей, но их скопилось так много, что большинство перенесли в специально построенные сокровищницы.

– Давай пройдем внутрь, – предложил Праксидам. Они обошли храм – вход находился с противоположной стороны – и поднялись по ступенькам. Внутри Гектор завертел головой. Два продольных ряда колонн делили храм на три неравные части: большую центральную и две узких боковых. В глубине храма высились две каменные скульптуры: Гера и Зевс. Гера сидела на троне и была одета в тканый пеплос². Рядом стояла фигура бородатого Зевса. Гектор посмотрел в тёмные глаза Геры, и ему стало не по себе. Она взирала на него, пронзая насквозь, словно говоря: «А есть ли у тебя право быть в этом месте?»

Гера никогда не нравилась Гектору, потому что строила бесконечные козни его любимому герою Гераклу, но сейчас мальчик испытал нечто сродни уважению. От её взгляда было невозможно укрыться даже за колоннами. На её фоне Зевс несколько терялся, и его одеяние выглядело более грубым. Приблизившись, Гектор заметил, однако, что тонкие губы богини сложены в лёгкую спокойную улыбку. Да и вся фигура при ближайшем рассмотрении, каза-

---

² Верхняя женская одежда, покрывало.

лось, излучала покой и уверенность, присущие богам. Гектор сделал шаг назад, чтобы получше осмотреть фигуру.

– Имя скульптора давно забыто, но камень хранит образ, созданный художником. Такие творения живут века, если их не уничтожат варвары, которые не понимают красоты и ценят разрушение, а не созидание. Постарайся не уподобиться им в будущем. Вон, смотри, – Праксидам указал на пространство позади Геры и Зевса, где виднелись ещё статуи, – там есть, например, статуи Гор, детей Зевса и богини Фемиды. Так вот их давным-давно делал мой земляк, эгинец Смилис. На Эгине почти все его работы уничтожены войнами. – Праксидам внезапно замолчал и, вздохнув, продолжил:

– Знаешь, что мне больше всего нравится в Олимпии? Требование всеобщего мира во время их проведения. Именно благодаря ему в Олимпии сохранилось много сокровищ – и я говорю не о ценных подарках.

Праксидам отошёл от статуи и приблизился к какому-то диску, лежащему на постаменте. Он был бронзовый, а по краю едва читались буквы. Гектор нагнулся, пытаясь разобрать надпись, но вскоре разочарованно повернулся к Праксидаму:

– Ничего не понятно. А вы знаете, что тут написано?

– Давным-давно Элида и Спарта воевали друг с другом. В конце концов царь Элиды Ифит и царь Спарты Ликург договорились о мире и в честь этого события провели Олимпийские игры. Игры здесь проводились издавна, как говорят, со времён Геракла, а то и раньше, но тогда они не были так популярны, на них не съезжались со всех концов Эллады. Ифит и Ликург установили правило, по которому во время игр на определённый срок объявлялось священное перемирие – экехейрия, чтобы все желающие могли без проблем добраться до Олимпии, а потом уехать домой. Вот об этом и написано на диске.

Гектор понятия не имел, кто такие Ифит и Ликург, и хотел расспросить Праксидаму поподробнее, но тот уже указал Гектору на треножник в глубине храма. На нём лежали венки.

– Их вручат победителям в последний, третий день игр. Здесь они хранятся до церемонии награждения.

Гектор вытянул шею, чтобы получше разглядеть венки. О таком с детства мечтал любой мальчишка! Венки изготавливали из двух ветвей оливкового дерева и перевязывали пурпурными лентами. Гектор представил, как получает подобный венок: ощутил его прикосновение к голове, приветственные крики болельщиков, пение гимнов в свою честь... Из сладких грёз его вырвало похлопывание по плечу.

– Идём, сынок, тут ещё есть на что посмотреть.

Они направились к выходу, и Гектору казалось: по пути его сопровождают не статуи Ареса и Плутона, Диониса и Асклепия, Аполлона и Артемиды, а сами боги.

Они вышли из храма. Справа выделялось сооружение с невысокой пятиугольной каменной оградой. За ней виднелся небольшой холмик, напоминавший могилу. Однако Праксидам прошёл чуть вперёд, наискосок от ограды, почти в центр Альтиса, подведя Гектора к огромному жертвеннику, выделявшемуся чёрным пятном на фоне зелени. Каменное основание в виде круга покрывал толстенный слой пепла, создавая ступеньку, а на ней возвышался настоящий пепельный холм.

– Алтарь Зевса Олимпийского – главное святилище Олимпии. Здесь перед празднеством приносят в жертву животных, а их пепел смешивают с водой Алфея и намазывают на алтарь. Сначала жертвы приносят в пританею на алтаре Гестии, затем процессия идёт сюда, а потом все идут к алтарям других богов и героев: Афины, Артемиды, Геры, Гефеста, Аполлона, Геракла... – Праксидам отвлёкся и посмотрел на Гектора. – Я вижу, ты заскучал.

И впрямь, Гектора мало занимал алтарь, даже такой огромный. В Афинах их было много, и мальчик не раз видел, как проходят жертвоприношения. Куда интереснее казались многочисленные статуи героев-олимпиоников, чьи победы на Олимпийских играх дали им право

ставить в священном месте свои изображения. Гектор с нетерпением поглядывал по сторонам, готовый по первому знаку старшего друга бежать навстречу знакомству с героями прежних лет.

Заходящее солнце озаряло разукрашенный мрамор и известняк статуй, подчёркивая тени и складки одежд, наполняя изваяния жизнью и силой.

– Статуи в большинстве принадлежат победителям игр. На многих есть посвящения, кто и в каком виде соревнований выиграл венок. Некоторые статуи установлены здесь самими победителями, некоторые – их городами, а многие победители так и остались без статуй.

Гектору хотелось рассмотреть статуи поближе, почитать надписи, но Праксидам потянул его в сторону, к юго-западному входу в Альтис. Они обогнули пятиугольное строение, и старик остановился у какой-то дикой маслины. Гектор, испугавшись, что его заставят покинуть почти неизведанное место, воспрял духом и с интересом уставился на дерево.

– Из листьев этой маслины делают венки победителей. Говорят, её посадил сам Геракл, привезя из далёких земель, где живут гипербореи.

Впрочем, дерево как дерево, ничего примечательного Гектор не заметил. Зато отсюда отлично просматривался весь Альтис. Его северная граница проходила у подножия Кроноса, и вдоль неё с запада на восток выстроились здания. Храм Геры в лучах заходящего солнца казался особенно внушительным. Другие постройки были небольшими и главным образом состояли из двух боковых стен с двумя колоннами между ними при входе. Крыши их покрывала цветная черепица. Задние стены зданий примыкали к склону Кроноса. Праксидам махнул рукой в их сторону:

– Это сокровищницы разных государств. Там хранятся их дары и подношения.

Сокровищницы Гектора тоже интересовали мало. Старший спутник, очевидно, заметил нетерпение мальчика, потому что тихо хмыкнул и снова направился в сторону алтаря Зевса. Впрочем, до него они не дошли, остановившись у деревянного навеса, под которым находился вкопанный столб, скреплённый в нескольких местах обручами. На столб Гектор внимания не обратил, направив взгляд на две деревянные статуи. Они выглядели древними. Гектор с любопытством посмотрел на Праксидама, ожидая объяснений.

– В честь моей победы мне разрешили установить в Олимпии статую. Самую первую, поставленную в честь спортсмена, – в голосе старика прозвучала нескрываемая гордость. Он прикоснулся к творению резчика, но взгляд его был устремлён не на статую, а куда-то далеко. Он словно вновь слышал и видел свою давнюю победу.

– Один художник вырезал её для меня из кипариса. А вот эта, – Праксидам указал на соседнюю статую из смоковницы, – сделана в честь победы панкратиста Рексибия из города Опунта две олимпиады спустя после меня.

Статую Рексибия поставили позже, но сохранилась она похуже. Однако художники сумели передать в дереве мощь и силу двух борцов, которые снисходительно взирали на проходящих мимо простых смертных.

– А что это такое? – Гектор ткнул пальцем в столб. – Почему он укрыт навесом?

– Столб Эномая. Ты о нём слышал?

– Нет. Кто это?

Откуда-то сбоку раздался смешок, и Гектор подпрыгнул от неожиданности. Он почти забыл о людях вокруг.

– Эномай был царём Писы, которая когда-то владела Олимпией. Это – столб от его дома, – голос принадлежал тощему, но жилистому мальчишке на год старше Гектора. Его тёмное от загара тело покрывали шрамы и рубцы, в том числе довольно свежие, недавно бритую голову едва прикрывал жёсткий ёжик чёрных волос. Он был босиком, на плечах – ободранный плащ, немало повидавший на своём веку. Взгляд мальчишки, как и голос, казался одновременно вызывающим и насмешливым: – Вы сказали, это ваша статуя? Значит, вы – Праксидам,

борец? – опять этот тон, но с намёком на едва заметный интерес. – В Спарте я часто видел победителей разных игр, но из других городов никого не знаю.

– Раз тебе известно моё имя, представься, чтобы и я знал, с кем имею дело, – слова Праксидама тоже звучали чуть насмешливо, но мальчишка пропустил насмешку мимо ушей.

– Клеант из Спарты, – больше он не добавил ничего. Но и не ушёл, внимательно разглядывая бывшего борца.

– Если ты из Спарты, то должен знать об Эномае. Не поделишься с Гектором?

Клеант нахмурился, потом покачал головой. Он знал историю этого царя, но, как и раньше, предпочитал слушать, а не рассказывать. Всегда можно услышать что-то новое, если его не выгонят. Он уже много услышал о росте могущества Персидской державы, её войнах с соседями, о готовящемся походе персидского царя Дария на север Понта для борьбы с какими-то скифами или саками. Правда, кто они такие, Клеант толком не знал, но все надеялись: Дарий найдёт среди них свою гибель. Услышал он и о недовольстве, которое усиливалось в городах Ионии, а также о событиях в Афинах, где несколько лет назад умер тиран Писистрат, и теперь правили его сыновья Гиппий и Гиппарх. Много было разговоров и о других частях Эллады, помимо Пелопоннеса. Об этом не говорили на уроках в школах Спарты – ученику из Лакедемона незачем знать такие вещи, вполне хватало истории громких побед собственного государства и его союзников. Клеант сам себе не мог толком объяснить, зачем собирает эти сведения.

– Эномай действительно был царём Писы. У него имелась дочь Гипподамия, слава о её красоте шла по всей Элладе. К ней сватались многие богатые и знатные женихи, пленённые прекрасным обликом девушки. Но царь не спешил выдавать дочь замуж из-за пророчества: ему предсказали смерть от руки будущего зятя. Эномай испугался и объявил, что выдаст дочь лишь за того, кто обойдёт его в состязании колесниц. Но царь поставил условие: проигравший гонку должен умереть. Эномай верил в победу: ему не было равных в умении управлять лошадьми, а его кони были самыми лучшими. Многие соревновались с Эномаем: красота и добрый нрав Гипподамии лишали мужчин разума. Женихи пытались вновь и вновь, и росло количество жертв, которые Эномай приносил в угоду своему страху. Однажды в Элиду из-за моря приплыл некий Пелопс. Он услышал о Гипподамии и захотел на ней жениться. Но Пелопс понимал, что шансов уцелеть у него нет, а умирать ему не хотелось. Он решил пойти на хитрость: уговорил Миртила, возницу Эномая, не ставить чеки в оси колёс царской колесницы. Миртил согласился за определённую плату, и всё вышло так, как хотел Пелопс. Колёса соскочили с осей, и Эномай разбился насмерть. Пелопс женился на Гипподамии и стал царём Писы, а наш полуостров назвали его именем – Пелопоннес.

– А что Пелопс пообещал Миртилу? – с любопытством спросил Гектор. – Почему тот согласился ему помочь?

– Разве это имеет значение? – презрительно бросил Клеант. – Предательство есть предательство. Пелопс – трус. Настоящий мужчина не сражается обманом.

– Но ведь Эномай тоже был несправедлив. Он побеждал тех, кто не имел таких коней, – возразил Гектор.

– Это не его проблема. Их никто не заставлял.

– Тебе нравится Эномай?

– Нет. Он ещё более жалкий трус.

– Тогда зачем ты его защищаешь?

– Не его. Я за честный бой. И я не люблю предателей.

– Как будто я люблю, – обиделся Гектор. – Но разве у Пелопса был выбор? Как бы ты поступил?

Клеант насупился:

– Я бы не стал умирать ради женщины, – высокомерно заявил он. – Но если бы решил участвовать, нашёл бы способ.

Гектор едва не засмеялся, но тут Праксидам счёл нужным вмешаться:

– Дело не в том, как бы ты поступил, а в том, как не поступил бы. Есть вещи, сделав которые, обречёшь себя на гибель. Может быть, не в прямом смысле, но всё же гибель. Потому что предательство или другой бесчестный поступок, вроде жестоких игр Эномая, влечёт за собой возмездие богов. Поэтому Эномай погиб от руки слуги, и его дом разрушила молния. Один столб и остался. Миртил вместо награды тоже получил смерть. То ли он хотел полцарства, то ли ещё что, но Пелопс не захотел платить и сбросил соучастника со скалы в море. Миртил перед смертью проклял род Пелопса, и с тех пор не было потомкам Пелопса удачи, их преследовал злой рок. Одна подлость повела за собой другую, и так далее. Захотел бы ты такой судьбы, Гектор, выбрал бы путь Пелопса?

– Нет, – мальчик посерьёзnel. – Но как же быть?

– В данном случае можно отступить, можно учиться тому, в чём ты слаб, можно собрать армию и победить врага или заставить врага принять свои условия. А можно украсть невесту и бежать. Рано или поздно вам придётся делать тяжёлый выбор и отвечать за него тоже придётся вам или вашим близким.

– А если выбора нет? – резко спросил Клеант.

– Выбор есть всегда, но не всегда хватает смелости ему следовать или ума его увидеть.

Солнце опускалось всё ниже, и Гектор с сожалением понял: путешествие по Олимпии закончено. Клеант, казалось, не обращал внимания на поблекшие краски, словно умел видеть в темноте. Тем временем Праксидам повёл Гектора к выходу, миновав по пути дикую маслину Геракла. Клеант следовал за ними, хотя его независимый вид не давал заподозрить, что ему нравится нынешняя компания.

Выйдя за ограду, старый эгинец повернул налево и, зайдя за угол, направился вдоль стены Альтиса на восток, к зданию между оградой и Алфеем. У южной стены здания стояла статуя Зевса.

– Это булевтерий, где заседает буле – олимпийский совет. Завтра именно сюда в конце придут спортсмены и судьи, а члены совета – гиеромаи – примут их клятвы. Спортсмены поклянутся у статуи Зевса Горкия, Хранителя клятв, соблюдать все правила игр, а судьи – честно судить. На этом завтра обряды закончатся. Теперь идём, пора поесть.

И действительно, в животе Гектора немедленно заурчало, и он пошёл к палатке, где ждал отец. Клеант хотел улизнуть, не желая навязываться, но Праксидам не позволил, потянув за собой. Юный спартанец решил, что глупо отказываться, раз уж подвернулся шанс перекусить, и побрёл за стариком.

Даже привычная солёная рыба и лепёшки казались необычными в новой обстановке. Тени мелькали тут и там, и шелест травы от пробегающих мимо людей не заглушался уже дневным многоголосьем – лишь время от времени кое-где слышались взрывы смеха, возгласы, приветствия, песни. Умиротворение, наполненное жизнью.

Гектор наслаждался теплом огня и компанией. Клеант сидел тут же: его притягивало к этим открытым людям, так непохожим на прежних знакомых. Он и Праксидам весь вечер о чём-то говорили, из-за чего Гектор чувствовал себя немного отвергнутым. К ним присоединились трое: юноша лет двадцати с едва пробивающейся русой бородкой, которую он явно холил и лелеял, и двое рыжеволосых громкоголосых братьев, с чьих губ не сходила улыбка.

– Я слышал, Милон из Кротона снова собирается участвовать в играх? Специально приехал посмотреть, победит ли он, ведь ему почти сорок. Я не знаю никого, кто выступал бы так долго и побеждал, – эти слова произнёс юноша. Он явно не понимал, как можно верить в такую победу. Судя по всему, остальные его мнения не разделяли.

– Раз ты его не видел, то подожди с суждениями. Он самый могучий борец, какого знала природа со времён Геракла, уверяю тебя, – насмешливо возразил один из братьев – Диадор – и подмигнул Гектору. – А что до возраста, посмотри на Праксидама – рискнул бы ты с ним сражаться?

Юноша – его звали Меарон, а прибыл он, как позже выяснилось, из Милета в Азии – откинул старого эгинца внимательным взглядом и промолчал.

– Как ни приятно сравнение, но до Милона мне далеко. Такие атлеты бывают раз в сто лет. У него пять побед на Олимпийских играх – не считая побед в Дельфах, Немее и на Истме у Коринфа.

– Подумаешь, – вмешался Клеант, не выдержав, – у нас в Спарте тоже были борцы, которые побеждали в Олимпии по пять раз.

– Неужели? Я таких не знаю, – произнёс второй брат по имени Финний. – Как их звали?

– Хетомикл побеждал пять раз, а его отец Гиппосфен – шесть раз, – невозмутимо ответил Клеант. – В Спарте есть храм Гиппосфена – так его почитают.

– Я про них не слышал. И когда это было?

– Когда в Афинах Драконт и Солон начинали устанавливать законы.

Гектор поражённо раскрыл рот, пытаясь выудить из воспоминаний хоть что-нибудь об упомянутых афинянах, но ничего не вспомнил, кроме того, что жили они где-то во времена его прадедушки и установили в Афинах новые законы.

Взрослые с удивлением уставились на юного спартанца.

– Неужели в Спарте всему этому учат? Я слышал, у вас многие даже читать не умеют, – казалось, Меарон не верит собственным ушам. – Откуда тебе всё это известно?

– Кто слушает, тот знает, – отрезал Клеант, и, вытащив откуда-то финик, демонстративно засунул его в рот. Спорить ему не хотелось, ведь он и сам частенько задавался вопросом: почему знания так мало значат на родине? Его способность вспомнить и соединить в единое целое события зачастую вызывала раздражение не только у его сверстников в Спарте, но и у взрослых, а попытки расспросить про жизнь в других странах наткнулись на стену непонимания и, как правило, заканчивались наказанием. Но обсуждать это с чужаками он не собирался.

– А ведь мой отец рассказывал мне про Хетомикла, – вспомнил Праксидам. – Он действительно был очень силён. Хотя не всегда стоит судить лишь по внешности. Вроде бы в тот год, когда Хетомикл выиграл в последний раз, в кулачном бою среди юношей собирался участвовать один молодой самосец Пифагор. Так вот, его осмеяли зрители. Из-за длинных волос они решили, что он неженка, и исключили из состязаний. Но он оказался не так прост и рискнул соревноваться со взрослыми – и победил.

– Какой Пифагор? Философ из Самоса, который создал школу в Кротоне? Но ведь он ещё жив, как он мог победить в то время?

– Нет, то был другой человек.

– Философ Пифагор? Я слышал о нём. Кажется, Милон тоже из его школы.

– Верно.

– А что за школа? – поинтересовался Гектор.

– Про них мало известно. В их учении много странностей. Я слышал, они не едят бобов.

– Пифагорейцы считают главным в мире число и поклоняются ему как богу, – уверенно заявил милетянин. – Я знаю, поскольку Пифагор учился у мудрецов из Милета.

– Да, но нельзя сказать, что он – их ученик. Он предпочёл найти свой путь. Те философы изучали природу, а Пифагор познаёт мир с помощью числа. Для него число – точнее, единица – начало и причина сущего. Они считают, что душа человека бессмертна и изначально живёт на небесах, но потом время от времени она возрождается на земле в образе человека или

животного, и её возвращение на небо зависит от умения жить правильно. У членов общества общая собственность и образ жизни. Впрочем, я мало про них знаю.

– Почему?

– Это очень закрытое общество, о нём ходит много слухов, но мало кто знает наверняка.

– По-вашему, Милон – один из них? Странно, ведь Пифагор не слишком жалуется атлетов, считает, что почёт должен воздаваться не тем, кто сражается за венок, а тем, кто приезжают на игры просто «понаблюдать, не ища побед».

Гектору заскучал и устался на Клеанта в надежде поболтать, но тот упивался беседой и на Гектора не смотрел.

***

Клеант торчал здесь уже несколько дней, пешком добравшись из Спарты. Еду добывал в лесу, а при возможности – подворовывал у путников. В этом он стал мастером, ведь в Спарте воровство – обычное явление: спартавец с детства должен научиться добывать себе еду любыми способами. Правда, стоило попасться, и платить приходилось по полной. Среди шрамов на его теле были и отметки, полученные за кражу пищи. Жестокая порка служила наказанием не за кражу, а за то, что не сделал дело по-тихому. Лишь в последнее время Клеант наловчился не попадаться.

Впрочем, воровать он не любил – это доля тех, кто не достиг зрелости. А на долю взрослых доставались войны и земля с рабами. Клеант давно мечтал о тех временах, когда у него всё будет.

В Спарте не поощрялись дальние странствия и знакомства с чужеземцами, но дети должны учиться самостоятельности, да и статус Олимпийских игр был достаточно высок, поэтому юным спартамцам не возбранялось посещать их ни в качестве участников, ни в качестве зрителей. Тем более, Элида – давний союзник Спарты и не без помощи последней управляла проведением игр.

Клеант не забыл о детской мечте – победить в Олимпии. Он несколько лет упорно и много тренировался. Наиболее популярны среди спартамцев были, естественно, состязания борцов, но они требовали мощи тела. Как Клеант ни старался, его руки, плечи, торс не обретали достаточной силы, и Клеант занялся бегом. Его привлекал долихос – бег на длинную дистанцию не меньше семи стадий. Говорили, пару столетий назад первым выиграл долихос спартавец – Аканф. О нём много рассказывали на занятиях: именно с него началась череда олимпийских побед спартамцев. Раньше они почти не участвовали в играх, а с той победы Аканфа в течение полутора сотен лет половина побед в Олимпии доставалась Спарте. В последние десятилетия побед значительно поубавилось, но желающих получить заветный венок в Лакедемонне хватало.

Клеант легко обгонял сверстников в Спарте, но Игры требовали немалых средств, а отец наотрез отказался помогать мальчику. Он вообще почти не общался с сыном, и Клеант мог рассчитывать только на себя или на государство, которое часто оплачивало расходы, если считало кандидата достойным.

На игры Спарта выставила несколько человек, и Клеант получил разрешение побывать в Олимпии, правда, добираться ему пришлось самостоятельно. На шестьсот с лишним стадий между Спартой и Олимпией мальчик потратил несколько дней. Зато он увидел много новых мест и много узнал о событиях в Элладе и за её пределами, пристраиваясь к группам стекавшихся в Олимпию эллинов.

Сидя у костра с новыми знакомыми, Клеант удивлялся причудливости провидения. У него никогда не было друзей. Сверстников отталкивала его серьёзность, равнодушие ко многим спартамским забавам и традициям, стремление к знаниям. С другой стороны, поражала его удивительная способность выживать и ускользать из самых неприятных ситуаций. Клеант

давно подумывал о том, как изменить отношение спартанцев к себе. Таким, какой он есть, он никому не нужен. Это не огорчало его, но и не позволяло ощущать себя нормальным человеком. Мальчик уже понял, чего ждёт от него община: стать воином, готовым воевать и умереть ради интересов Спарты. Учёные, философы, торговцы или ремесленники в Спарте не в чести.

И вот сейчас, познакомившись с Гектором и его взрослыми спутниками, Клеант впервые встретил людей, которые не ждали от него определённого поведения и обращались к нему, словно знали его всю жизнь. Особенно понравился Клеанту Праксидам. Отчасти вызывало восхищение звание борца, отчасти – спокойное, мудрое отношение к миру, не лишённое юмора, но и не оторванное от реальности. Иметь такого учителя в школе было бы потрясающе. От такого отца Клеант тоже не отказался бы, но в Спарте понятие отца совершенно другое, нежели в остальных частях Эллады. За время странствий Клеант успел уловить разницу в отношениях между отцами и детьми родного государства и других стран. Глядя на Гектора с Проклом, он испытывал какое-то тоскливое одиночество, ведь собственного отца он видел крайне редко. Отцами в Спарте были для него все взрослые. Все – всё равно, что никто, внезапно осознал Клеант, глядя, как Гектор за ужином весело переговаривается с Проклом, припоминая их общие приключения и делясь мечтами. Отец и сын походили друг на друга – тёмные курчавые волосы, скрывающие уши, румяные щёки, широко расставленные ярко-голубые глаза, полные губы. Прокл носил усы и короткую бородку, правую щёку пересекал едва заметный шрам. Лицо Гектора отличалось невероятной подвижностью.

Именно этого – жизни с родителями – спартанцы не знали. Странно, но даже грядущие игры не вызывали у Клеанта столь сильных эмоций, как возможность сидеть рядом с такими разными людьми и слушать их беседу, видеть ободряющую улыбку Праксидама.

Разговоры окончились за полночь, и все разбрелись по палаткам в предвкушении завтрашнего дня. Клеант спал под открытым небом. Гектор предложил ему перебраться к ним в палатку, но спартанец отказался. Он собрал тростник и улётся на сооружённую из него подстилку. Завтра он увидит Олимпийские игры!

Глава 2. Праздник в честь Зевса Олимпийского

Перед рассветом люди засобирались, чтобы успеть донести до богов чаяния, мечты и благодарности. Гектор с трудом продрал глаза и почти на ощупь вылез из палатки.

Ветер пробирал до костей, однако Гектор почти не ощущал холода. Впереди всех ждал трудный, но чудесный день, и предвкушение грядущих побед витало в воздухе. Начинаются Олимпийские игры!

Наскоро перекусив лепёшками, Гектор с отцом, Праксидамом и Клеантом, который казался на удивление хорошо выспавшимся, отправились к ограде Олимпийского святилища. Туда же стекались многочисленные людские ручейки.

Гектор подпрыгивал на месте, пытаясь что-либо разглядеть. Даже более высокий Клеант напрасно вытягивал шею. Вокруг стоял невообразимый гул голосов. Праксидам рукой указал, куда смотреть, и мальчики заметили огромную процессию, выделяющуюся на фоне толпы спокойствием и собранностью. Тьма постепенно рассеивалась, и стали видны пурпурные мантии двух агонифетов, распорядителей состязаний, и белые – жрецов. Жрецы держали на привязи животных, в том числе двух огромных быков, предназначенных в жертву Зевсу Олимпийскому. За жрецами выстроились именитые граждане разных городов в богатых одеждах, с дарами в руках, и спортсмены в накинутых плащах. Гектор хотел было задать несколько вопросов Праксидаму, но быстро понял, что это бесполезное занятие, и решил просто наблюдать. Вопросы подождут. К тому же старый эгинец вскоре покинул их компанию и каким-то образом сумел присоединиться к процессии. Прокл прокричал в ухо Гектору, что победители прошлых лет зачастую приглашались для участия в церемониях.

Тем временем процессия направилась к главному входу в Альтис. Гектор уже знал: сначала они зайдут в пританей, где принесут жертву богине домашнего очага Гестии, затем – Зевсу Олимпийскому, после чего по очереди обойдут алтари других богов.

Время шло, но никто не уходил. Снова оживилась торговля. Вокруг то и дело заключали пари, обсуждали атлетов и их шансы на победу, вспоминали прошлые игры...

Наконец из Альтиса появилась процессия и направилась к булеветерию. У статуи Зевса зазвучали слова клятв, почти неслышные толпе, которая сопровождала их приветственными криками. Когда основная церемония дня подошла к концу, люди разбрелись по палаточному городку, чтобы перекусить и отдохнуть.

После обеда Гектор с Клеантом по совету Праксидама отправились посмотреть на тренировки. В центре гимнасия – огромной песчаной площадки, окружённой колоннадой, – шла борьба, хотя было очевидно: бой тренировочный. За боем наблюдал настоящий великан, словно высеченный из камня; его мускулы играли под бронзовой кожей, будто он и сам боролся.

– Это Милон, – давешний знакомый из Милета, Меарон, восхищённо, как мальчишка, уставился на знаменитого борца. – Сейчас он порвёт верёвку, смотрите!

Гектор не сразу понял, что имеет в виду Меарон, но через мгновение подметил: голова Милона обтянута верёвкой, лицо побагровело и налилось кровью, а вены на шее вздулись от невероятного напряжения. Группа зевак с интересом наблюдала за процессом, громко выражая поддержку, а кое-кто, явно заключив пари, сильно переживал за исход сражения.

Гектор присоединился к приветственным крикам, а когда верёвка лопнула, радостно завопил вместе со всеми. Клеант был более сдержан, но сила атлета поразила и его.

На этом развлечение не закончилось. Милон вытянул перед собой руку, поставив ладонь ребром – большой палец смотрел вверх, а остальные пальцы были плотно прижаты друг к другу.

– Хотите доказать свою силу? – крикнул он. Его голос без труда перекрыл вопли собравшихся. – Предлагаю желающим отогнуть мизинец.

Желающие нашлись, но все попытки закончились ничем. Милон стоял, как вкопанный, и даже зевнул, когда вездесущий Гектор уцепился за его мизинец и, подобрав ноги, повис в воздухе, держась за палец. Вскоре Милон улыбнулся мальчику и сказал:

– Ну, довольно, мне пора немного размяться.

Гектор, улыбаясь от уха до уха, отошёл в сторонку, туда, где стоял Клеант. Радостные зрители не расходились, и мальчики с трудом протиснулись сквозь толпу в надежде увидеть других спортсменов. Их было человек двадцать, некоторые отдыхали в тени деревьев, но большинство бегали, прыгали, боролись или метали диск. Среди них попадались ребята немногим старше Гектора, которым он отчаянно позавидовал. На одного из борцов, молодого человека лет двадцати двух, указал Клеант:

– Это Каллител.

Близко посаженными тёмными глазами Каллител скользнул по спутникам Клеанта и прищурился. Он закусил верхнюю губу, над которой красовалась крохотная родинка, и выпрямился. Мощные мускулы борца заиграли под кожей, напоминая о Праксидаме. Гладкое обнажённое тело лоснилось от пота. Серебристая лента удерживала слипшиеся волосы чёлки, не давая им падать на глаза.

– Он учился в той же школе, где и я, был главой отряда, – добавил Клеант.

– Отряда?

– Ну да, нас делят по отрядам, когда мы уходим из семьи.

– Как это – уходите из семьи?

– Ну, когда мне было семь, отец, как и другие родители, отдал меня в школу, а там нас поделили на отряды. – Видя, что Гектор не понял, Клеант нехотя добавил: – Мальчики из одного отряда вместе спят, едят и учатся.

– Спят? А разве вы спите не дома? – растерянно спросил Гектор.

– Мы не живём дома. Для нас школа и есть дом.

– Как странно, а у нас не так. Я живу с родителями, а мой учитель грамматики учит нас с друзьями грамоте. И ещё я хожу в палестру на тренировки. А почему у вас по-другому?

– Такой закон издавна установил Ликург, великий законодатель.

Гектор задумался. Жизнь вне дома и без родителей казалась ему невозможной.

– А как же твои родители? Они не против?

– Нет, конечно. – Клеант пожал плечами. – Это закон.

Помолчав, он добавил слышанные не раз слова:

– В Спарте все живут, как одна семья.

Гектор едва не сказал, что не хотел бы жить, как в Спарте, но побоялся оскорбить нового знакомого. Он часто слышал от отца и других взрослых, что в разных местах разные обычаи, но впервые он узнал о городе, где дети и родители не были семьёй. Это казалось странным и даже диким.

Клеант отвернулся, делая вид, будто смотрит на борьбу соотечественника. На самом деле он вспомнил то, о чём думал вчера вечером. Раньше он считал свою жизнь обычной, но, побывав здесь, понял: есть и жизнь другая. Большинство мальчишек в Олимпии ходили с отцами. Те объясняли им правила, описывали игры, учили разным премудростям, иногда наказывали. У спартанцев в роли отца выступали все взрослые. Их полагалось уважать, почитать, слушаться. Оставив Спарту, Клеант впервые столкнулся с тем, что отца можно любить. Это противоречило установлениям Ликурга, но почему-то не казалось неправильным.

Ощувив толчок в бок, Клеант очнулся от размышлений и взглянул на площадку. Каллител закончил схватку, и зрители одобрительно загудели.

Рядом кто-то указал на очередного спортсмена – одетого в доспехи мужчину, вышедшего на дорожку для бега.

– Это Дамарет. Он выиграл прошлые игры в гоплитодrome, и будет участвовать в нём снова.

– Гоплитодром? А это что? – Гектору устыдился: этот вид спорта был ему незнаком. Впрочем, Клеант, похоже, тоже не слишком понимал, о чём речь.

– Бег в полном вооружении гоплита. Его ввели на прошлых играх. Атлет бежит дистанцию в один стадий, но при этом надевает шлем, панцирь и поножи, и должен нести щит, меч и копье, – неслышно подошедший сзади Праксидам кивнул одному из борцов. Тот уважительно склонил голову.

Кто такие гоплиты, Гектору объяснять было не нужно. У Прокла дома хранилось снаряжение, включавшее все упомянутые принадлежности, и в случае войны Прокл по призыву занимал место среди тяжеловооружённых пехотинцев.

Клеант про себя одобрил столь практичный вид спорта, припомнив, как армия гоплитов аргосского царя Фейдона наголову разгромила спартанцев в битве при Гисиях лет сто пятьдесят назад, о чём в Спарте не забыли до сих пор, хотя вспоминать об этом не любили. Клеант побрёл дальше вдоль границы гимнасия. Довольный Гектор присоединился к нему, и вместе они долго смотрели на тренирующихся атлетов, обсуждали громкие победы, рассказывали друг другу о своей жизни.

День постепенно уходил, остужая пылающие тела спортсменов и зрителей. Тени становились длиннее, а зов желудков – громче. Усталость тоже давала о себе знать, хотя о ней мальчишки думали в последнюю очередь. Гимнасий почти опустел, атлеты направились освежиться и отдохнуть в соседнее здание – палестру.

– Идём, – Гектор потянул Клеанта к палатке, – ужин, наверное, готов. Есть хочу – сил нет.

Впереди их ждало великолепное застолье, участники которого, впрочем, не столько ели и пили, сколько наслаждались разговорами. Гектор почти ничего не слышал – наскоро перекусив, он пристроился между отцом и Клеантом и незаметно уснул.

Клеант оказался упорнее: он упрямо сидел и вслушивался в гул голосов, но собравшиеся больше обсуждали поэзию и художников, чем политику и войны. Люди словно решили забыть на время о проблемах. Незаметно голоса отделились, и спартанец последовал в страну снов за новым приятелем.

Оба мальчика не почувствовали, как взрослые осторожно подняли их на руки и перенесли в палатку.

***

Люди начали просыпаться задолго до рассвета. Радостное предвкушение освещало лица. Собирались наскоро, перекусывая на ходу и глядя на небо: соревнования начинались с рассветом, и пропустить начало никто не хотел.

Широкий поток устремился на стадион. Многие уже заняли места с наилучшим обзором на склонах Кроноса. Похоже, кое-кто ночевал прямо на голой земле холма.

Гектор с отцом, Клеант и Праксидам пробрались к склону и заняли места недалеко от сокровищниц. Гектор оглядел стадион и поразился – народу, наверное, не меньше двадцати тысяч.

Едва заметные проблески начинающегося утра позволили Гектору разглядеть прямоугольные очертания стадиона, вытянутого с востока на запад. Утрамбованную площадку посыпали песком, посередине проходила беговая дорожка, которая начиналась недалеко от алтаря Зевса. Место старта отмечали небольшие столбики и плиты. Праксидам махнул в сторону стадиона:

– Длина дорожки – один стадий. Изначально бег на стадий был единственным на играх. Продолжить он не успел. Из Альтиса показались агонифеты в пурпурных одеяниях с венками на головах. За ними следовали спортсмены. Какой-то мужчина подвёл атлетов к деревянному помосту на противоположной от Кроноса стороне стадиона. Они выстроились в линию и замерли. Зрители, почувствовав важность момента, также умолкли, глядя на заполнявшееся красками небо. Над долиной Олимпии воцарилась удивительная тишина, наполненная волнением, ожиданием и радостью. В центр стадиона вышли трубачи и подняли трубы.

Сочные уверенные звуки прозвучали призывом к началу очередного великого праздника, и одновременно небо на востоке озарилось огненными всполохами. Рассвет показался Гектору самым красивым из всех, что он видел. В долине, погружённой во мрак, люди застыли в ожидании, когда и их коснётся сияющая красота. Тьма постепенно рассеивалась, солнце осветило долину и вокруг раздалось восторженные крики, отдающие дань первозданной красоте. Охваченные порывом люди выражали радость воплями, криками и даже торжественным напевом. Тысячи человек сейчас ощущали себя единым существом, находившимся в тесном контакте с самим Зевсом и богом солнца Гелиосом.

Вскоре народ успокоился, и взоры всех устремились на арену. Мужчина – официальный представитель Элиды – положил ладонь на затылок одного из атлетов и объявил имя Тимасифея из Дельф.

– Все ли присутствующие согласны, что он свободный и достойный гражданин? – и повёл молодого человека по кругу вдоль стадиона. Глашатай прокричал фразу ещё два раза, но возражений не последовало, и он вернул Тимасифея на место.

– А что значит «достойный» гражданин? – спросил Гектор Праксидама. – И если кто-нибудь выступит против?

– По правилам в соревнованиях участвуют лишь свободные мужчины, чьи родители тоже должны быть свободными людьми. Варвары и рабы состязаться не могут. Также нельзя нарушать режим подготовки к играм, и атлет не должен быть преступником. Если кто-либо из зрителей подтвердит, что одно из правил нарушено, спортсмена ждёт наказание: порка или штраф, но главное – он исключается из соревнований. Если же зрителя уличат в клевете, ему придётся несладко.

Церемония представления шла своим ходом. Милон и Дамарет в ней не участвовали, так как уже побеждали в Олимпии. Среди атлетов было несколько подростков лет пятнадцати-семнадцати. Их Гектор буквально пожирал глазами, мечтая оказаться рядом.

Первым шёл бег на стадий – главное соревнование Олимпийских игр. Накануне спортсменов с помощью жеребьёвки разбили на четвёрки. Теперь первые четверо заняли места на старте, остальные терпеливо ждали. Когда все четвёрки пробежали, состоялась новая жеребьёвка среди сильнейших бегунов. Один из судей принёс кувшин с камнями, атлеты вынимали их и внимательно разглядывали. Праксидам объяснил, что на каждом камне выбита какая-нибудь буква. Те спортсмены, чьи буквы совпадут, будут состязаться вместе. После этого этапа прошла новая жеребьёвка, и бег повторился. Победил Исхир из Гимеры.

Начались другие виды бега. Клеант наблюдал за каждым состязанием не просто с любопытством, но явно заинтересованно. Гектор не слишком увлекался бегом, однако когда в гоPLITOдроме победил Дамарет, быстрее всех пробежав дистанцию, мальчик радостно приветствовал двукратного чемпиона.

Дамарет улыбался, стоя на бронзовом треножнике и принимая от судьи пальмовую ветвь. Глаза его сверкали в прорезях шлема, украшенного серебряной инкрустацией. Спортсмен был покрыт потом и с трудом дышал, доспехи запылились, но победитель стоял, гордо поднимая голову в бронзовом шлеме и твёрдо держа в руках бронзовый же щит.

Соревнования шли, не прерываясь. Один вид сменялся другим. Зрители топали, свистели, кричали и махали руками, приветствуя победителей. Наибольший интерес вызвали

у всех соревнования по борьбе. Они шли возле судейской трибуны, где была специальная площадка. Милон, подтверждая репутацию непобедимого борца, вновь и вновь повергал соперников на песок. Каллител – один из самых молодых борцов – казался тщедушным на фоне Милона. Когда он проиграл, зрители приветствовали его – просто за то, что он не побоялся сразиться с чемпионом. Последний поединок состоялся между великим спортсменом и каким-то атлетом из Элиды.

В отличие от большинства борцовских поединков, этот длился недолго. Тела атлетов лоснились от оливкового масла, которым они умастились перед боем с головы до пят. Стоя друг против друга на слегка согнутых в коленях ногах, борцы вытянули вперёд руки и внимательно искали друг у друга слабые места. Борьба началась спокойно, будто Милон и не торопился победить, лишь время от времени проводя какой-либо захват или подсечку. Внезапно противник Милона оказался прижат к земле, и зрители завопили от восторга.

– Ещё два раза уложить на землю – и Милон победил! – заорал обычно сдержанный Клеант на ухо Гектору. Даже далёкий от любви к борьбе спартанец отдавал дань уважения силе знаменитого кротонца.

Темп схватки возрастал. Иногда трудно было уследить за мелькающими руками и ногами, а скользкие тела позволяли проводить такие приёмы, какие казались при обычном ходе вещей просто невероятными. В какой-то момент голова элейца оказалась почти у земли. Он пытался сопротивляться, упираясь коленями и руками в землю, но его шею обхватила мощная рука Милона, лицо налилось кровью, и он второй раз оказался на земле. Третьего раза долго ждать не пришлось. Оба соперника изрядно разгорячились: Милон от предвкушения победы, а элеец – от страха, что поражение практически неизбежно. В отличие от соперника Милон обладал огромным опытом и не торопил события, решив использовать нервозность противника в свою пользу. Так и вышло: тот попытался провести приём, но при этом раскрылся, и Милон без труда провёл очередной захват, перехватив элейца поперёк туловища. Чуть приподняв его над землёй, кротонец подался вперёд всем телом и швырнул соперника на землю, после чего упал на него сверху и придавил его живот ногами. У Гектора заложило уши от криков, прокатившихся по стадиону. Сегодня, кто бы ни победил, именно Милон – главный чемпион. Это была его шестая победа!

Глашатай вышел на середину стадиона и трижды громко объявил: «Милон, сын Диотима из Кротона», после чего судьи поставили великана на бронзовый тренажник возле трибуны и вручили ему пальмовую ветвь, одновременно возложив на голову белую ленту.

Ещё запомнились Гектору соревнования мальчиков: бег, борьба и кулачный бой. Им не было восемнадцати, но какими взрослыми они казались! Какое уважение зрителей вызывали! Когда объявляли победителей, они получали не меньше поддержки и одобрения публики, чем взрослые атлеты. Зависть нечасто посещала Гектора с такой силой, но сейчас он страшно им завидовал. Он дал себе клятву поскорее оказаться на их месте.

Наступил вечер, соревнования атлетов закончились. Предстояла наиболее зрелищная часть – конные ристания. Ипподром располагался чуть южнее стадиона – между трибуной, где сидели судьи и Алфеем. Там была другая, более широкая дорожка, а в центре ипподрома соорудили стойла. К стартовой линии начали подъезжать тетриппы – колесницы, запряжённые четвёрками лошадей.

Представление участников отличалось от прежнего: объявляли имена владельцев и клички животных. Гектор обратился к Праксидаму и удивлённо спросил:

– А разве имена возниц не должны объявляться?

Праксидам усмехнулся – чуть презрительно, как показалось Гектору:

– Нет. Возницы, как правило, либо рабы, либо простые бедняки. Настоящие победители – владельцы коней и колесниц. Так победу добывать намного проще, чем тренироваться день за днём. В этих соревнованиях слава завоёвывается богатством, а не доблестью победителя.

Раньше было по-другому, но гонки слишком опасны, и постепенно владельцы предпочли подвергать опасности слуг, а не себя. Кое-кто из них, правда, до сих пор рискует сам, но таких немного. Жизнь богатых слишком хороша, чтобы отдавать её ради венка. – Сидящие поблизости мужчины согласно закивали.

Возницы тем временем заняли места на колесницах. Они, в отличие от атлетов, состязались не обнажёнными, а носили белые накидки. Каждая тетриппа состояла из лёгкой, открытой сзади повозки на двух колёсах. Одной рукой возница держался за поручень повозки, другой – за вожжи. Колесницы выстроились в линию.

Прозвучал сигнал трубы, и гонка началась. В воздух взметнулась пыль, скрывшая колесницы, – цвета отдельных повозок различались с трудом. Они мчались вплотную друг к другу на огромной скорости, и грохот их не перекрывался даже гулом голосов болельщиков, не жалевших глоток. Возницы балансировали с трудом, каким-то чудом удерживаясь на повозке и одновременно управляя лошадьми. Упряжки находились в опасной близости друг от друга, постоянно сталкиваясь – уже через шесть кругов осталась лишь половина участников. Двое возниц валялись на земле, причём один – на беговой дорожке, где по нему проезжали колесницы.

Положенные двенадцать кругов сумели сделать всего три колесницы, из которых одна намного опережала других. Она выделялась на общем фоне тем, что в неё были запряжены четыре коня разной масти: гнедой, вороной, буланый и в яблоках.

– Победитель в гонке тетрипп – Клеосфен, сын Понтиса из Эпидамна, – объявил глашатай. – Его лошади – Феникс, Коракс, Кнакий, Самос.

Имя возницы, стоявшего возле треножника, не прозвучало. Впрочем, на голову ему возложили повязку из ткани. И пусть недавнее зрелище действительно завораживало, Гектор ощутил лёгкое разочарование. Немного чести – получить венок, не прилагая усилий.

Уже начинало темнеть, и дневная жара почти спала. Напряжение уходило вместе с жарой, люди казались опустошёнными. Даже взрослые зрители устали, а многие дети откровенно спали прямо на земляных трибунах Кроноса. Никто, однако, не уходил, ожидая последних соревнований игр – скачек.

По сигналу кони с развевающимися гривами понеслись по дорожке ипподрома, подгоняемые голыми пятками жокеев. Круг ипподрома они прошли на одном дыхании – так, по крайней мере, казалось, а потом их словно тьма поглотила. Гектор открыл глаза, ощутив лёгкий толчок отца, и с удивлением обнаружил, что задремал и пропустил чествование последнего победителя. Сумерки сгустились, даже масти лошадей различались с трудом. Соревнования закончились, зрители поднимались и покидали трибуны, живо переговариваясь и унося с собой впечатления незабываемого дня.

***

Заключительный день Олимпийских игр посвящался чествованию победителей и жертвоприношению богам. Публике позволили увидеть действие, развернувшееся на территории Альтиса, возле алтаря Зевсу. Здесь, на деревянном столе, разложили тринадцать венков – по числу дисциплин. Гектор устроился на плечах отца, поскольку иначе рассмотреть что-либо в толпе не представлялось возможным. Не будь это Олимпийские игры, Гектор бы не позволил обращаться с собой, как с маленьким, но в данном случае у него не хватило духу откаться. Впрочем, он был не единственным сыном, кого отцы поднимали ввысь. Клеант, упрямо не желавший просить о том же Праксидама, в конце концов оказался на мощных плечах бывшего борца и замер, стараясь лишний раз не двигаться.

Судьи тем временем торжественно подвели победителей с белыми повязками на головах и пальмовыми ветвями в руках к столу, где лежали венки из листьев священного оливкового

деревя. Размеренно и торжественно зазвучали мелодии гимнов. Они славили богов и героев – в первую очередь Зевса и Геракла. Далеко не все слова были понятны: песни исполнялись на древнем дорийском диалекте, отчего сильнее ощущалась связь с событиями, переданными сквозь века многими поколениями.

Сама церемония отчасти повторяла то, что происходило на стадионе: агонифет объявлял имя победителя, имя его отца и город, откуда он приехал. Один за другим чемпионы подходили к судье, и тот возлагал им на голову поверх белой повязки оливковый венок. Толпа вопила во всю мочь, отдавая дань спортсменам, их силе и ловкости, мощи и храбрости, уму и терпению. Каждому новому имени зрители аплодировали изо всех сил. Землю под ногами чемпионов усеивали цветы, в воздухе в сопровождении музыкальных аккордов флейтистов, носились разноцветные ленточки: ветер швырял их в разные стороны, не давая опуститься вниз.

***

Гектор смотрел на запад, где солнце почти скрылось за деревьями и больше не ослепляло, как днём. Пир был в разгаре, и конца ему не предвиделось. Всюду пили вино, и никто не жалел мяса, хотя в обычные дни оно являлось редкостью для большинства присутствующих. Гектор уже не мог съесть ни кусочка и улёгся на траву. В наступающих сумерках он вспоминал и заново переживал наиболее яркие события вчерашнего дня.

Гектор и Клеант сидели у костра подле группы взрослых. Помимо Прокла и Праксидама тут были знакомые мальчикам братья Диадор и Финний, молодой эллин Меарон и многие другие.

Гектору хотелось поболтать с Клеантом, побольше узнать у него о Спарте, но тот лишь раздражённо цыкнул и устался на погружённых в разговор мужчин.

А разговор, скорее даже спор, шёл жаркий – как огонь, что пылал тут же. Гектор почти ничего не понимал, а стоило ему ухватить нить одной темы, как появлялась новая, тут же уводя спор в сторону. Мальчик откровенно скучал, пропуская мимо ушей почти всё, лишь иногда выхватывая обрывки фраз:

– Не говори так! Я на своей шкуре испытал власть персов в Милете, и, поверь, если восстание начнётся, я первый его поддержу.

– Если оно начнётся, Меарон, то ни к чему не приведёт. Вы не сможете противостоять Персии.

– Мы объединимся...

– А когда вас завоёвывали, почему не объединились?

– Тогда всё было иначе...

– Тогда вы больше боялись друг друга. А самые умные, вроде теосцев, просто бежали из Ионии.

– По-твоему, мы должны смириться? Неужели вам всё равно?

– Да нас это вообще не касается! Милет всегда гордился независимостью и богатством, так пусть и выпутывается сам! – ехидно заметил Диадор.

– Ты неправ, это касается всех, – Меарон разгорячился. – Дарий ищет союзников для похода против скифов. Он хочет захватить наши колонии на побережье Понта, а они не только наши, но и ваши торговые партнёры.

В отличие от Гектора, Клеант слушал внимательно, ловя каждое слово. Раньше он мало слышал о Персии – в Спарте эта тема непопулярна. Такое равнодушие выглядело не совсем верной тактикой: судя по беседе, сила и могущество Персии были реальной угрозой. Это вполне соответствовало тому, что Клеант слышал в Олимпии последние несколько дней. Далёкие скифы и понтийские эллины не слишком его беспокоили, как и торговля с окружающим миром, но война коснётся всех. Спарта возводила войны в ранг священный, и долг всякого

гражданина – участвовать в них для защиты родины. Детей с колыбели готовили к воинской службе, страна всё время находилась в состоянии боевой готовности. Среди полисов Эллады не было равных Спарте в умении воевать и побеждать. Но если Персия так могущественна, война с ней обойдётся дорого...

Мысли Клеанта прервал взрыв хохота. Темы войны плавно перетекли в иную, более фривольную область взаимоотношений, и изрядно захмелевшие мужчины наперебой делились байками из жизни реальных и вымышленных людей. Клеант нахмурился – ему хотелось больше узнать о событиях в мире, – но поделаться он ничего не мог. Впрочем, сумерки давно сменила ночная тьма, и мерцавшие костры постепенно гасли. Завтра с утра люди начнут разъезжаться по домам, наполненные воспоминаниями, эмоциями и мечтами. Завтра он расстанется с Гектором, который был неплохим спутником, пусть и слишком болтливым. Но главное, он больше не увидит Праксидама. Клеанту нравилось с ним общаться, слушать ненавязчивые советы. Завтра пути их разойдутся. На мгновение Клеант представил, что будет, если завтра он уедет вместе с Праксидамом на его родную Эгину, но мысль тут же улетучилась. Нет, это было бы предательством своей страны, и Праксидам, конечно, возненавидит его, если узнает о подобных идеях. Клеант мотнул головой и решил, что уйдёт завтра перед рассветом, пока все спят.

Разговор у костра почти прекратился, лишь Прокл и Праксидам тихонько переговаривались друг с другом. Клеант поднялся, разбудив неведомо когда задремавшего Гектора, и подошёл к взрослым.

– Я иду спать, – голос Клеанта сорвался, и он помедлил. – Хотел попрощаться... – он повернулся к Гектору: – Пока, Гектор.

Гектор в ответ что-то промычал и снова закрыл глаза.

Потом Клеант, обернувшись к Праксидаму, выдавил:

– Спасибо за всё.

Старик внимательно посмотрел на мальчика и кивнул ему:

– Прощай, Клеант. Рад был познакомиться. Жаль, мало времени... – он тоже поднялся и, шагнув к мальчику, положил руку ему на плечо. – Не думаю, что когда-нибудь попаду в Спарту, но, может быть, мы оба снова приедем сюда через четыре года. Кто знает.

Клеант моргнул, кивнул Проклу и пошёл к тростниковой подстилке. Игры закончены, но теперь парень точно знал: на следующих он будет не просто зрителем, а участником. Никто не помешает ему показать, на что он способен.

Глава 3. Тираны и мятежники

– Гектор, выходи! Опоздаем! – раздался крик матери. – Нам ещё до города надо добраться. – Они жили в доме, расположенном не в самих Афинах, а в нескольких стадиях от них, между Афинами и Элевсином.

Мать с отцом стояли у двери. София поправила искусно сделанные складки нового льняного шафранового хитона³, который поддерживался узким кожаным пояском на поясе и груди. Роса успела намочить коричневые кожаные сандалии и подол с вышитым волнистым орнаментом, но солнце уже пламенело на горизонте, а грядущий летний денёк обещал быть жарким. Лёгкая прозрачная лазурная накидка соскользнула с головы, и в ушах закачались недавно подаренные Проклом изящные золотые серьги с подвесками в виде фигурок птиц. София поправила золотистую ленту, которая поддерживала рыжеватые локоны и хорошо сочеталась с янтарным цветом глаз, и снова накинула ткань на голову. Золотая гривна на шее казалась невесомой, запах духов из фиалки и шафрана щекотал ноздри.

София радовалась возможности выбраться из дома, ведь замужней даме не пристало бывать на людях, и лишь во время больших праздников она могла позволить себе показаться на публике. Сегодня последний день праздника Великие Панафинеи. Со времён тирана Писистрата он стал самым популярным и грандиозным в Афинах, прославляя победу афинского царя Тезея над Минотавром. Сыновья Писистрата – Гиппий и Гиппарх – поддерживали созданные отцом традиции. Празднество состояло из состязаний музыкантов, атлетов, конных соревнований и продолжалось несколько дней. Победителей объявили, призы – большие амфоры⁴ с оливковым маслом – раздали, и теперь предстояла самая торжественная часть действия – процессия к акрополю во славу богини Афины с жертвоприношениями и последующим пиром для горожан.

София вспомнила, как молодой девушкой участвовала в празднествах, и её охватил знакомый восторг. Обычно спокойный и невозмутимый Прокл в доспехах гоплита с улыбкой наблюдал за женой, опираясь на копьё и держа щит в левой руке.

Наконец в дверях появился Гектор, и семейство на повозке отправилось к Дипилонским воротам – главным воротам Афин. Оттуда начнётся шествие к установленному на акрополе памятнику богине Афине – покровительнице города.

Толпы народа также стекались к окружающей Афины мощной стене из каменных блоков, повсюду звучало пение, ревели предназначенные для жертвоприношений быки. Словно предчувствуя судьбу, один бык вырывался так яростно, что хозяин с трудом с ним управлялся, укрытый в столбе дорожной пыли. Лица людей были освещены восходящим солнцем и улыбками, наряды женщин и девушек соперничали друг с другом в красоте и пышности, их украшения переливались и сверкали, мужчины бряцали копьями и щитами. В воздухе стоял запах свежесрезанных оливковых ветвей и цветов, а в корзинах на головах девушек позвякивала серебряная посуда – будущий дар покровительнице Афин. Над людским морем возвышался, словно парус, натянутый пеплос, искусно сотканный из тончайшей ткани и укреплённый на мачте с колёсами. Этот плащ с вышитыми сценами сражений Афины с гигантами наденут на статую Афины в храме на акрополе.

– Прокл, подожди, – послышался чей-то голос, и рядом, протиснувшись сквозь толпу, возникли братья Диадор и Финний.

---

³ Женская и мужская одежда, состоявшая из куска ткани, сложенной пополам и скреплённой на плечах застёжками.

⁴ Амфора – вытянутый глиняный сосуд с двумя ручками, часто – с узким дном. Служил в основном для хранения и перевозки вина и оливкового масла. Панафинейские амфоры отличались большими размерами, на стенках этих амфор изображались сцены Панафинейских торжеств.

Братья вернулись из путешествия в Северный Понт и могли поделиться интересными новостями. Гектор обрадовался им и хотел о многом спросить, но те были явно чем-то озабочены и не расположены к разговорам с подростком.

– Я слышал, в Афинах беспокойно, – без преамбул обратился Диадор к Проклу. – Мы так долго отсутствовали, что совершенно не в курсе дел. Надеюсь, эти двое не устроили какую-нибудь очередную глупость, – он кивнул на Гиппия и Гиппарха, которые присоединились к процессии в окружении свиты наёмных телохранителей-дорифоров. Они были в белом, как и все должностные лица. Впрочем, Гиппарх вскоре отделился от толпы и ускакал: ему предстояло встречать процессию на акрополе.

Прокл огляделся, и, убедившись, что никто не обращает на них внимания, тихо заметил:

– Не сказал бы. Их власть с каждым днём кажется менее прочной, но так продолжается все тринадцать лет их правления. Они пытаются укрепить своё положение, и многие недовольны. Их методы становятся грубее, а доступ к управлению государством для тех, кто не слишком близок их семье, практически закрыт.

– Похоже, твоё мнение о них не изменилось, – вмешался Финний. – Ты поэтому никогда не пытался возглавить какую-нибудь коллегия?

– Верно. Люди, способные убить олимпийского чемпиона, недостойны власти, и служить им мне претит.

– Не надо быть таким идеалистом, Прокл. Я знаю – Кимон был твоим родственником, почти отцом, а третья победа в гонке тетрипп принесла бы ему величайшую славу...

– Третья? – прервал брата Диадор. – Насколько я помню, вторую победу он подарил Писистрату ради возможности вернуться в Афины. Победителем тогда стал тиран Афин, а не Кимон. Подари он Писистрату и третью победу, остался бы жив.

– Боюсь, попытки договориться с такой властью слишком дорогое удовольствие, и чем дальше, тем дороже, – в словах Прокла слышалась горечь.

– Ладно, довольно вспоминать прошлое, – прервал Диадор. – Кимон погиб больше десяти лет назад. Мне тоже было его жаль. Писистрат с сыновьями завидовал его победам, а я ими восхищался. Они приносили славу Афинам. Ведь до Кимона трижды в гонке колесниц побеждал лишь один – и тот из Спарты.

– Кто? – поинтересовался Гектор, который до сих пор глазел по сторонам в поисках приятелей.

Взрослые поначалу растерялись, но Прокл почти сразу ответил:

– Его звали Эвагор. Праксидам знал его – они вместе выступали на играх. Кстати, – обратился он к братьям, – в Спарте в прошлом году появился новый царь – Демарат.

– И кого из двух царей он сменил – Клеомена или Аристона?

– Аристона. Демарат – его сын. Клеомен по-прежнему правит, и он достаточно молод, чтобы стоять во главе государства ещё долго.

– Да уж, на счастье Гиппия. Ведь у него со Спартой весьма тесные отношения.

– Не думаю, что они так уж прочны, а Гиппий, к тому же, связан и с врагом Спарты – Аргосом. И потом, Спарту всегда больше волновали внутренние дела Пелопоннеса, чем всей Эллады.

– Боюсь, это продлится недолго. Скоро всем нам придётся заниматься делами Эллады. Мы с Финнием давно не были на родине, но, поверьте, некоторые вещи виднее со стороны, – голос Диадора понизился, словно он боялся чужих ушей.

– Ты имеешь в виду персов? – спросил Прокл.

– Дарий силён, как никогда. Несколько лет назад он провёл успешный поход против племён саков-массагетов – они живут на восток от Каспийского моря. Саки погубили персидского царя Кира. Государство, созданное Киrom, Дарий держит твёрдой рукой, а ведь это огромная территория – от Ионии и Вавилона до самой Индии, не считая Египта и Финикии. Страны пла-

тят ему дань, всюду он ставит наместников-сатрапов и верные гарнизоны. Победа над саками так его раззадорила, что теперь он задумал пойти против скифов.

– Он уже давно собирается.

– На этот раз дело серьёзное. Он готовит огромные силы. По дороге из Понта я побывал на Херсонесе Фракийском у Мильтиада. Он подтвердил: Мандрокл с Самоса будет строить для Дария мост через Боспорский пролив. Это неспроста. Мне показалось, Мильтиад и сам не знает, как ему быть. С одной стороны, приходится считаться с персами, с другой – он не из тех, кто любит подчиняться. Кому понравится быть персидским ставленником вместо того, чтобы оставаться единоличным тираном Херсонеса? Да что я говорю, ты знаешь родственника получше меня.

– Мы из одного рода, и он – сын Кимона, но это не значит, что мы хорошие друзья. Мы редко находили общий язык, к тому же, он в основном жил на Херсонесе. Однако если он растерян, это действительно серьёзно. Как бы я к нему ни относился, его умение разбираться в любой ситуации меня с детства восхищало.

Внезапно разговор прервал какой-то шум и движение в толпе.

– Что происходит? – увлечённые беседой Прокл и Диадор только теперь заметили, как вокруг поднялось странное волнение. Со всех сторон толпу окружали телохранители Гиппия, и помаленьку люди оказались в кольце вооружённых охранников во главе с тираном. Все перешёптывались и, вытянув шеи, взволнованно и обеспокоенно оглядывались по сторонам.

– Всем положить оружие на землю и отойти к стене! – команда прозвучала решительно, а угрожающие позы дорифоров не оставляли сомнения: попытка сопротивления ничего не даст. На землю полетели копья и щиты. Несколько телохранителей полезли в толпу, выискивая оружие.

София придвинулась к Гектору, прикрывая его от охранников. Прокл подошёл к жене.

Послышался торжествующий вопль, и какой-то дорифор поднял вверх кинжал, отнятый у одного из присутствующих. Деревянную рукоять украшало бронзовое ажурное навершие в виде сфинкса с тёмно-красным камнем в одном глазу. Камень из второго глаза выпал и остался валяться на дороге. Кинжал не был частью воинского снаряжения для праздника, а то, что владелец попытался его скрыть, вызывало подозрения. Очевидно, дорифоры искали подозрительных лиц. Пятеро охранников набросились на владельца кинжала и начали избивать его, хотя тот и не пытался сопротивляться. Толпа заволновалась, но никто не осмелился вмешаться.

Когда охранники отошли от жертвы, понять, жив ли мужчина, было невозможно. София отвернулась, крепко прижавшись к мужу и стиснув руку сына. Гектор ошарашенно смотрел на происходящее, и при виде окровавленного, покрытого пылью тела ему стало тошно. Он не понимал, в чём дело, но жалел скорченного в три погибели человека. Гектор много слышал о смерти. Спортсмены гибли на состязаниях, воины – в сражениях, его друг утонул в море, но то были обычные смерти, несчастные случаи, война, воля богов.

Мальчик видел, как напрягся отец, видел братьев, которые, стиснув зубы, наблюдали за избиением, видел белое лицо матери. Люди оцепенели, покорённые кучкой чужестранцев-наёмников. Ожидание продолжалось долго, и солнце успело высоко подняться над горизонтом. Наконец к Гиппию прискакал взмыленный гонец и что-то тихо передал ему на ухо. По знаку тирана телохранители бросились к нему, прихватив избитого мужчину, после чего они все вместе направились в центр Афин.

– Что происходит? – вопрос волновал всех, но ответа не было. Атмосфера праздника испарилась, сменившись разочарованием и горечью. Люди начали приходить в себя и расходиться – подальше от лужи крови на земле.

– Мы идём домой, – резко заявила София, не дав Проклу и слова сказать. Тот лишь кивнул:

– Я провожу вас, а потом постараюсь выяснить, в чём дело.

– Ну а мы ждать не будем. Думаю, стоит пойти туда, – Финний махнул в сторону, куда отправился Гиппий. – Такое ощущение, что раскрыт какой-то заговор. Не знаю, как вам, а мне страшно. – Братья быстрым шагом направились к афинской агоре – рыночной площади, где можно узнать последние новости.

Когда Прокл, София и Гектор на повозке добрались до дома, Прокл, несмотря на протесты жены, тут же распряг лошадь и поскакал на ней обратно. Вернулся он не просто обеспокоенным, но растерянным. Братья были с ним.

– Гиппарх убит, – с порога сообщил Прокл жене и сыну. – Его убили Гармодий и Аристоклитон.

– Но зачем? – воскликнул София. Она отлично знала обоих: они происходили из рода Гефиреев, к которому по матери принадлежала и она сама.

– По городу ходят одни слухи – никто толком ничего не знает. – Прокл устало опустился в кресло, откинув голову на высокую спинку и уронив руки на подлокотники. – Кто-то говорит, что Гиппарх оскорбил сестру Гармодия, запретив ей участвовать в процессии Панафиной. Гармодий гордец, ему это не понравилось. Однако, судя по всему, они действовали не одни.

– Я слышал, Гиппарх преследовал Гармодия, ведь он любит красивых юношей, – вмешался Диадор. – Некоторые, правда, утверждают, что не Гармодия, а его сестру. Ты же знал Гармодия – как ты сам считаешь? Нас целый год не было, но разве ты слеп? Ничего не замечал?

– Будто ты не знаешь Прокла, он не из тех, кто интересуется политикой. Он бежит от неё, как от чумы, – вмешался Финний.

– Я видел, они замышляют кое-что, но не особенно беспокоился. Род Гефиреев с давних пор борется за увеличение политических прав. Многие до сих пор смотрят на них, как на чужаков, – пожал плечами Прокл.

– А я согласен с Гефиреями, – заявил Финний. – Наши роды в последнее время тоже не жалуют.

– Толку жаловаться? – голос Прокла прозвучал так резко, что присутствующие замолчали. – Пока у власти тираны, остальным приходится терпеть. Добиться реальной власти можно, лишь забрав её у Гиппия. Похоже, Гармодий и Аристоклитон так и решили поступить и проиграли. Гиппий жив, Гармодий мёртв, Аристоклитон сбежал, но сумеет ли он скрыться из Афин?

– А что делать? – Диадор готов был взорваться. – Что ты предлагаешь?

– Ничего я не предлагаю. Мне претит любое убийство. Я не люблю Гиппия, но теперь он будет бояться, а напуганный тиран страшнее загнанного зверя. Страх потерять власть помрачит его и без того не самый большой ум.

– Но сидеть и ждать, пока он творит, что пожелает, мы не хотим.

– Тогда почему вы не присоединились к тираноубийцам?

– Мы ничего не знали.

– А если бы знали? – жёстко усмехнулся Прокл. – Объединились бы с ними? Или предпочли посмотреть на результат? Вы говорите о совместных действиях, но каждый род думает только о собственных интересах. Бутады – один из древнейших и знатных родов – никогда не будут на одной стороне с вами, Алкмеонидами. Клисфен и Мильтиад друг друга терпеть не могут, Гефиреев до сих пор воспринимают, как чужаков, хотя живут они в Афинах немногим меньше нас или того же Писистрата.

Никогда Гектор не видел, чтобы отец говорил так запальчиво, и ему стало не по себе.

Громкий стук в дверь заставил всех вздрогнуть. Однако вновь прибывший казался безобидным – щуплая женщина лет тридцати, к тому же рабыня. Она испуганно попросила, нельзя ли повидать госпожу, и прошмыгнула на женскую половину, когда Прокл кивком дал согласие.

Вскоре София появилась в сопровождении рабыни и подошла к мужу.

– Меня зовёт подруга. Она на улице. Я сейчас вернусь.

Прокл собирался проводить жену, но София махнула рукой мужу и, не дожидаясь его, вышла. Несколько мгновений спустя раздался страшный крик.

– София! – Прокл рванул к двери. За ним выскочили на улицу братья с Гектором.

На пыльной дороге лежала женщина в шафрановом хитоне и лазурной накидке. Приблизившись, Гектор остановился в нескольких шагах от тела. Он чуть не зажмурился. Он не хотел верить, что это мама, даже глядя на отца, который опустился на колени, крепко прижал женщину к груди и застыл, стиснув зубы и чуть раскачиваясь взад-вперёд. Гектор не замечал и не слышал ничего вокруг. Мало-помалу реальность начала давать о себе знать. Сначала послышался стон, полный боли и тоски, затем крики соседей, а потом на него обрушились другие звуки жаркого летнего дня.

– Мама, – голос дрожал и срывался. Гектор звал мать снова и снова, будто пытаясь уверить себя, что обращается к живой Софии. Потом он кричал, захлёбываясь слезами, не стесняясь никого, а потом отец притянул его к себе, обнял и говорил какие-то слова.

Неслышно подошёл Финний и что-то тихо прошептал Проклу. Тот, неохотно кивнув, выпустил сына из объятий и наклонился над женой, чтобы поднять её тело и перенести в дом. Взгляд Гектора невольно обратился вниз, на платье матери. Одна вещь приковала внимание Гектора. В боку Софии торчал кинжал. Гектор похолодел, глядя на смертельное оружие, – этот кинжал дорифоры Гиппия забрали у убитого ими мужчины.

Не в силах больше смотреть, Гектор отвернулся, не пытаясь вытереть слёзы. Мир расплывался перед глазами, алевшее вдаль заходящее солнце напомнило ему о кровавой драме. Он всегда был уверен в будущем, но сейчас его шатало, весь мир вокруг кружился. Впервые в жизни он не представлял, что ждёт его в новом году, который только что начался.

***

– Приветствую тебя, Мильтиад. Знакомься, мой сын Гектор.

– Да ведь мы знакомы – я видел его лет десять назад, – мужчина смерил Гектора весёлым взглядом. – Правда, он был куда меньше ростом. Приветствую тебя, Гектор. Нравятся мои владения? – широким жестом тиран Херсонеса Фракийского обвёл вокруг рукой, унизанной золотыми перстнями с гранатами и сапфирами. Просторная комната во дворце Мильтиада тоже кричала о богатстве: разноцветные мягкие ковры на полу и стенах, резные деревянные столики, уставленные серебряной посудой и роскошными тонкими глиняными чашами с восточными орнаментами, молчаливые рабы, снующие туда-сюда.

Гектор кивнул и невольно улыбнулся, столько энергии и живости исходило от этого человека. Лет за сорок, худощавое вытянутое лицо с бородой и усами, выющиеся волосы, ощущение силы и уверенности.

После смерти Софии Прокл немедленно принял решение об отъезде, и Гектору пришлось подчиниться, хотя он мечтал лишь о мести. Он во сне видел тот проклятый кинжал, а убийца – тень без лица – напоминал маску актёра в театре: чёрную, плачущую кровавыми слезами.

Театр был относительно недавним развлечением и быстро обретал популярность в Афинах, превращаясь из праздника в честь бога вина и веселья Диониса в увлекательное зрелище. Прокл несколько раз водил Гектора на агору, где на специальной площадке устраивались представления – зрители наблюдали за ними со склонов акрополя. Раньше мальчика приводили в восторг песнопения и музыка, поэтические диалоги хора и актёра, надевающего различные маски, но теперь Гектор был уверен, что никогда больше не захочет видеть ни одного представления.

Гектор не хотел уезжать: он мечтал найти подонка и расплатиться с ним за смерть мамы, но отец настроился на отъезд. Что-то, чего Гектор не понимал, вынуждало Прокла покинуть родной край ради жизни на чужбине. Впрочем, понимать мальчик не хотел. Как понять человека, который смирился с такой потерей и отказался от розысков?

Глаза защипало, и Гектор изо всех сил зажмурился. Воспоминания о матери вызывали сильную боль, и Гектор не знал, сколько это продлится. Отец тоже был сам не свой. Гектор замечал, как он напряжён и рассеян – иногда до полного равнодушия к окружающему миру. И всё же простить отцу бегство из Афин он не мог. Они с Проклом почти не разговаривали в последние дни.

– Погуляй пока по городу, познакомься с кем-нибудь. Нам с твоим отцом надо кое-что обсудить, – слова Мильтиада прозвучали как приказ, хотя и смягчённый улыбкой.

Недавно Гектор обиделся бы на такое пренебрежение, но сейчас лишь кивнул и отправился к морю.

Херсонес Фракийский – вытянутый с запада на восток полуостров, омываемый Эгейским морем с севера и проливом Геллеспонт с юга, – был, по сути, границей между Европой и Азией, границей между миром северных варваров и цивилизованных эллинов. На нём располагались несколько небольших поселений: Сест, Элеунт, Кардия, Пактия, Мадит. В Сесте они в данный момент и находились. Городок обладал самыми мощными укреплениями на полуострове. На противоположном берегу Геллеспонта, чуть дальше на юг вдоль эгейского побережья Азии, располагалась знаменитая Троя, но если ещё не так давно Гектор мечтал бы её увидеть, то теперь даже не вспомнил о битвах, гремевших неподалёку столетия назад.

В порту Сеста, как и в Фалерской гавани Афин, царила шумная суета, сновали туда-сюда моряки, торговцы, рабы-грузчики, слышалась речь не только эллинская, но и совершенно неизвестная, а одежды поражали пестротой расцветок и разнообразием фасонов.

Херсонес находился на перекрёстке важнейших торговых путей: отсюда можно было попасть на юг – в Египет – и на север – во Фракию. Но главное, вдоль берегов Херсонеса протекали воды Геллеспонта – пролива, через который проходил путь из Эгейского моря в Пропонтиду, а оттуда по Боспору – в Понт Эвксинский.

В отличие от Афин, в Сесте преобладали выходцы с Востока и другие представители варварских народов. Здесь были фракийцы в лисьих шапках с острым верхом и закрывающими уши лентами, пёстрых бурнусах, с ногами, обмотанными оленьими шкурами; персы с войлочными тиарами на голове, в кафтанах и кожаных штанах, арабы в длинных развевающихся бурнусах; финикийцы в богатых украшениях одеяниях из прекрасных тканей, которые славились повсюду; многие другие, кого Гектор не знал. Он с любопытством рассматривал всех вокруг и вдруг заметил мальчика, примерно своего ровесника. Он тоже пялился на окружающих. Впрочем, «пялился» – не совсем точное выражение. Скорее, спокойно и внимательно рассматривал, прищурился карие глаза и прикидывая что-то про себя. Судя по одежде – короткому хитону и плащу-хламису, мальчик – эллин, но было в его облике что-то варварское, необычное. Может, прямые каштановые волосы незнакомца, не знавшие завивки и кое-как причёсанные? Его загорелое твёрдое лицо с прямым носом покрывали веснушки, на подбородке красовалась ямочка. Гектору захотелось узнать о незнакомце побольше, да и скучно бродить в одиночестве по новым местам.

Однако не успел Гектор подойти поближе и познакомиться, как мальчик высмотрел в гавани какой-то корабль, улыбнулся и помчался к берегу. Гектор последовал за ним. Мальчик явно кого-то встречал, и когда Гектор увидел кого, то и сам рванул навстречу новоприбывшим. Он узнал Праксидама, чья мощная фигура выделялась на фоне остальных словно гигантская статуя бога или царя.

Праксидам и мальчик едва успели обменяться приветствиями, когда Гектор вмешался и схватил Праксидаму за руку.

Тот удивлённо перевёл взгляд на Гектора, и удивление сменилось узнаванием.

– Гектор? Приветствую тебя. Как ты здесь оказался? Ты с отцом?

– Да, мы только что приехали. Маму убили, вот отец и решил уехать. Я не хотел, но он заставил! А я не ожидал вас увидеть! Так рад, что вы здесь! – Праксидам решительным жестом остановил его и резко спросил:

– Софию убили? Кто? Как это случилось?

– Мы не знаем. Я говорил, что не надо уезжать, что мы должны найти убийцу, но он меня не слушал...

– Подожди, не торопись. Вы где остановились?

– У Мильтиада.

– Ну, конечно. К сожалению, мне нужно идти. Я должен навестить старого друга. Кстати, познакомься с его сыном Леандром из Каркинитиды. Леандр, это Гектор из Афин.

– А где это – Каркинитида? – обратился Гектор к Леандру.

– В Таврии. Полуостров на севере Понта, на границе со Скифией. Называется так, потому что населён таврами – это племя горцев...

– Вижу, твоя любознательность не уменьшилась, – Праксидам чуть улыбнулся Гектору, но в глазах его читались тревога и грусть. – Послушай, сейчас мы с Леандром должны уйти. Передай отцу, что вечером я зайду к нему в дом Мильтиада. До вечера, Гектор.

Леандр тоже кивнул на прощание, и Гектор остался один.

***

Леандр тихо стоял у окна, разглядывая корабли в гавани Сеста и не вмешиваясь в разговор Феодора и Праксидама. Оба взрослых познакомились в прошлом году, когда Феодор побывал на Хиосе, который вёл активную торговлю с Понтом. Здесь же оказался Праксидам, закупавший хиосское вино. На Хиосе находился также Меарон из Милета, знакомый с Праксидамом и Феодором – все трое легко нашли общий язык. Эгинец рассказал об обществе, созданном несколькими его соотечественниками для торговых операций. Корабль принадлежал наиболее богатому члену общества, а ещё трое, включая Праксидама, под взятые кредиты наняли команду и закупили товары на далёких рынках, с немалой выгодой продавая их на Эгине или переправляя дальше на Пелопоннес.

Вообще-то, Эгина больше торговала с западными землями и Египтом, но и Понт постепенно становился всё привлекательнее для эллинских купцов. Эгинцы решили не стоять в стороне. Эгина недаром была одним из центров эллинской торговли, собрав на небольшом клочке земли немалые богатства. Тут впервые в Элладе лет сто назад появились деньги, и именно Эгина когда-то устанавливала единые меры веса монет.

Феодор давно налаживал связи для торговли. Каркинитида не была крупным полисом – скорее, маленьким поселением вдаль от торговых путей. Основной поток товаров Северного Понта шёл через Ольвию с соседней Борисфенидой и через Пантикапей. Корабли, что изредка курсировали между полисами, иной раз бросали якорь в гавани Каркинитиды, да и то ненадолго. Каркиниты пользовались любым шансом достать ценные товары, но продавать свои вне Северного Понта у них было очень мало возможностей. Феодор постоянно бывал в Ольвии для покупки или продажи товаров, но он давно хотел наладить прямые поставки в Элладу или Ионию из Каркинитиды и обратно. Товаров жители Каркинитиды предлагали немного: зерно, рыбу, морепродукты или полученные от скифских племён шерсть, шкуры и кожи. Собственно, Ольвия торговала тем же, но Каркинитида могла продать кое-что подешевле или без торговых пошлин.

В последние годы торговлю затруднял захват Персией торговых путей в Эгейском море. Эгейские купцы боялись отправлять в Понт корабли, но потребности растущих городов

Эллады вынуждали их идти на риск, сбиваясь в крупные караваны. Так корабль Праксидама и его товарищей оказался на Херсонесе Фракийском. Отсюда его должен был сопровождать Феодор. С караваном они планировали добраться до Истрии, а затем плыть в Каркинитиду через Ольвию, где они собирались продать часть товаров.

В качестве товара на продажу отобрали амфоры с дорогим хиосским вином, которое славилось среди понтийских эллинов не меньше, чем рабы с этого острова – Хиосе был один из крупнейших рынков рабов. На Лесбосе закупили партию более дешёвого вина. Вино через эллинов нередко шло на обмен скифам. Высоко ценилось и оливковое масло с Самоса, Фасоса или Клазомен.

Сотрудничество обещало быть выгодным, и в этом году Феодор решился оставить свои поля и вместе с сыном пустился в плавание, чтобы встретить корабль из Эгины на Херсонесе и лично доставить в Каркинитиду. Херсонес Фракийский выбрали потому, что отсюда легко было отправиться в любом направлении. Кроме того, Праксидам знал Мильтиада, чьё благоволение позволило бы им чувствовать себя более-менее в безопасности в проливах. Тот мог обеспечить и охрану, и связь.

План Феодора состоял, помимо торговли, в том, чтобы познакомить сына с эллинскими традициями, обычаями и научить морскому делу. Поэтому по возвращении из Каркинитиды корабль с грузом должен был плыть на Эгину вместе с Леандром: Праксидам обещал устроить его в обучение к эгинским морякам. Леандр предвкушал поездку с огромным нетерпением.

Оказавшись до прибытия Праксидама в Сесте, Феодор сплавал на попутном корабле в родной Милет. Город показался ему незнакомым. Некогда богатый и могущественный Милет превратился в провинцию более богатой и могущественной Персидской державы, которая диктовала городу свою политику и назначала правителей. Впрочем, нельзя сказать, что Милет не процветал – он оставался богатым городом, но не самостоятельным. Тираном Милета Дарий сделал Гистиея.

Увиденное в Ионии испугало Феодора. Меарон, сын друга Феодора, долго рассказывал, как Дарий готовится к походу на север против понтийских кочевых племён. Судя по количеству войск и кораблей, война предстояла нешуточная, и её цели явно не исчерпывались победой над скифами. Кочевники вряд ли привлекательная добыча: они переезжают с места на место, не строя городов и дорог, не обладают большими богатствами, кроме стад и людей, и живут в степи, где земля непригодна для земледелия, а заниматься торговлей трудно. Феодор не раз имел дела со скифами и знал: особо значительными ресурсами скифские территории не обладают. Феодор не сомневался: цель Дария – колонии эллинов.

Воевать жителям городов Понта приходилось часто, но не с регулярными армиями, а с племенами скифов, мелкими отрядами фракийцев, каким-то чудом добравшихся до Таврии с берегов Истра, группами горцев-тавров, беспокоивших население равнин. Для варваров грабёж – образ жизни, их набеги были частыми, но небольшими по масштабам. Захватив награбленное, что называется, «собрав дань», они вновь исчезали, порой прихватывая с собой не только вещи и продукты, но и людей. Их обращали в рабов и отдавали родным за выкуп или продавали – зачастую тем же эллинам. Изредка крупные отряды скифов устанавливали контроль над каким-нибудь полисом, вынуждая население откупаться и оплачивать их пребывание возле города. Некоторые варвары потом так и оставались в городах, заводя дом и семьи, но в основном они уходили, чтобы вернуться к жизни на колёсах – единственной, какую они понимали и ценили.

В колониях Понта существовало ополчение, как и в полисах Эллады. Каждый мужчина, внесённый в списки граждан, обязан был защищать государство в случае войн. Но реально практически никто не занимался обучением и подготовкой армии. Города Северного Понта только становились на ноги. Во многих полисах шло активное строительство, у них, как пра-

вило, отсутствовали укрепления, способные защитить город от набегов. Если в этих местах появятся персы...

Переполненный тяжёлыми предчувствиями, Феодор вернулся на Херсонес, куда вскоре прибыл и Праксидам.

Вопросы торговли Праксидам и Феодор уладили быстро. Особенно радовало, что Феодор мог посодействовать беспошлинной продаже товаров в Каркинитиде. Внезапно Праксидам замолчал и посмотрел на Леандра:

– Хочешь познакомиться с местным правителем? – спросил он мальчика, после чего перевёл взгляд на Феодора: – У него сейчас гостят мои друзья из Афин.

– Афин? – глаза Феодора едва на лоб не вылезли.

– Почему же нет? Мы познакомимся, когда плыли на Олимпийские игры. А во время их проведения грешно помнить о враждебности, – усмехнулся Праксидам. – Да и я предпочитаю судить о людях независимо от того, где они живут. Прокл тоже. Он тебе понравится, и сын у него хороший парень – Леандр сегодня с ним познакомился. Так как?

– Согласен.

– Отлично. Я знал Мильтиада совсем молодым в Олимпии, когда в играх участвовал его отец. Жаль, что одна из побед стоила Кимону жизни. Знаешь, ведь Мильтиад происходит из рода Эака, выходца из Эгины – мы с ним почти земляки. Прокл, кстати, родственник Кимона.

– Тогда понятно, почему ты так к нему относишься.

– Думаешь? Прокл – не Кимон. Он другой. Похож на тебя.

– Или на тебя?

– Трудно сказать. Невозможно быть судьёй самому себе.

***

– Я бы на вашем месте здесь не задерживался, – заявил Мильтиад решительно, потеревив перстень с резным камнем на одном из пальцев. Щелкнув пальцами, он позвал раба и велел принести новый кувшин вина для гостей.

– Мы и не собирались ждать. Завтра Феодор отправляется в Каркинитиду с другими кораблями, которые идут в Истрию. Думаю, успеем обернуться с товаром за лето, – Праксидам пристально смотрел на Мильтиада. – Или ты имел в виду другое?

– Мы тут постоянно в напряжении. Боюсь, грядущие события приведут к закрытию проливов.

– Дарий? Значит, слухи верны? Он собирается напасть на варваров?

– Всё говорит в пользу этого.

Праксидам подошёл к окну, откуда открывался великолепный вид на море, но вид не произвел на него никакого впечатления – лицо его было мрачно. Гектор никогда не видел его в таком настроении.

– Ему не одолеть скифов, – устало произнёс Феодор. Отец Леандра оказался невысоким коренастым мужчиной с широким морщинистым лицом, чуть скошенным набок носом и тёмными волосами. Он, как и сын, предпочитал простую причёску и длинные волосы, а его серый хитон, коричневый плащ и изрядно сбитые сандалии на фоне одеяний тирана Херсонеса и даже Праксидама с Проклом, выглядели грубовато. Однако присутствующие слушали его внимательно: – Дарий не знает, во что ввязывается. Он не угонится за скифами в голой степи, где нет дорог. Персы с обозами далеко не уйдут, а для скифов расстояния не помеха. Дарий проиграет, как когда-то проиграл сакам Кир, испив чашу крови до дна.

– Неужто они так сильны? – недоверчиво спросил Прокл. – Обычные варвары, им нечего противопоставить Дарию.

– Просто ты привык видеть скифских рабов в Афинах, где они подчиняются вашим законам, верно служат государству и правителю, где их мало, а вооружение они хотя и носят, но нечасто пускают в дело. Ваши скифы знают эллинский язык, живут в домах, но понтийские племена другие. Для них война – образ жизни, способ заработать. Эти люди не ведают усталости, не строят долговременных планов, но чужие планы умеют путать. Меч, кинжал, лук – скифы знают их с раннего детства, наездники они дай боги каждому, ну а количеству их лошадей можно позавидовать. Скифов много, у них есть вожди, которым подчиняются не меньше, чем Дарию – его самые отборные дружины. Мне с их старейшинами приходилось вести переговоры, и, поверьте, они не знают, что такое сложить оружие.

– Ты, похоже, ими восхищаешься? – подколол Мильтиад, однако взгляд его на мгновение стал задумчивым. – Мы тоже не раз имели с ними дело, но в основном через фракийцев.

– О них и мы мало знаем, но, к сожалению, их силу нам на своей шкуре пришлось испытать.

– Надеюсь, шкура Дария порвётся от такой встречи, иначе вам суждено оказаться в персидских владениях, как ионийцам.

Феодор повернулся к Проклу: – А вы что делать планируете? В Афины не вернётесь?

– Нет, – лицо Прокла напряглось, а голос прозвучал сухо и резко. – Пока там нынешняя власть, это небезопасно.

Гектор презрительно глянул на отца, но тот не закончил:

– Алкмеониды собирают силы. Я не хотел участвовать в их попытках отобрать власть у Гиппия, но выбора не осталось. Не желаю всю жизнь скитаться по чужим краям или искать новую родину. Я хочу жить в своей стране, и если придётся воевать с Гиппием, да будет так!

Гектор был потрясён – никогда он не слышал от отца воинственных заявлений, никогда он не отзывался так отрицательно о власти и не призывал её свергнуть. Мальчик мечтал услышать подобные слова, но происходящее казалось неправильным. Столь несвойственное Проклу поведение делало его непредсказуемым, словно идёшь по болоту, не зная тропинок. Гектор поёжился.

– Праксидам, ты когда собираешься на Эгину? – вопрос Прокла прервал мысли Гектора.

– Провожу Феодора и сразу домой. Хочешь присоединиться?

– Пожалуй. Афинские дела сейчас мало волнуют здешних обитателей. Судя по рассказу Мильтиада, предстоят большие перемены, а, оставаясь на Херсонесе, мы проблем не решим. Мне сообщили, что Клисфен собирает силы, вот к нему мы и направимся.

Мильтиад хмыкнул:

– Недавно ты бы и слышать о союзе с ним не захотел.

– Союз, как правило, штука вынужденная и временная. Сейчас у нас нет выбора. Смотри, тебе и самому скоро придётся договариваться с персами.

– Что делать – Херсонес важен для Афин, нельзя просто его бросить. Не зря же мой дядя завоёвывал его. Пока я здесь – это афинская территория.

– Скорее, твоя личная. И Гиппий не тронет – далекоовато.

– А ты сам разве не для того приехал, чтобы пожить здесь – подальше от этого тирана?

– Нет. Я надеялся на поддержку в том, чтобы от него избавиться. Но ты предпочитаешь жить сам и дать жить ему. Твоё право.

– Ты получишь поддержку. Я ведь сказал, доходы с моих поместий в Аттике в твоём распоряжении. Я отправлю управляющим приказ доставить тебе нужные суммы. Но это не должно дойти до Гиппия. Мне не резон сейчас ссориться с ним.

– Он – убийца! Тебе ли не знать, ведь твой отец...

– Я не забыл, но каждый мстит по-своему. Хотя, если честно, не уверен, что именно Гиппий причастен...

– Мы это обсуждали, – прервал Мильтиада Прокл. – Идём, Гектор, уже поздно. Мы возвращаемся домой.

Глава 4. Девочка с триеры

Леандр вертел головой по сторонам, пытаясь отыскать дорогу в обезумевшей толпе. Одни, похватав разное барахло, мчались по склону плато вниз, к гавани, в надежде покинуть город. Другие вооружались и собирались в верхнем городе, возле агоры. Здесь, в непосредственной близости от священных участков с алтарями Аполлона, Зевса, Гермеса, Афродиты и других богов, люди чувствовали себя спокойнее, но решимость на лицах не всегда скрывала испуг. Магистраты и жрецы успокаивали собравшихся, но сами явно не представляли, что делать. Лишь каменные да деревянные статуи богов спокойно взирали на происходящее мраморными или костяными глазами.

Ольвия была в панике. С юга, из Истрии, пришло известие о надвигающихся ордах персидского войска. Перебравшись через Боспор, армия Дария ползла, заглывая обширные территории Фракии вплоть до Истра, откуда начиналась Скифия. Полноводный Истр образовывал при впадении с запада в Понт дельту с многочисленными рукавами. Вызванные Дарием тираны нескольких городов спешно поплыли на север и навели мост через реку как раз в том месте, где разветвлялся Истр, и теперь персидское войско целенаправленно двигалось дальше на северо-восток вдоль берегов Понта, в сторону Никония. От него до Ольвии оставалось немного.

В Ольвии Леандр бывал часто, поскольку именно отсюда шли пути, позволявшие эллинам торговать с другими эллинами, с фракийскими и скифскими племенами, а также и с более отдалёнными народами, о которых Леандр знал лишь по описаниям и слухам – сам он так далеко не забирался.

Феодор, добравшись от Херсонеса до Ольвии почти полмесяца назад, оставил сына тут, а сам поплыл в Каркинитиду – подготовить корабль с товаром для возвращения на Эгину. Леандру полагалось самостоятельно заняться закупкой зерна в Ольвии, одной из самых древних эллинских колоний Северного Понта, бойко торговавшей со всеми подряд. Город процветал благодаря количеству купцов из Ионии и налаженным отношениям со скифами, которые при всей воинственности нечасто вмешивались в местные дела. Впрочем, объяснялось это не мощью города, а его способностью заинтересовать кочевников тем или иным товаром или услугой. Мастерские Ольвии изготавливали вещи на обмен скифам: железное оружие, ножи, украшения, посуду, бронзовые зеркала. Отряды скифов нередко останавливались в городе и его округе, восстанавливая силы после набегов на других скифов или эллинов. Среди постоянных жителей города было немало варваров и их потомков, хотя в основном они жили на многочисленных сельских поселениях, разбросанных вокруг Ольвии. Торговля стояла здесь на первом месте.

Сейчас равновесие грозило рухнуть под ударом новой силы. Скифы-кочевники с лёгкостью уходили от войска Дария, не обременённые скарбом и накопленными товарами, сжигая за собой землю и бросая скот – известия об этом также прилетели с юга. Горожане не знали, что им делать: бежать, захватив всё возможное, или сражаться, рискуя всё потерять. Хотя Дарий идёт на скифов, это не мешает царю захватить по дороге пару эллинских полисов, как произошло с Истрией и вот-вот случиться с Никонием. Ольвия могла стать следующей. Ведь чтобы по пути на север и восток пересечь реки Тирас, Гипанис и Борисфен, Дарию понадобятся такие же мосты, как и через Истр, а на пути через Гипанис перед персидскими кораблями окажется Ольвия.

Друг отца Мнесибул, у которого остановился Леандр, жил в квартале горшечников. Сейчас он тоже готовился к битвам, и ему было не до Леандра. Юноша предложил помощь, но Мнесибул заявил, что Леандру лучше отправиться домой и сообщить обо всём жителям Каркинитиды.

Леандр с трудом протискивался сквозь охваченную страхом толпу. Он мчался к пристани, где стоял на якоре небольшой корабль. В его трюме уже находилось зерно, приобретённое у местных торговцев. Цена за путешествие до Каркинитиды была непомерной, но выбирать не приходилось. Леандр нащупал на поясе мешочек с деньгами. Он не успел обменять их на местные деньги у трапезита – рыночного менялы. Там позвякивали серебряные эгинские статеры с изображением черепахи и серебряная афинская тетрадрахма с головой Афины на одной стороне и изображением совы на другой. Несколько медных дельфинчиков – ольвийские деньги – стоили немного, но расплатиться с лодочником хватит.

Леандр огляделся. Здесь, в нижнем городе, находился ольвийский рыбный рынок, и обычно многочисленные лодки доставляли свежую рыбу и морепродукты на продажу, но сегодня никто не торговал. Леандр побежал к пристани. В порту было несколько кораблей – редкость для Ольвии. Почти все они готовились к отплытию. Судно, на котором Леандр собирался плыть домой, стояло далеко от берега. Леандр взглядом искал лодчонку, но свободных лодок на берегу не оказалось. Он бросился в воду и поплыл к небольшому кораблю из Пантикапея. Изначально корабль собирался плыть в Истрию, но из-за тревожных известий возвращался обратно. Леандру сообщили, что утром судно отправляется в Таврию, и он грёб изо всех сил.

Мимо проплывала триера – длинный военный корабль с тремя рядами вёсел, расположенными один над другим. Нос триеры украшала деревянная фигура Медузы Горгоны. Плыла детская вопль, и в воду с триеры упала девочка. Она пыталась удержаться на воде, но, судя по всему, плавать не умела и вот-вот могла пойти ко дну. Самое удивительное, она не звала на помощь, а молча бултыхалась в солёной воде, судорожно размахивая руками.

Леандр подплыл к девочке, не давая ей уцепиться за себя мёртвой хваткой: тогда наверняка утонут оба. Однако девочка прекратила метаться. Леандр ухватил её и медленно поплыл к кораблю.

Сверху спустили канат, и вскоре они оба оказались на борту. Девочка дрожала, в глазах её застыл страх. Она дико озиралась и бросала быстрые взгляды на окружающих, словно ожидая, что её выбросят обратно за борт. Леандр попытался успокоить девочку, но она по-прежнему с опаской осматривала всех вокруг, намертво вцепившись в руку спасителя.

Впрочем, до неё никому не было дела – все готовились к отплытию. Рулевой занял своё место, якорный камень подняли со дна. Девочка, видя, что никто не обращает на неё внимания, тоже начала отходить. Её одежда – короткий грубый пеплос – превратилась в лохмотья, обувь и плащ отсутствовали, тело с бледной, почти прозрачной кожей, покрывали ссадины, а спутанные мокрые волосы свисали на плечи. По виду лет одиннадцати, черты лица девочки выдавали варварское происхождение, длинные волосы отливали медью, а глаза казались синими.

Вскоре корабль направился к выходу из ольвийской гавани. Леандр с девочкой провожали взглядом землю, дрожа от ветра в мокрой одежде. Сшитый из шкур квадратный парус хлопал над головой, оставляя странное чувство одиночества.

Течение Гипаниса, на правом берегу которого лежала Ольвия, несло судно вдоль берегов лимана на юг, где воды Гипаниса соединялись с водами реки Борисфен. Оттуда новое течение понесёт их на запад, мимо расположенной на полуострове древней Борисфениды. Когда корабль выбрался на морскую гладь Понта, Дикай, возглавлявший экспедицию, приказал повернуть на юго-восток и плыть вдоль берега к Таврии. Потом он бесцеремонно обратился к Леандру:

– Кто это? Зачем ты её притащил?

– Она упала с другого корабля, не мог же я дать ей утонуть, – Леандр помолчал и на всякий случай соврал: – Я её знаю, она дочь моего знакомого. Её родители погибли. Я отвезу её к себе домой.

– Ну, как знаешь, но кормить её будешь сам. И скажи ей, пусть сидит вон там, – Дикай ткнул пальцем на место у носа, где качка ощущалась сильнее всего, – и не путается под ногами.

Леандр кивнул и без лишних слов потащил девочку в указанное место. Он и сам уселся там же, не пытаясь вырвать руку из ладошки девочки. Он не спросил её имени, чтобы не вызывать подозрений, – ведь он сказал, что знаком с ней.

На четвёртый день они достигли Каркинитиды. Во время ночёвки на берегу Леандр успел выяснить: девочку зовут Иола, отца у неё нет, а мать-скифянка умерла. Сама Иола находилась на положении рабыни в доме одного знатного эллина из Византия – с его триеры она упала. Ничего больше Леандр не добился. Иола больше молчала, отстранённо разглядывая морские волны.

Когда показались родные берега, Леандр впервые за последние дни вздохнул с облегчением. Дикай, не скрывая довольной ухмылки, ссадил двух пассажиров с их грузом зерна, после чего сразу отдал приказ отчаливать.

Отец был дома, но куда-то спешил – объяснение получилось коротким. Он быстро, но крепко обнял сына:

– Почему так скоро вернулся? Кто это с тобой?

– Дарий начал поход против фракийцев и скифов. Он захватил Истрию. Ольвия готовит ополчение. Я хотел побыстрее тебя предупредить. Надо всем сообщить. А это Иола, она из Ольвии...

Феодор прервал рассказ, коротко поприветствовал Иолу, предложил ей быть гостьей в его доме, после чего вышел, сказав, что скоро вернётся и выслушает подробности.

В другое время Леандр пошёл бы с ним, но сейчас ему надо было позаботиться о девочке – та едва держалась на ногах, но и не думала жаловаться. Она не знала, что её ждёт, но если и испытывала страх, то надёжно скрывала его за видимым равнодушием.

Вечером Леандр уложил Иолу спать, а сам уселся ждать отца.

***

– Она чужая рабыня, мы не можем её оставить! Зачем ты её привёз?! Нас же могут в воровстве обвинить! – Феодор чуть не сорвался на крик.

– А что было делать? – Леандр говорил спокойно, но стиснув кулаки. – Дать ей утонуть? Я же не знал, кто она.

– А если бы знал?

– Ничего бы не изменилось.

– Я так и думал, – Феодор отвернулся и посмотрел на Иолу. – Ну, и что делать будем? – теперь Феодор говорил деловито, словно уже принял решение. Леандр улыбнулся.

– Пусть живёт у нас, отец. Её хозяйина я не знаю, но в любом случае он решит, что она умерла, и со временем о ней забудет. Триера, с которой выбросили Иолу, направилась вроде бы на юго-восток. Может, к Боспору. Если её хозяин вернётся в Ольвию, нам-то что? Пожалуйста, папа.

– Что ты о ней знаешь?

– Ну, она – полукровка. Работала в доме какого-то богача, но она не говорит, кто он. Не стану же я её пытаться. Больше я о ней ничего не знаю. Пусть живёт у нас. Нам не помешает кто-нибудь для работы по дому.

– Пожалуй, – с сомнением покачал головой Феодор. – И я так скучать не буду, когда ты отправишься на Эгину.

– На Эгину? Зачем? Я нужнее здесь!

– Так надо. Вчера на городском совете мы обсуждали последние события. Не думаю, что Дарий до нас доберётся. Мы же планировали, что ты поедешь к Праксидаму, вот и езжай.

Вернёшься через год. Посмотришь, наконец, как живут в Элладе. Я всю жизнь мечтал, как однажды ты увидишь места, о которых я тебе когда-то говорил. Я хочу, чтобы ты стал настоящим эллином.

– А тут разве живут ненастоящие? – Отец часто с тоской вспоминал прошлые времена, Ионию, Элладу, но никогда не выражал недовольства нынешней жизнью.

– Здесь мы наполовину варвары. Многие там нас такими и считают. Ну если не варварами, то деревенщинами. Они смеются над тем, как мы живём, – Феодор обвёл взглядом их землянку с глинобитным полом. Стены прямоугольного котлована, вырытого несколько лет назад, высились почти в рост человека. По краю котлована шли невысокие стены из сырцового кирпича, обмазанные изнутри глиной и побеленные известью. Крыша из камыша опиралась на пару столбов, в углу притаилась переносная жаровня. От двери в стене вниз шли деревянные ступени. Временное жилище для новых колонистов. Такие жилища – обычное дело в Каркинитиде, но в Ольвии и Пантикапее их постепенно сменяли наземные дома из сырцового кирпича, а землянки оставались уделом бедняков с окраин.

– Ты должен им показать, что ты – такой же, как и они. Поклянись быть достойным чести называться эллином! – Феодор был взволнован. Они с сыном часто говорили о далёкой Элладе, и в такие мгновения Феодор не мог скрыть от сына тоски по прежней родине. Недавний визит в Милет не принёс ему облегчения. Милет слишком изменился, и Феодор всё чаще говорил не о Милете или Ионии, а об Элладе. Леандр с детства рос, впитывая отцовские заповеди, и для него само собой разумеется, что он – эллин, а оказывается, это надо кому-то доказывать.

– Поклянись Аполлоном, – повторил Феодор, указывая на деревянную статую Аполлона Врача в одном из углов их дома, – что не заставишь меня краснеть за тебя перед Праксидамом и его друзьями. Я хочу, чтобы ты заслужил их уважение, и, помимо прочего, для этого я тебя туда посылаю! – в голосе Феодора звучала непривычная страсть.

– Клянусь, отец, ты будешь мной гордиться! Я всё сделаю ради твоей мечты! – торжественно поклялся Леандр.

– Уверен, ты меня не подведёшь.

– А корабль готов?

– Он в гавани. Боспор не столько персы контролируют, сколько их представители – ионийцы. Договоритесь с ними. Из Херсонеса в Элладу вам поможет добраться Мильтиад.

Леандр слушал и не верил собственным ушам. Отец никогда не доверял ему таких важных дел, ведь ему всего шестнадцать! Либо дела совсем плохи, либо он чем-то заслужил такое отношение отца. По коже забегали мурашки, но губы сами собой растягивались в широкую улыбку. Он не подведёт отца!

***

Погрузка зерна на корабль была в разгаре: наполненные амфоры аккуратно сгружали во вместительный трюм потрёпанного, но крепкого судна с широкой кормой и парой рулевых вёсел по бортам, явно купленного у финикийских купцов. Лежали тут и сосуды с солёной рыбой и крабами и какие-то мешки.

По словам Феодора, корабль отправится из Каркинитиды прямо в Истрию. Придётся выйти в открытое море, но плыть через Ольвию вдоль пути персидской армии – безумие.

Руководил погрузкой молодой шустряк по имени Эвмолп.

– Да-да, хорошо, мы доставим твоего сына куда надо, – Эвмолп кивал Феодору, но казалось, молодой человек сейчас думает только о грузе. Погрузка закончилась, и Эвмолп щёлкнул пальцами, быстро осмотрелся, затем пробежал по уложенному на место палубному настилу и заглянул в трюм. Длинные ряды амфор, стоящих в несколько слоёв, вызвали у него востор-

женную улыбку, хотя оставалось много свободного места. Он спустился на берег, довольно похлопал Леандра по плечу и прокричал кому-то:

– Всё в порядке, готовьтесь к отплытию!

– А Леандр? – бесперемонно вмешался Феодор. – Ему надо успеть собраться.

– Ну, до отлива у него есть время – пусть твой сын его не теряет. Мы в расчёте, ждать нет смысла. – Торопливость, очевидно, была достоинством для торговца, но вести с ним осмысленную беседу оказалось непросто.

Феодор понял, что лучше не спорить, и обернулся к сыну:

– Собери вещи и к отливу будь здесь. Я сюда же подойду. И своей служанке объясни, что она теперь работает у меня, и я ей не дам бездельничать. Или пусть работает, или убирается.

По закону раб принадлежал хозяину, пока не умрёт, либо пока тот не продаст его или не освободит. Если всё откроется, их обвинят в краже и заставят платить большой штраф. Феодор это понимал, но выбросить девочку за дверь у него не поднималась рука. Феодор посмотрел на сына. Тот явно считал себя ответственным за спасённую жизнь.

У них имелись два раба – Феодор купил их за двести драхм на рынке Ольвии. Дорого, но обойтись своими силами они не могли: занятия торговлей тоже требовали времени. Всякий эллин покупал раба при первой же возможности. Рабы работали на земле, выделенной Феодору, и жили в небольшой землянке там же. Оба они были варварами.

После слов Феодора Леандр понял: отец не возражает, чтобы Иола осталась у них. Повеселев, он бросился к дому.

С тех пор как они сошли с корабля, Иола не произнесла ни слова. Когда Феодор вернулся домой, она сидела и смотрела на него синими глазами. Её чуть скуластое лицо с курносым носиком и плотно сжатыми губами казалось безучастным. На предложение позавтракать она просто кивнула. Вот и сейчас девочка тихо сидела в углу у жаровни, безучастно глядя в пол. Леандр подошёл, опустился на корточки, осторожно повернул её лицо и посмотрел ей в глаза:

– Иола, я должен уехать. – На мгновение в её глазах промелькнул страх, а потом его сменили усталость и смирение перед судьбой. – Не бойся, тебя никто отсюда не выгонит, и никто не найдёт тебя у нас в доме. Ты ведь хочешь остаться? – уточнил Леандр.

Иола кивнула.

– Тогда скажи.

– Я хочу остаться, – послушно повторила девочка и снова замолчала.

– Хорошо, но ты понимаешь, что я не могу всё время быть рядом?

Иола затрясла головой.

– Скажи.

– Не уходи.

– Я должен. Но я вернусь. А пока о тебе позаботится мой отец. Ты мне веришь?

Молчание. Потом тихое:

– Да.

– Ты умеешь убирать в доме, готовить еду, ткать?

– Да.

– Ты будешь это делать, пока живёшь у нас?

– Да.

– Обещаешь?

– Да.

– Я тебе верю. А ты верь мне, когда я говорю, что вернусь. Отец скажет, что тебе надо делать. Не пытайся заговорить его: он этого не любит, – девочка слегка улыбнулась.

– Он строгий, но добрый. Не бойся его. И заботься о нём хорошо – кроме него у меня нет никого. Ладно?

– Ладно, – теперь Иола улыбалась – робко, но искренне. Леандр не знал, что за человек был её прежний хозяин, но, видя реакцию девочки, понял: он сделает всё, чтобы тот ничего о ней не узнал.

– Помоги собрать вещи, я должен быть на пристани к началу отлива. Хочешь меня проводить?

Иола кивнула. Больше они не сказали друг другу ни слова, пока не оказались у трапа корабля. Там ждал Феодор, нетерпеливо вышагивавший по берегу.

– Готов? Ну, тогда вперёд. Я буду ждать тебя, сынок, – казалось, отцу было трудно говорить. Он пытался что-то добавить, но Эвмоп уже кричал с борта корабля, что пора плыть, и Леандр порывисто обнял отца.

– Я справлюсь. Позаботься об Иоле. Она обещала тебя слушаться. Правда, Иола?

Иола кивнула, подошла к Леандру и взяла его за руку. Юноша сжал её ладонь, а затем взбежал по трапу на борт. Пока убирали трап, складывали на корме причальный канат, прилаживали рулевые вёсла и вытягивали якорь, он смотрел на берег, а когда корабль отчалил, его взгляд до последнего не отрывался от двух застывших фигур.

Глава 5. Обещания

– Вижу Византий, – крик Эвмолпа оторвал Леандра от невесёлых мыслей, и он вытянул шею, осматриваясь вокруг. Впереди раскинулось гигантское сооружение, строительство которого Леандр видел, когда плыл из Херсонеса в Понт. Понтонный мост через Боспор, построенный Мандроклом Самосским, вытянулся на четыре стадия, соединяя Европу и Азию с помощью кораблей-понтонных; между ними на натянутых канатах уложили доски, оставив проходы для мелких судов.

На северном берегу Боспора, у входа в Пропонтиду, расположился Византий. В его порту кораблей было довольно много, однако особой суеты не наблюдалось.

Какая-то громадина преградила им путь, и Леандр разглядел длинную триеру с обшитым медью тараном и вырезанной из дерева фигурой на носу. Фигура заставила Леандра прищуриться и пристальнее взглянуться в судно. Медузу Горгону, чьи выкрашенные чёрным змеи-волосы казались живыми из-за мокрого блеска, он уже видел в порту Ольвии. С этого корабля упала Иола, а значит, её хозяин, вероятнее всего, находится на борту или в городе.

Первое побуждение Леандра – спрятаться от взоров команды триеры, – быстро прошло. Кто мог его узнать? Одновременно его охватило любопытство. Какую роль тот тип сыграл в судьбе девочки? Знал ли он, что та жива? Леандр почему-то был уверен: он найдёт ответы.

Выяснить, кто командовал триерой, оказалось на удивление просто. Эвмолп представил Леандра приятелю, портовому таможеннику Хрисиппу, и тот на вопрос юноши охотно ответил:

– Корабль Лисимаху принадлежит, нашему местному богачу. Ну, то есть принадлежит-то он, конечно, не ему, а Византию, но он – триерарх. Оснастил триеру за свой счет и вот теперь командует. Собственные корабли у него имеются – не триеры, а помельче. У него вообще-то несколько кораблей, по большей части торговых да грузовых, сам понимаешь. Говорят, торговлю рабами и металлами он ведёт с таким размахом, какой мало кому снился. Ну, не сам, конечно, торгует, а нанимает людей или сдаёт внаём корабли.

– И где живёт Лисимах? – словно невзначай спросил Леандр.

– А те-то зачем? Думаешь, на тебя польстится? – громко загоготал Хрисипп, но потом ехидно хмыкнул и ткнул пальцем куда-то в сторону города. – Вон, видишь, холм с крепостью? Вот возле него-то он и обитает. Громадный дом – не чета моему. Там тебе любой покажет.

– А ты сам с ним не встречался?

– Не. Куда там. У него есть, кому переговоры вести с таможенной. Да ладно, пусть его. Хочешь посмотреть город? Я так понимаю, вы здесь весь день пробудете. Вон сынок мой, бездельник, пусть хоть тебя займёт, посмотрит, как ведут себя умные люди. Эй, Ксанф, подь сюда!

Мальчишка лет восьми подбежал к отцу. Его песочного цвета волосы беспорядочно торчали в разные стороны – словно по какой-то причине встали дыбом. Руки он держал за спиной, с любопытством разглядывая гостя сквозь прищуренные глаза.

– Знакомься, это Леандр. Он здесь проездом – займи его на денёк, покажи город. И чтоб до вечера я тебя не видал, – Хрисипп торопливо направился к очередному судну.

Леандру совет понравился. Он предупредил Эвмолпа, что уходит до вечера, и вместе с Ксанфом пошёл в город.

Леандр и его спутник шли по улицам, и молодой человек всё время держал в уме направление, указанное Хрисиппом к дому Лисимаха. По пути Леандр успел уточнить местоположение дома у Ксанфа: в отсутствие отца тот оказался не прочь поболтать, между делом уплетая пирог, который раньше прятал за спиной.

– Ага, вон его дом, – вдали виднелась красная черепица на крыше. – Огромный. Таких у нас немного.

– А сейчас он дома?

– Почём я знаю? Он несколько дней как вернулся, значит, мог пойти на рынок. Давай сходим и глянем. Это близко.

Рынок Византия мало чем отличался от рынков других крупных городов. Та же вонь, торговые ряды с продуктами, палатки с ювелирными украшениями, одеждой, посудой, тканями, лавки с благовониями, вином или лекарствами, всюду людские толпы, нескончаемая суета возле многочисленных складов.

Они миновали лавку менялы с толпой возбуждённых и недовольных моряков и свернули за угол цирюльни, чей хозяин сидел на камне у порога и скучающе поглядывал вокруг. Вдруг Ксанф вцепился в руку Леандра и возбуждённо зашептал, показывая на группу мужчин, оживлённо болтавших в тени мраморной колоннады, окружавшей рынок:

– Вон тот, видишь, в коричневом плаще? Ну, в светлом хитоне? Это Лисимах.

Леандр остановился как вкопанный, глядя на незнакомого худощавого мужчину с чисто выбритым неподвижным лицом, серыми глазами, впалыми щеками, длинным, чуть загнутым как у хищника носом и короткими пепельными волосами. Выражение глаз, жёсткий рот и уверенные манеры говорили об умении и желании властвовать. Даже ростом он был выше остальных.

Речь шла о Дарии.

– Значит, мост через Истр ещё стоит?

– Да. Дарий велел его уничтожить, если армия не вернётся через два месяца. Время на исходе, и не исключено, что скоро персы явятся сюда. Я слышал, война со скифами не принесла успеха. Армии нужен видимый враг, а не призрак.

– Ничего себе призрак, – заметил кто-то. – Поля на пути армии Дария он жжёт вполне реально.

– Да, угроза голода и заставила персов вернуться – Дарий и до Тираса не успел добраться. Раненых не берут – оставляют на милость варваров. Скифский царь Иданфирс может праздновать победу. Скоро персы будут у Истра. Надо предупредить тиранов, которых он оставил сторожить тамошний мост. – Все посмотрели на Лисимаха.

– Я виделся с Аристоном, когда возвращался из Ольвии, – неохотно обронил хозяин Иолы. До этого он чуть заметно улыбался, слушая разговоры, и помалкивал. – Всё, что знал, я ему сообщил.

– А кто там ещё, кроме нашего Аристана?

– Там их много: Гистией из Милета, Гиппокл из Лампсака, Стратис из Хиоса и другие. Мильтиад Херсонесский тоже там. Дарий знал, кого оставлять: все они зависят от него.

– Да уж, хотел бы я знать, что происходит, – мужчина, стоявший возле Лисимаха в полном боевом облачении гоплита, стукнул копьём о землю. – Известия одно противоречивее другого. Похоже, придётся опять ждать персов в гости. Лишь бы мост Мандрокла продержался до той поры, тогда они тут не задержатся.

Леандра обрадовался возвращению персов. Значит, не только Таврия, но и Ольвия не пострадали.

Беседа плавно перетекла в рассказ о привезённых товарах, а потом мужчины разошлись, и Лисимах в сопровождении трёх рабов отправился к своему дому. Он шёл неторопливо, по правой стороне улицы, приветствуя знакомых и расталкивая с помощью рабов нерасторопных бедняков.

Леандр с Ксанфом проводили его взглядом. Ксанф порывался о чём-то спросить, но Леандр стиснул его руку и тихо пробормотал: – Потом. Мне нужно кое-что выяснить. Ты знаешь кого-нибудь из тех, с кем он говорил?

– Ага, вон тот, видишь? Мой дядя. – Он указал на пухлого мужчину лет сорока. – Его Тисамен зовут. Пошли, спросишь, чего надо.

– Просто представь меня ему.

– Дядя, – Ксанф помахал рукой, привлекая внимание.

– О, племянник. Ты как тут оказался? Отец знает? – видимо, на последнюю часть вопроса он положительного ответа не ждал, потому что сразу добавил: – Смотри, скажу ему – выдерет по полной.

– Ничего подобного, – обиделся племянник. – Он мне сам наказал помочь Леандру посмотреть город, он ведь тут впервые. Кстати, это Леандр из Понта. Я думал показать ему агору, но тут мы вас увидели, и он говорит, что знаком с Лисимахом. . .

Леандр хотел прервать словесный поток, но не успел. Тисамен с любопытством взглянул на юношу.

– Вот как, знаком? Мне показалось, ты тут впервые, – племянника он явно слушал внимательно.

– Я видел его триеру недавно в Ольвии.

– В Ольвии? Ты был там? – Тисамен оживился. – Правда, что оттуда все сбежали?

– Не совсем. Но люди боялись войны с персами. Одни готовились к ней, другие бежали. Когда я уплывал, то увидел триеру, которую встретил у вас в порту. Вот и интересуюсь, чья она. Вы, наверное, хорошо знаете Лисимаха? Хрисипп говорил, он очень известен в Византии.

– Лучше не скажешь. Его все знают.

– Я видел его дом – у нас в Таврии таких и нет. Наверное, у него не меньше десятка рабов?

– Десятка? Пожалуй. Для обслуживания дома. Не считая тех, кто работает в его мастерских и на полях.

– У него несколько мастерских?

– Три штуки. Оружие делают, доспехи. На его триере все вооружены его же товаром. Удобно.

– И выгодно. Особенно в наше время.

– А твой отец чем занимается?

– Тоже торгует. Сейчас мы как раз везём груз в Элладу.

– В Афины?

– Нет, на Эгину. Я вообще-то впервые в таком путешествии.

– Понимаю. Молодым это на пользу. Взять того же Лисимаха – где он только не был. С юности плавал всюду, всё изучил, нашёл нужных людей. Теперь вот ему товары везут со всего света.

– А с Понтом он тоже торгует? Раньше я про него не слышал.

– Он торгует в основном с югом и западом: Синопа, Гераклея, Истрия, Аполлония. Ну а на севере разве Ольвия. Раньше там рабов немного было, а сейчас что ни поездка – то кого-то привезут. Рынок там, видимо, растёт.

Последние годы ольвийская агора разрослась, торговые пути, на перекрёстке которых находился город, становились всё более оживлёнными, и потоки товаров со всех концов варварского мира встречались в этой точке на берегу обширного лимана.

Леандр понял: добиться чего-то ещё от Тисамена будет непросто, не рискуя привлечь его внимание. Он предложил Ксанфу остаться с дядей, чему паренёк не слишком обрадовался, ибо дяди не прочь был заставить племянника поработать: поднести с рынка до дома корзинку с едой.

Скоро Леандр добрался до дома Лисимаха. Двигался он неторопливо, поглядывая по сторонам. Внезапно послышался вскрик, затем звуки палочных ударов – и снова крики.

Леандр пробежал до конца стены и осторожно выглянул за угол. Лисимах избивал одного из своих рабов. Несколько прохожих равнодушно или с интересом поглядывали на происходящее. Раб при ближайшем рассмотрении оказался мальчишкой – ровесником Леандра или чуть младше. Он дёргался и извивался, а рядом на земле валялась корзина, откуда вывалились

две амфоры. Они треснули от удара, и вытекающее вино быстро впитывалось в уличную пыль, окрашивая её кроваво-красным цветом.

Истязание продолжалось до тех пор, пока мальчишка не затих, не в силах сопротивляться. Тогда господин швырнул его оземь и величественно удалился в сопровождении другого раба. Третий раб нагнулся над мальчиком и затормозил его. Леандр решил не медлить и шагнул к ним.

– Давай я помогу. – Он присел на корточки и дотронулся до лежащего без сознания мальчика.

– Ты кто? Чего хочешь? – подозрительно спросил мужчина.

– Ничего не хочу, просто помочь подошёл. Да и что ты можешь мне предложить?

– А ты?

– Могу помочь до вашего дома дотащить, перевязать раны и смазать их, чтобы зажили лучше.

Раб пристально уставился на молодого человека, осмотрелся по сторонам, словно ожидая подвоха, потом опустил глаза на покрытого кровью паренька и после краткого размышления кивнул.

– Давай втащим его в дом.

Вдвоём они подняли мальчика за плечи и ноги и потащили вдоль стены. Крошечная дверца, скрытая зелёными листьями плюща, легко отворилась, и Леандр оказался в доме человека, чьей судьбой он сегодня так живо интересовался.

Дом был и впрямь огромным: внешняя каменная стена служила внутренней стеной помещений, которые шли по её периметру. Крышу над помещениями с внутренней стороны поддерживала колоннада. Центральное место занимал двор с мощёными дорожками, в центре двора на высоком постаменте высилась мраморная статуя бога торговли Гермеса. Были и другие статуи, но кому они принадлежат, Леандр не разглядел.

На противоположной стороне двора находился каменный хозяйский дом. Леандр, повинаясь знакам раба, повернул вправо от калитки, и они зашли в помещение, явно предназначенное для слуг. Из мебели – пара лежачков и подобие стола на очень коротких ножках. На лежачках валялись разбросанные в беспорядке тряпки. Кувшин с водой и пара горшков составляли на столе компанию куску ячменной лепёшки.

Мальчик застонал и заметался, и мужчина, взяв его за плечи, тихо что-то зашептал на незнакомом Леандру наречии. Потом раб перешёл на эллинский:

– Тихо, Таркай, тихо. Сейчас мы тебе поможем. Бедняга! Несчастья на него так и сыплются! Сестры лишился, теперь вот хозяйские побои каждый день. Так он долго не протянет.

Леандр между тем вынул из-за пояса мешочек, который всегда носил с собой. В нём лежал пузатый арибалл⁵ с мазью – он научился её делать по совету Праксидама. Тот был в своё время знаком с известным лекарем Демокедом из Кротона. Демокед, как говорили, попал в плен к Дарию и служил его личным врачом. Вернувшись домой, он женился на дочери самого Милона. Демокед когда-то жил на Эгине, и Праксидам узнал у него состав заживляющей мази.

– Поддай чистую тряпку и воду, – попросил он раба и, пока тот искал тряпки, спросил: – Как тебя зовут?

– Спарток, – раб протянул тряпку, держа в руках кувшин.

– А я Леандр. – Он протянул руку за тряпкой, порвал её надвое, смочил одну часть водой и начал обтирать спину Таркай. Осушив её второй тряпкой, он вынул мазь. Запах лаванды и розмарина наполнил комнату. Леандр осторожно нанёс мазь на кровоточившие раны. Явно не первые – спина была исполосована плетью, верёвками и палками. Не отрываясь, Леандр спросил:

---

⁵ Небольшой сосуд округлой формы с узким горлом и расширяющимся кверху венчиком.

– Его сестра погибла? Как?

– Бросилась с корабля и утонула. Это в Ольвии случилось. Такая чудесная девочка, наша Иола. Все её любили...

– Иола?

– Да, самое имя для рабыни. Её мать тоже была тут рабыней, рано умерла... Алида её звали. Всё надеялась, что у дочери судьба будет не как у нас, но куда там... Брат любил её больше всего на свете, хоть отцы у них разные. – Он замолчал, вспоминая те дни, а Леандр отметил про себя: судя по отношению Спартока к Иоле и Таркаю, мать их много для него значила. Он говорил на удивление правильно для раба-варвара, а его сдержанные, без подобострастия, манеры вызывали у Леандра уважение.

– Так они с детства жили тут?

– Другой судьбы не знали и уже вряд ли узнают.

Таркай снова застонал и открыл глаза. Он попытался перевернуться на спину, но Леандр придержал его за плечи. Мальчик недоуменно смотрел на чужака, затем перевёл взгляд и, увидев Спартока, слегка успокоился.

– Ты как? Помнишь, что случилось? – обеспокоено спросил Спарток.

Таркай сглотнул, шмыгнул чуть приплюснутым носом и посмотрел на чашку возле топчана. Леандр протянул её, и мальчик, с трудом приподняв голову, жадно к ней припал.

Леандр изучал его черты, ища сходство со своей знакомой, но отметил лишь русые волосы, отливающие медью, и широкие скулы. Ему оставалось узнать, что случилось на судне, и тогда решить, говорить ли брату правду о сестре.

– Ты кто? – хриплым голосом прервал его размышления, и Леандр посмотрел вниз. Пристальный взгляд тёмных глаз заставил его вздрогнуть. – С какой стати ты взялся мне помогать?

– А почему бы нет?

– Да такое у нас никому бы в голову не пришло.

– Наверное, у вас так принято.

– А ты сам нечуждый?

– Нет, я из Понта.

– Понт? – Боль вспыхнула, вызвав тяжёлые воспоминания. – Ненавижу Понт, – еле слышно пробормотал Таркай.

– Да, Спарток сказал, твоя сестра погибла там. Мне жаль. Она была моложе тебя?

– На четыре года моложе, – Таркай откинулся на ложе, рассеянно уставившись в потолок.

– А ты уверен, что она утонула? – спросил Леандр.

– Да куда ей деваться в воде-то? – Спарток сокрушённо покачал головой. – Она и плавать не умела. Никто из нас не умеет. И Таркай сказал, что всё видел.

– Да, видел, – после краткого колебания решительно произнёс Таркай. – Видел, и так и сказал хозяину. Как он тогда орал, винил меня, да разве ж я мог что-то сделать? Нет. Ей не было пути назад. – Глаза его блеснули, и Леандр понял: брат отлично осведомлён о спасении сестры, но не намерен ставить кого-либо в известность, даже такого близкого человека, как Спарток. Он будет защищать сестру до конца. Леандр повернулся к Спартоку и попросил:

– Ты не принесёшь чего-нибудь попить? Нам с ним не помешает. – Поскольку в комнате ничего не было, Спартоку придётся оставить их наедине, а этого Леандр и добивался.

Когда тот вышел, Леандр решительно спросил:

– Ты ведь видел, как она спаслась?

– Кто? – глаза Таркай вспыхнули.

– Иола.

– Откуда ты знаешь Иолу?

– Я спас её в Ольвии, – Леандр взял быка за рога. – Я помог ей забраться на наш корабль. Я запомнил триеру твоего хозяина, увидел её тут в порту и решил выяснить побольше о нём и об Иоле, если получится.

Всего три предложения, но за то время, что Леандр их произносил, на лице Таркая подозрительность успела смениться недоверием, а потом надеждой. Леандр видел: тот хочет, но боится задать следующий вопрос. Мучить парня смысла не было.

– Она в порядке. Я у моего отца её оставил. Он не причинит ей вреда.

Таркай внимательно слушал, а губы его растягивались в улыбку, открывая кривоватые зубы.

– Расскажи о ней, – попросил Леандр. – Она молчит почти всё время, о себе не рассказывает.

Таркай нахмурился, закусил губу и внимательно посмотрел на Леандра.

– Ты мне не веришь?

– Верю. Видишь ли... Мне было четыре, когда она родилась. Я жутко ревновал поначалу. Мой отец – свободный, но я его не знал. Мама сама из скифов, как раз из-под Ольвии, жила с родителями в какой-то деревне, потом вышла за эллина, имя взяла эллинское. Мама говорила, если ребёнок рождается, то он получается ни эллин, ни скиф. Там много таких полукровок, навряд меня. Не помню, как их называли... Калип... капил...

– Каллипиды, ну или эллиноскифы, – поправил Леандр.

– Вот. Но во время какой-то стычки отец погиб, а мать захватили в плен скифы – не из её племени, а другие, их ведь там много, так она говорила. Они и продали её на невольничьем рынке, правда, не в Ольвии, а в Аполлонии, и там её купил мой хозяин. Мне Спарток рассказывал – его купили на том же рынке. Он-то ведь фракиец. Он говорил, – Таркай понизил голос и заколебался, но потом продолжил, – Лисимах, как маму увидел, так мигом выложил за неё больше пятисот драхм.

Леандр вспомнил двести драхм, заплаченных за двух рабов, и покачал головой.

– Да, потом Лисимах привёз маму сюда, но она ждала меня, и он получил разом двух рабов. А через четыре года родилась Иола. В доме Лисимаха об этом говорить нельзя, но все знают, что её отец... Ну, он, в общем. Но я её вскорости полюбил жуть как сильно. Да её все слуги обожали. Даже жене хозяина она нравилась. Своих-то детей у неё нет. И сестра моя любила общаться с ней. Это потом Иола стала молчаливой, слова не добьёшься, а сначала весёлая была, счастливая – пока не поняла, что вокруг происходит. А это случилось, когда мама померла.

Таркай замолчал, лицо его напряглось и исказилось гримасой боли, а взгляд устремился в угол, словно пытаясь прожечь стену.

– Года четыре назад объявился брат хозяйки Агесарх, будь он проклят. Он живёт не здесь – в Аполлонии. Они в тот вечер хорошо повеселились, но Лисимах отправился спать, а Агесарх вышел во двор. Что там случилось, мне никто не рассказал, но я не дурак, сам догадался. Утром маму нашли мёртвой. Говорили, она убила себя, но она бы так не сделала. Агесарх наутро уехал. Его счастье, а то бы я его грохнул!

Леандр поёжился, услышав угрозы раба эллину. Закон против раба, поднявшего руку на свободного, был суров, и оправданий не предусматривалось.

– А дальше?

– Лисимах тогда как озверел. Иногда мне казалось, он и сам не прочь прибить братца жены... Я как-то подслушал, как он говорил с женой, что ноги её брата тут не будет. И хозяйка переменялась. Раньше она, наверное, думала, он просто развлекается, как другие. Тут-то она и поняла, как он на самом деле к маме относился. Иолу начала третировать, как никого. А Лисимах наоборот, защитить пытался, а вот свободу дать не хотел. Сам понимаешь, как Иоле пришлось тяжело. Уборка, готовка, работа на ткацком станке, стирка. Она толком поспать

не успевала, а уже снова зовут. А коли не успеет чего – хозяйка тут как тут, ругает и даже бьёт. Не при муже, правда. Через несколько месяцев Иола была кожа да кости, вся прозрачная. Я боялся, что помрёт. Вот Лисимах и решил взять нас в плавание. Мне-то и прежде доводилось с ним ходить в море – я у него навроде оруженосца.

Аристон, наш тиран, по приказу Дария оставался у моста через Истр. Следил, чтоб его не разрушили, пока Дарий возится со скифами. Лисимах – его правая рука, и вот Аристон его отправил на триере вслед армии Дария, чтобы быстрее получать новости. Мы побывали в Истрии, потом в Никонии. Когда Дарий подобрался к нему, перебрались в Ольвию. Лисимах узнал, что хотел, мы готовились к отплытию, но он решил прикупить кой-чего на агоре. Но там всем было не до торговли. Обычно у них на оптовом рынке попадаетея немало полезного, но тут склады позакрывались. Всех больше волновало, как бы найти на кораблях свободные места для бегущих людей, чем как заполнить их товаром. Ему не повезло: новых товаров не приобрёл и Иолу потерял.

Таркай усмехнулся:

– С агоры Лисимах вернулся без товаров, – Таркай помрачнел, – зато с Агесархом. Триера сразу отчалила и направилась в Истрию, к Аристону. Как Агесарх оказался в Ольвии, я не знаю – сбежал, наверное, из Аполлонии, когда персы туда подобрались. Иола бросилась на него, я попробовал её оттащить, но Иола успела добраться до Агесарха. У него был нож, так она его вытащила, пырнула Агесарха в брюхо и тут же прыгнула в море. Гребцы не заметили: все бросились к Агесарху на помощь, никто не подумал о рабыне. Только я и видел, как её спасли и втащили на чей-то корабль. Я никому не сказал, даже когда Лисимах чуть не заперол меня до смерти за то, что я не остановил сестру.

– А Агесарх?

– Выжил. Нож слегка его задел. Ругался, хотел вернуться, найти Иолу и убить, но куда там. Лисимах в шутку предложил ему тоже прыгнуть за борт, тогда Агесарх и заткнулся. Лисимах привёз его сюда, поскольку Аполлония сейчас не в лучшем положении.

– Лисимах ему простил смерть твоей матери?

– Она же просто рабыня. А он – родственник, хоть и ублюдок. К тому же, он в смерти Иолы не виноват – он сама его чуть не грохнула. Жаль, не насмерть, – кровожадно оскалился Таркай.

– Я всем сказал, что она утонула. Когда вспомнили о ней после ранения Агесарха, её в воде уже не было. Мне поверили – мы ведь плавать не умеем. Лисимах разозлился на меня, я тебе говорил, зато не очень-то сожалел, что Агесарх ранен. Он сейчас тут, в доме, в себя приходит. Мне достается и от него, и от Лисимаха, и от его жены. Но я выдержу, потому что знаю: моя сестра жива! Благодаря тебе. Простому рабу ничего предложить свободному человеку вроде тебя, но если выпадет мне шанс помочь тебе, я всегда буду на твоей стороне. Всегда!

Слова прозвучали как клятва, настолько торжественно и твёрдо произнёс их Таркай. Чужой раб присягал на верность Леандру! Это было немыслимо, но молодой человек не возразил. Всё равно он уедет, а Таркай останется, и неизвестно, увидятся ли они когда-нибудь. Оба это понимали.

– А я обещаю, что помогу тебе и твоей сестре стать свободными! – Леандр не знал, зачем сказал это – слова вырвались сами.

Через мгновение тряпка, скрывавшая вход, впустила Спартока. Стало видно: на дворе темно. В руках Спарток держал небольшой кувшин с вином и пару кубков. Он налил в них вино, один передал Леандру, а из второго напоил Таркаю. Пора уходить.

– Позаботься о нём, – попросил Леандр Спартока. – Он слишком безрассуден.

– Ты мне это говоришь? – усмехнулся Спарток, но потом добавил: – Он мне как сын. Я за ним пригляжу.

– Мне пора. Прощайте. Мой корабль завтра утром уходит в Элладу. Таркай, я рад, что мы познакомились. Похоже, это судьба, и она на нашей стороне, а значит, мы ещё увидимся. – Ответом был лишь блеск глаз и лёгкая улыбка.

Леандр вышел за дверь, и Спарток проводил его к выходу на улицу. Странное ощущение не оставляло Леандра всю дорогу. Оказавшись в гавани, он понял: Таркай так и не спросил, где живёт Леандр. Он не хотел знать то, что не хотел, чтобы знали другие.

Глава 6. Горькая победа

Приближение лета всюду ощущалось по жаре и буйной растительности. Речки не успели обмелеть, воздух не раскалился от летнего зноя, и Эгина казалась Леандру раем. Оливы, фисташки, миндаль, виноград – чего тут только не росло.

Леандр жил в мире, который казался отчасти нереальным: жизнь здесь отличалась от того, к чему он привык в Таврии. Мореплавание – одна из основ благосостояния Эгины – процветало, и дети с малых лет учились управлять вёслами и парусом. Почти год Леандр постигал эту премудрость под руководством эгинских моряков и особенно сдружился с бывшим учеником Праксидама Калиппом – опытным мореходом, чей сын Ксенокл, ровесник Леандра, готовился к Олимпийским играм среди юношей.

Леандр как никогда ощущал теперь близость культуре эллинов. Свободное от учёбы время он проводил в гимназии и палестре, впервые получив возможность заниматься атлетикой и бегом. Местный оружейник изготовил Леандру доспехи гоплита, и Калипп пристроил его в свой отряд обучаться военной премудрости вместе с сыном. Вечера они часто проводили, говоря обо всём за ужином в компании других моряков, воинов, атлетов, а также молоденьких танцовщиц. Леандр даже научился играть на авлосе⁶, который часто использовался в военных походах. А ещё он познакомился с театром: Калипп свозил его в Афины на Великие Дионисии⁷ – посмотреть необычное для жителя дальних колоний представление, и Леандр был очарован зрелищем. Новый мир стал неотъемлемой частью новой жизни Леандра, и он почти не думал о возвращении домой, хотя скучал по отцу и очень хотел узнать, как там Иола. С приближением лета Леандр подумывал об отъезде, но тут заговорили о грядущих Олимпийских играх, и отъезд был отложен.

В этот день Леандр, Ксенокл и их старшие товарищи пришли на рыночную площадь Эгины, столицы острова. Леандр осмотрелся – его привлекло странное оживление. Народ стекался на агору, где явно происходило нечто интересное. Всё вокруг заполонила толпа, а в центре на выстроенном на скорую руку пьедестале возвышался глашатай-спондофор в венке из оливковых листьев. Внезапно установилась тишина – немыслимая на вечно заполненной народом агоре – и гонец заговорил. Леандр почти не слышал его слов, так как находился слишком далеко, но одна фраза всё же долетела до юного понтийца: «Пусть не будет отныне убийств и преступлений, прекратятся войны и не слышно будет звона оружия». Все внимали глашатаю, радуясь чему-то. Леандр протиснулся поближе к пьедесталу и наконец понял, в чём дело. Через месяц состоятся очередные Олимпийские игры. Леандр мечтал увидеть их с тех пор, как впервые услышал о них на борту судна, увозившего их с отцом в дальние неведомые земли Северного Понта. Для него игры всегда означали связь с другими эллинами, с прежней жизнью отца, он мечтал ощутить единение с народами, чьи предки создали огромный мир, знакомый с детства по рассказам и мифам.

Гонец объявил о начале экехейрии – священного перемирия, во время которого не должно быть места войнам. Нарушение грозило исключением полиса, начавшего войну, из числа участников. Любой, кто хотел посмотреть игры, имел право сделать это свободно и беспрепятственно. Глашатай закончил речь и отправился далее, а люди начали расходиться, переговариваясь и делясь планами. Ксенокл с горящими глазами предвкушал поездку в Элиду.

«Я тоже поеду», – решил Леандр. Не упускать же такой шанс?

---

⁶ Авлос – музыкальный инструмент наподобие флейты или свирели.

⁷ Дионисии – афинский праздник в честь Диониса, бога вина и веселья. Великие Дионисии проводились в марте-апреле, Сельские Дионисии – в ноябре-декабре. Из плясок и гимнов в честь Диониса зародились первые театральные представления.

***

Клеант готовился к Олимпийским играм так, словно от них зависела его жизнь. Даже во сне он без конца бегал по дорожке гимназия: накручивал круг за кругом, не в силах остановиться, а потом просыпался, натянутый как тетива. После долгих месяцев тренировок его выбрали среди других претендентов, разрешив прибыть в Элиду и там готовиться последний месяц.

Стать кандидатом на участие в играх оказалось непросто: пришлось бы убедить власти Спарты позволить ему ехать на игры. Ведь оплата за подготовку к соревнованиям ложилась на плечи государства, а оно не помогает тому, кто не соблюдает его обычаев и традиций.

Поэтому Клеант решил измениться. Раньше он держался особняком, не желая становиться частью воинственной массы, которая жила воспоминаниями о войнах, подготовкой к ним и участием в бесконечных заварушках. Не было в нём безудержного стремления силой оружия утверждать превосходство. Слишком часто он сам испытывал на себе действие чужой силы, не обременённой мыслью.

Однако Клеанту пришлось менять поведение и отношение к окружающим. Чтобы государство не мешало выполнить мечту, приходилось быть его частью и выделяться не за счёт отличия от остальных, а благодаря доблестям, почитаемым в Спарте: смелости, силе, умению выживать, подчиняться приказам старших, быть лидером и терпеть боль. Уроки Ликурга он усвоил давно, но до сих пор не пытался применять на практике. Теперь, решил Клеант, время пришло.

По возрасту Клеант мог принимать участие в Олимпийских играх, пусть и среди юношей-эфебов, а не взрослых. Когда-то именно юные спартанцы завоёвывали многочисленные победы на играх, но те времена давно миновали. Спарта предпочитала готовить воинов, а не атлетов. Желающих, впрочем, это не останавливало.

Поставив цель принять участие в следующих играх, Клеант решительно шёл к ней четыре года. Он каждый день пробегал по тридцать стадий, и самые ярые его недоброжелатели постепенно перестали относиться к нему с презрением. Увы, пришлось отказаться от долихоса – эфебам разрешены только бег на стадий, борьба и кулачный бой, – но, в конце концов, бег есть бег, даже если юношам приходилось бежать не целый стадий, а немного меньше. Бег не ценился в Спарте так, как разные виды борьбы, но победить в этих видах Клеант не мог. Впрочем, борьбой Клеант тоже занимался всерьёз, отдаваясь этому со всей страстью, поскольку атлеты в Олимпии принимали участие во всех видах состязаний. За три года он успел нарастить мышцы и укрепить торс. Благодаря бегу его ноги были подвижны и неутомимы. Соревнования-агоны никогда не обходились без участия Клеанта. Он упрямо и решительно избавлялся от противников, побеждая их или заставляя платить за победу немалую цену. Конечно, ему не победить сильнейших борцов, но он уж точно не посрамит Спарту.

Постепенно взрослые отметили настойчивого юнца и поручили ему руководство отрядом. Вскоре на него начали смотреть снизу вверх те, кто совсем недавно его не замечал. Ему всё чаще говорили: такой сын – гордость для отца.

На занятиях он по-прежнему преуспевал. Впрочем, обучение всему, кроме военного дела, по мере взросления сводилось к минимуму. Умения читать и писать для спартанца более чем достаточно – многие даже имя своё написать едва могли, но не слишком огорчались по этому поводу. Лишь рассказы о победах Спарты и Ликурге, музыка и поэзия Тиртея, прославлявшая образ жизни Спарты, оставались предметом изучения в школе.

Клеант следовал заветам Ликурга, создавшего Спарту. Для успешного военного государства главным были система воспитания, дисциплина и военная организация. Для Клеанта это выражалось в том, что следует быть сильным духом и телом, умелым воином и атлетом, спо-

собным идти вперёд, когда остальные бегут назад. Там, где одни брали мощью тела, он обладал стойкостью и умением анализировать действия противника. Праксидам в Олимпии сказал ему: борьба происходит не только на площадке палестры, но и в головах. Тогда он не понял смысла этих слов, но постепенно пришёл к выводу: умный в состоянии победить сильного, предугадав его действия. Клеант изучал приёмы борьбы, наблюдал за ходом схваток, учился молниеносно реагировать на выпады противников. Там, где не хватало силы, он использовал ловкость, скорость и ум. Клеант и сам удивлялся, как легко он превратился в того, кого называли «настоящий спартанец», стал частью организма, который представляла собой Спарта, живущая по единым установлениям, нормам и законам. Соблюдай их – и всё. Иногда Клеанту казалось: спартанцы даже во сне дышат в едином ритме, где нет места сбоям. Что будет, если нарушить налаженную работу, если отдельные части захотят чего-то, не предусмотренного Ликургом, – эти вопросы Клеанта не волновали. Он не мог изменить в себе только слишком личное отношение к Праксидаму, но Клеант решил: тут нет ничего плохого. Брать пример с олимпийского чемпиона – естественно.

За год до очередных игр Клеант обратился к коллегии пяти эфоров, управлявшей в Спарте почти всеми делами, и получил разрешение на участие в играх. Клеант несколько месяцев усиленно тренировался, чтобы за месяц до начала игр прибыть в Элиду. Отец должен был сопровождать Клеанта, но погиб во время на охоты на медведя.

***

Дождь, редкий гость для начала лета, поливал с неба, размывая засохшую землю. Чёрный плащ, накинутый поверх чёрного же хитона, промок до нитки, но Клеант стоял у свеженасыпанной могилы, глядя, как остатки возлияний – вина и молока – ручейком сбегает с могильного холма вместе с дождевой водой. Несмотря на рыхлую землю, ручей не впитывался в неё, а стекал вниз, прямо в Аид. Ветер разметал прядь волос, срезанную Клеантом с собственной головы и положенную на могилу. Мелькнула крамольная мысль: боги не принимают посмертной жертвы отцу от сына, понимая, насколько чужды эти двое. Для Спарты это было нормально, потому что полагалось считать отцами и почитать как таковых всех мужчин государства, но ведь Клеант в Олимпии видел: бывает иначе. Поэтому он до сих пор стоял под дождём, хотя все остальные давно разошлись, даже близкие друзья отца, которые на плечах принесли к месту погребения кипарисовый гроб.

Клеант пытался понять, сожалеет ли он о смерти отца больше, чем, например, о смерти преподавателя гимнастики. Да, община потеряла отличного воина. Он с честью исполнял обязанности, воспитал много достойных граждан спартанского государства, но то, что он был ещё и отцом его, Клеанта, ничего не значило ни для государства, ни для Клеанта лично. Юноша поднял лицо, и дождь окропил его водой – она стекла по лицу и закапала вниз вместо непролитых слёз.

Клеант снова посмотрел на безымянную могилу – надгробия с именами полагались только погибшим на войне – и мысленно сказал «прощай» мужчине, который подарил ему жизнь, но не имел ни желаний, ни возможности стать её частью. Он равнодушно повернулся и направился к дому. Его ждал месяц тренировок в Элиде, а затем – Олимпийские игры.

***

Элида была небольшим полисом – он относительно недавно из нескольких посёлков стал городом. По прибытии Клеант вместе с тренером и одним из пяти эфоров Спарты – небывалая честь для юного атлета – отправился к гимнасию: рядом с ним располагался глинобитный дом, где ему с товарищами предстояло прожить следующий месяц.

Гимнасий находился у рыночной площади на берегу реки Пеней, чьими водами Геракл когда-то чистил конюшни Авгия. Атлеты прибывали сюда весь день, и к вечеру набралось десятков пять мужчин и юношей. Одним из последних появился юный атлет из Эгины. Помимо отца и тренера его сопровождал Праксидам и какой-то юноша. Стоило Клеанту увидеть знакомую фигуру олимпийского чемпиона, как он замер на месте. Ему хотелось подойти к Праксиду, но он не знал, узнает ли тот его и захочет ли общаться с соперником своего кандидата.

Впрочем, стоял он недолго. Праксиду заметил смотрящего на него Клеанта и сделал шаг ему навстречу. Внешне мальчик изменился: он был теперь эфебом, а эфебам разрешалось отращивать волосы, носить красивую одежду и украшать оружие. Но взгляд его остался прежним: пытливым, оценивающим, пронзительным.

– Приветствую тебя, Клеант, – Праксиду искренне улыбался старому знакомцу.

Клеант поздоровался, сдерживая радость, которая непроизвольно прорывалась в улыбке, резких, неловких движениях и в том, что он с трудом подбирал слова для беседы.

– Как ты жил всё это время? – казалось, Праксиду не замечал неловкости. – Присоединяйся к нам. Это Ксенокл, один из наших борцов. У нас на Эгине вообще хорошая борцовская школа. А ты какой спорт предпочитаешь?

– Бег. Но в борьбе я тоже участвую.

– И в кулачном бою? – вмешался Ксенокл.

– Нет, – с достоинством ответил Клеант. – В кулачном бою спартанцы не участвуют.

– Почему?

– Схватка заканчивается, когда один из атлетов признаёт поражение, а мы не имеем на это права. Это против наших законов.

– Законов? У вас есть законы про спорт?

– Не спорт. Закон запрещает нам сдаваться в принципе, а в спорте ли в бою – неважно. Нас учат бороться до конца, а не искать способ спастись. Мы должны победить или погибнуть, – Клеант, не задумываясь, повторил слова наставников и сам удивился, насколько хорошо врезались они в память.

– Но ведь если ты проиграешь в беге или борьбе, то ты всё равно проиграешь, так какая разница? – гнул своё Ксенокл.

Клеант понимал недоумение Ксенокла: результат ведь один – поражение. Поэтому, кстати, спартанцы нечасто ездили теперь на игры. Прошли те времена, когда их победы были подавляющими, а испытывать горечь поражения никто не любил.

– Разница в том, что мне не придётся признавать себя побеждённым.

– Конечно, ведь за тебя это сделают судьи. В чём разница? В формальностях?

– Формальности для тебя, Ксенокл, поскольку ты воспитан по-другому, – Праксиду внимательно посмотрел на Клеанта. – Но спартанцы, насколько я знаю, не отделяют спорт от военных сражений и считают: человек, привыкший избегать борьбы до последнего вздоха на площадке гимнасия, поступит так и на поле боя. Признать поражение неприемлемо. Верно, Клеант?

– Да. Если в борьбе прижать противника к земле трижды, то ты победил, и все живы, а в кулачном бою, где такого правила нет, я бился бы до смерти – своей или соперника. Стал бы ты участвовать в играх, если бы знал: твой соперник-спартанец убьёт тебя или умрёт сам? – Клеант не любил долго говорить, но он хотел объяснить это не столько мальчишке, сколько Праксиду.

Ксенокл наморщил лоб и промолчал.

– Я стал бы, если бы ставка была высока, – обронил другой юноша, ровесник Клеанта, но чуть ниже его, с короткими жёсткими выгоревшими на солнце волосами, обветренной кожей, ямочкой на подбородке и шелушащимся носом. До сих пор он помалкивал.

– Самые высокие ставки делают те, кто в играх не участвуют, – усмехнулся Клеант. – А какую ставку ты имеешь в виду?

– Возможность быть одним из эллинов.

– А ты разве не эллин?

– Эллин, но я издалека. Мой полис тут никто не знает, и многие думают, будто там одни варвары живут.

– Это Леандр из Каркинитиды в Таврии. Боюсь, в желании стать эллином он скоро забудет родной город, – чуть насмешливо произнёс Праксидам, но Леандр не обиделся. Клеанту показалось: подобные разговоры они вели не раз.

– Я не забуду город, где живёт мой отец. Если понадобится, я ради него умру, но это лишь один маленький город, а тут – целый мир, – горячо возразил Леандр. Он говорил взволнованно, и Клеант с любопытством на него смотрел. В Спарте подобные речи не услышишь, важнее Спарты для спартанца нет ничего.

– Знаешь, Леандр, куда бы я ни ехал, я помню: дом мой на Эгине, – Праксидам нахмурился, но потом улыбнулся: – Однако, в твоём возрасте я тоже хотел стать героем Эллады, хотел поездить всюду, меня, как Одиссея, немало помотало по свету, о чём я не жалею. Благодаря этому я победил, благодаря той победе я познакомился со многими людьми, вот с тобой и Клеантом, например.

Вечером после прогулки Праксидам угостил юношей сладким эгинским вином и спросил Клеанта, кто приехал с ним. Клеант огляделся, разыскивая тренера и эфора, но его спутники проводили время за пределами гимнасия, обсуждая отношения Элиды и Спарты.

Клеант описывал Праксидаму, как прошли четыре года, слушал рассказ Леандра о походе скифов против Дария. Праксидам упомянул и о том, что Гектор с отцом уехали из родного города и сейчас живут возле Афин, в местечке под названием Лепсидрий, где один знатный афинский род – Алкмеониды – копил силы для борьбы с тираном Гиппием. Имена мало говорили Клеанту, но слушал он внимательно, задавая вопросы. Обычно он не был столь разговорчив, но сегодня чувствовал себя как пьяный или пленный, вырвавшийся на свободу. Клеант неохотно ушёл спать и долго возился на козлиной шкуре, расстеленной прямо на земле.

Весь следующий день шли испытания, сначала в беге, потом в борьбе и других видах спорта. К вечеру Клеант так измотался, что заснул, едва коснувшись постели. Но он прошёл!

С этой мыслью он и проснулся на следующее утро, слушая звуки пробуждавшегося города. Он достоин участия в Олимпийских играх! Клеант вспомнил, как поздравил его Праксидам, обняв за плечи и от всей души пожелав успеха на играх. Тренер и эфор сказали, что удовлетворены его подготовкой, и снова ушли обсуждать какие-то дела.

Сегодня предстоял поход к местной агоре. Атлетов и их сопровождающих повели от гимнасия на север. Миновав по дороге могилу, в которой, как с гордостью сообщил один из судей, покоился Ахилл, они вышли к памятнику Оксилу, основателю города. Всех провели в южную часть агоры, где находились жертвенники в честь Зевса. Здесь участники поклялись, что десять месяцев готовились к играм. Отцы, тренеры и другие представители спортсменов выступили вперёд, подтвердив их клятвы. С этого дня для атлетов начинался месяц суровых тренировок.

Наутро Праксидам с Леандром уезжали из Элиды – у Праксидама были дела на Эгине, после чего он собирался в Аттику. Клеант даже себе не хотел признаться, что разочарован отъездом старика. Праксидам долго о чём-то говорил с Ксеноклом. Клеант ничего не слышал, хотя не сводил с них глаз, забыв попрощаться с сопровождающими. Но они его не забыли: эфор по имени Этеолк подошёл к подопечному и выразил уверенность, что Спарта не зря потратила время на его подготовку и поездку сюда.

– Мы все верим в тебя, Клеант, – Этеолк старался быть кратким, поскольку в Спарте его ждали более важные дела, – сделай всё ради победы, и твои желания сбудутся.

Клеант кивнул. В детстве он хотел стать чемпионом, чтобы его оставили с покое. Он и теперь хотел победить, но не из-за того, о чём мечтал в детстве.

– Я не уроню честь Спарты, – заверил он эфора, и тот, довольно кивнув на прощанье, ушёл.

Клеант тут же оглянулся и увидел: Праксидам стоит неподалёку. Ксенокла уже не было, и они остались вдвоём на почти пустынной улице.

Клеант подошёл к бывшему борцу, в который раз поражаясь тому, как много силы и здоровья сохранилось в нём, несмотря на возраст. Ему захотелось лет через сорок быть в такой же форме.

– Я приеду на игры, Клеант, – видя нерешительность Клеанта, заверил юношу Праксидам. – Я был уверен, что увижу тебя среди участников, поэтому и приехал.

– Я думал – из-за Ксенокла.

– Я не его тренер, знаешь ли, ведь я не единственный борец на Эгине. У нас отличная школа, хотя она пока только развивается. Много молодых атлетов, – он улыбнулся, глядя, как кривится Клеант.

– Придёт время, и наши молодцы себя покажут. А пока... Ксенокл хороший парень, но в нём больше энтузиазма, чем умения. Ты и сам увидишь.

Клеант хмыкнул. Праксидам продолжил:

– Надеюсь, вы с Ксеноклом подружитесь. Эгина и Спарта – союзники, постарайтесь укрепить этот союз. Я бы очень этого хотел.

Праксидам слегка наклонился и коротко обнял Клеанта.

– Увидимся через месяц в Олимпии. Я обязательно приеду посмотреть на тебя. И не огорчайся, если не выиграешь, ведь тогда будет к чему стремиться дальше. Прощай, Клеант, я рад, что наши пути пересеклись именно в Олимпии. Говорят, те, кто становятся друзьями в том священном месте, остаются ими навсегда. Ну да ладно, мы ещё поговорим об этом и о многом другом, а пока тебе не до моих советов. Удачи!

– Увидимся через месяц... – послушно повторил Клеант и посмотрел прямо в глаза Праксидама: – Я горжусь знакомством с вами... – Обычно он выражался кратко и метко, как и положено спартанцу, но в присутствии чемпиона с Эгины Клеант терялся. Праксидам – из другого мира, спартанские законы его не касались. Ни один спартанец не отнёсся бы так к мальчишке из чужого полиса, да что там чужого – своего тоже. Раскованность и непринуждённость, готовность делиться мыслями, поддержать, помочь были необычны для суровой Спарты.

Разговор прервал Леандр, который простился с новым знакомым и быстро исчез. Праксидам неторопливо зашагал следом, и складки его шерстяного плаща, обёрнутого вокруг тела, колыхались в такт ходьбе. Клеант сглотнул горький комок и смотрел старику вслед, пока пыль и расстояние не скрыли его из вида. Он много не успел рассказать Праксидаму, даже о смерти отца не сообщил, но у них будет время, ведь эгинец обещал, что они увидятся через месяц.

***

Месяц подготовки подходил к концу, и напряжение среди атлетов в гимнасии Элиды росло с каждым днём. Всех лихорадило, схватки на площадке ужесточались, словно бойцы пытались заранее выбить соперников из числа участников.

Было две группы атлетов: молодые юноши вроде Клеанта и Ксенокла, у которых ещё не росла борода, и куда более многочисленная группа взрослых спортсменов. Больше всего Клеант любил смотреть, как соревнуются бегуны на стадий, отмечая особенности бега. Ему особенно нравился Фанас из Пеллены, что находится в Ахайе, на самом севере Пелопоннеса. Он одинаково быстро бегал на стадий и два стадия, любил и бег в полном вооружении гоплита: его щит с изображением богини Деметры всегда оказывался впереди, победно сверкая медью.

Вообще, среди атлетов были представители самых разных мест: Коринфа, Кротона, Дельфа, Афин, Фив, островов Самос и Родос и многих других. Каждый любил порассказать вечерами о своей родине, о происходящих там событиях. Говорили, Милон, многократный победитель игр, тоже придет, как и Тимасифей – победитель прошлых игр в панкратии.

Клеант слегка наклонился, выравнивая дыхание после бега. Выпрямившись, он откинул назад отросшие волосы. Прошло то время, когда их приходилось сбривать наголо, но и ухаживать за ними он до сих пор не научился. Ему было не до красоты, хотя спартанцы, при всей неприхотливости, не одобряли неряшливости.

Клеант только что победил всех соперников в беге на стадий на последних испытаниях перед окончательным решением судей. Впереди состязания в борьбе, но он был уверен, что не будет выглядеть слабаком на фоне остальных. Клеант пригладил волосы и пошёл передохнуть перед следующим агоном.

К вечеру всё кончилось. Получилось, как планировал Клеант. Судьи дали ему разрешение участвовать в Олимпийских играх! От истощения он не сразу это осознал, но потом радость переполнила его, и торжествующая улыбка появилась на перепачканном песком лице. Казалось, победа в Олимпии у него в руках!

После соревнований Клеант долго отскребал песок и жир с тела, вода бронзовым стригилем⁸ по коже, а потом умывался прохладной водой, уставший, но почти умиротворённый. Остальные занимались тем же, забыв на время о тяжёлых тренировках. Несмотря на усталость, ночью все долго не могли заснуть, мечтая ознаменовать этот год олимпийским венком. Затем последовал пеший переход в триста стадий до Олимпии, мимо поселений Летрины и Пиргос, где каждые четыре года проходили новые участники. Полные надежд и сил, по пути они приносили жертвы богам, умоляя их помочь претворить надежды в жизнь.

Олимпия не изменилась за четыре года. Так же зеленел Кронос, пестрели бесконечные палатки, шумели торговцы и зрители. Атлеты разместились в постройке возле гимнасия. Клеант в тот же день приступил к тренировкам. Впрочем, не он один – все хотели быть на пике возможностей. На этот раз зрители заворожённо смотрели уже на Клеанта. Выяснилось, что в Олимпийских играх и впрямь участвуют Милон и Тимасифей – чемпионы прошлых игр. Это придавало сил Клеанту и помогало собраться, чтобы не ударить в грязь лицом.

Как оказалось, Гектор тоже приехал. После тренировки он подошёл к Клеанту, поздравил его с участием в играх и пожелал победы, но не было в нём прежней весёлости, жизнерадостности, удовольствия от новых впечатлений. Клеант слышал от Праксидама о гибели матери Гектора, но не знал, как выразить другу то, чего никогда не испытывал сам.

– Мой отец тоже умер, и у меня никого не осталось, – неловко выдавил Клеант. – А отчего она умерла?

– Её убили, – эту фразу Гектор произносил часто, но она по-прежнему вызывала боль. Гектор сглотнул и продолжил: – Не знаю, кто, но обязательно найду того ублюдка. – Он помолчал: – Давай не будем об этом. И мне правда жаль твоего отца. Если бы мой...

– А где Прокл? – Клеант решил сменить тему, не желая показывать истинного отношения к своему отцу.

– Ушёл куда-то. Ты слышал про убийство Гиппарха?

– Да, немного, – рассказ Праксидама тут же всплыл в памяти.

– Он был убит пару лет назад, в тот же день, когда и моя мама, и после этого мы уехали из Афин. Живём теперь в небольшом посёлке. Похоже, скоро что-то начнётся. Там у нас есть такой Клисфен – так он собирает сторонников, и отец тоже решил присоединиться к нему.

---

⁸ Стригиль – скребок, небольшой металлический инструмент с изогнутым лезвием и согнутой почти вдвое ручкой, служивший для очищения тела спортсмена от грязи после соревнований или тренировок.

– Кто такой Клисфен? – Клеант спросил скорее из желания отвлечься от разговора на тему смерти.

– Он из одного знатного и богатого рода Алкмеонидов. Мой дедушка, мамин папа, тоже из Алкмеонидов, хотя он не был богат. Выходит, Клисфен мой очень дальний родственник. Кстати, их родоначальник Алкмеон побеждал здесь в Олимпии в гонке тетрипп. Правда, давно это было. Отец говорит, Клисфен мечтает о славе если не олимпийского победителя, то хоть бы победителя тирании. А по мне пусть мечтает, о чём хочет, лишь бы помог в войне с Гиппием. Лишние друзья не помешают. – Гектор повертел головой и добавил: – Клисфен, кстати, тоже приехал на праздник.

– Искать в мирной Олимпии союзников для войны? – ехидно спросил Клеант. – Самое место. Одни объявляют мир, другие втихаря готовят войну.

– Да ладно тебе, мы с отцом в Афины не вернёмся, пока Гиппия не прогонят или не убьют. Тиран после убийства брата совсем чокнулся. Все, кто его знают, так говорят. А отец считает, что это от страха перед новым заговором.

«Бремя власти, полученное от отца, оказалось опасным даром. Но Гиппий отдавать его не собирается» – таковы были слова Прокла.

– Из Афин многие поуждали, а мне надо вернуться – как иначе найти мамино убицу? А я его найду, клянусь! – Гектор злился, что его заставили уехать.

– А твой отец? Он разве не хочет найти убицу?

– Я его не понимаю. Сначала думал, он не хочет терять привычную жизнь, но теперь мне кажется, он нацелился на большее. Он решил присоединиться к Клисфену и убрать Гиппия, хотя никогда раньше его не ругал.

– Может, он считает, что Гиппий имеет отношение к смерти твоей матери?

Предположение Клеанта не слишком удивило Гектора.

– Есть одна странная вещь – маму убили кинжалом, который я видел у телохранителя Гиппия. Если он убил, то почему? В любом случае я хочу вернуться в Афины, и если надо помочь Клисфену, я это сделаю! А ещё отец говорил, что у Клисфена какие-то дела с дельфийским оракулом. Клисфену даже поручили восстанавливать сгоревший давным-давно храм Аполлона.

– Я слышал, Дельфы – богатое место. Наши часто туда ездят. Значит, ваш Клисфен тоже решил счастья попытать? Повезло – храм славится на всю Элладу, восстанавливать его будут долго и дорого. Ну, и как тебе на новом месте?

– Да так себе. Народу там полно, и все мечтают оттуда поскорее перебраться в Афины. – Гектор внезапно улыбнулся, заметив кого-то, и замахал рукой: – Леандр, иди к нам! Знакомьтесь, Клеант из Спарты, а это Леандр из Каркинитиды в Северном Понте.

– Мы знакомы, – Леандр вертел головой, не до конца освоившись в Олимпии.

– Мы говорили о Дельфах – ты был там? – спросил Гектор Леандра.

– Нет, но слышал. Это ведь святилище Аполлона, где оракул находится и предсказания делает? Мне говорили, туда за пророчествами едут со всех концов эллинского мира, так же как со всей Ионии люди собираются к оракулу храма Аполлона Дидимского у Милета.

– Точно. Все любят знать, чем кончится то, что даже не началось, – хмыкнул Клеант.

– А в Спарте разве не обращаются к оракулу? – спросил Гектор.

– Да, спартанцы ездят в Дельфы или сюда, в Олимпию, где тоже есть оракул, правда, Зевса, а не Аполлона. Ты был в Дельфах?

– Нет, но знаешь, – обратился Гектор к Клеанту, – мы ездили на Херсонес Фракийский...

– Это где?

– Где пролив Геллеспонт, ну тот, что ведёт из нашего Эгейского моря в Понт. А там, представь, я встретил Праксидама – помнишь его? – Клеант слегка вздрогнул, но Гектор не обра-

тил внимания: – Вот он нас и познакомил с Леандром. Там я встретил Мильтиада, местного правителя, и он тоже мне понравился, куда больше, чем Клисфен.

Мильтиад, как и Клисфен, Клеанта не интересовал, зато весть о Праксидаме он не пропустил, поэтому прервал восторги Гектора:

– Что там делал Праксидам?

– У них с отцом Леандра какие-то торговые дела. Чем вы торгуете, хлебом?

– Да, – коротко ответил Леандр. – Зерно поставляем на Эгину.

Тут Клеант не выдержал:

– А где он сам? Он обещал приехать к ученику.

– Да, к Ксеноклу, – кивнул Леандр. – Но и с тобой он тоже хотел увидеться. Когда он из Элиды вернулся, то сказал, что ты можешь стать чемпионом. Он тебя, похоже, уважает. У него ведь учеников хватает, но он о тебе очень хорошо отзывался. Праксидам просил тебе и Ксеноклу передать, что скоро будет. Несколько дней назад он по делам поехал в Аттику. Сказал, в Олимпию приедет прямо оттуда. Я думал, он здесь, ведь соревнования начнутся завтра?

– Завтрашний день посвящён жертвоприношениям и клятвам. Соревнования послезавтра. Ты тут впервые?

– Да, всё так необычно. У нас почти не проводят соревнований, тем более таких. Покажете, что где?

Троица и незаметно присоединившийся к ней Ксенокл направилась к воротам Альтиса, повторяя путь, которым Праксидам четыре года назад вёл Клеанта с Гектором.

***

Торжество переполняло Клеанта, когда он в составе процессии на следующий день возносил мольбу богам, и то же чувство он испытал, когда обогнал всех эфебов в беге на укороченный стадион и первым пересёк заветную линию. Но когда весь стадион приветствовал его, Клеанта, он понял: победа не принесла ничего, кроме горечи. Он хотел, чтобы за него порадовался Праксидам, но тот так и не приехал. Соревнования начались с рассветом, и Клеант до конца надеялся, что эгинец успеет, однако когда вечером Леандр с Гектором налетели на него с поздравлениями, Клеант понял: Праксидама нет. И не будет.

После соревнований Калипп, отец Ксенокла, сообщил: Праксидам и несколько его соотечественников погибли при нападении афинян на их корабль. Новость принёс один из эгинцев – он единственный выжил в стычке.

Клеант впервые услышал, что Эгина и Афины – давние враги, что между ними идёт постоянное соперничество за торговые пути в Эгейском море, за влияние на соседние полисы, что для Клеанта сейчас не имело никакого смысла. Важно лишь, что кучка афинских ублюдков напала на судно Эгины в то время, когда военные действия запрещены. Афиняне заявили, что не отвечают за всех пиратов, но многие, особенно эгинцы, хмурились, поглядывая на пришельцев из Аттики.

Весёлый пир после соревнований не принёс Клеанту радости. Даже Милон из Кротона, который в седьмой раз участвовал в играх и уступил схватку соотечественнику Тимасифею, не выглядел таким расстроенным. За вечер Клеант успел искусать себе губы до крови, с трудом отбиваясь от настойчивых поклонников. Этеолк поздравил Клеанта с победой и пообещал, что государство непременно его вознаградит. Мрачный Леандр ушёл в себя, Гектор был скорее задумчив: после гибели матери потери не вызывали у него сильных эмоций.

Незаметно выбравшись из толпы, Клеант пошёл в темноту, мимо гимнасия, туда, где слышалось тихое журчание Кладея. Юноша нагнулся над водой и сполоснул лицо. Лучше не стало, и он лёг на живот, погрузив лицо в воду. Через несколько мгновений он отфыркивался, с тру-

дом восстанавливая дыхание. Глаза жгло, губы болели, стиснутые зубы ныли от напряжения, ногти впивались в сжатые ладони, а сил подняться не было. Клеант перевернулся на спину и уставился в небо, где давно сияли звёзды, а лунный диск мягко светился, расплываясь перед глазами. Слезы текли по лицу, смешиваясь с оставшейся на коже водой Кладея, но Клеант не замечал их. Завтра чествование – он получит оливковый венок из рук агонифета, а потом его ждёт торжественная встреча в Спарте, но мысль об этом вызывала лишь раздражение. Он, конечно, выдержит, будет вести себя, как чемпион, ведь Праксидам так хотел этой победы, и пусть душа его радуется, но сам Клеант не испытывал ничего, кроме боли. Теперь он понял значение слова «потеря».

Леандр видел, как Клеант ушёл, но решил ему не мешать. Только сейчас он осознал, насколько тяжёлой оказалась смерть Праксидама для Клеанта. Он и сам чувствовал нечто подобное, ведь за последний год Праксидам так прочно вошёл в его жизнь, многому научил. Он погиб в то время, которое боги определили как время мира, и это усиливало ощущение нереальности и абсурдности происходящего.

Олимпийские игры – всеобщий праздник, но он обернулся трагедией по крайней мере для нескольких человек. Гектор весь вечер вспоминал прошлые игры, когда его мать была жива, а жизнь казалась простой и весёлой. Клеант не знал, куда деваться от славы после того, как узнал о смерти Праксидама. Леандр заметил: спартанец, не отдавая себе отчёта, сторонился Гектора – представителя тех самых Афин, чьи граждане напали на корабль Эгины. Он надеялся, что Клеант преодолеет своё горе и не ожесточится.

Леандр решил заехать на Эгину и отдать последние почести Праксидаму, а оттуда плыть в Каркинитиду. Он соскучился по отцу, хотел порадовать Иолу рассказом о её брате и их странных взаимоотношениях. Завтра начинается его путь домой, и вернётся ли он в Элладу – кто знает. Но он никогда не забудет эмоций, которые охватили его здесь, в Олимпии. Свобода, лёгкость, сопричастность великому событию, радость в первые два дня, не омрачённые смертью друга, заставили Леандра задуматься о своей судьбе. Он жаждал снова оказаться среди этих людей, показать, на что способен. Но он знал также: линия судьбы не известна никому, и Леандр сомневался, что даже дельфийский оракул сумеет её предсказать.

Глава 7. Криптия

– Неужели мы и без Спарты не выбросим Гиппия из Афин? – Прокл не скрывал раздражения: – Звать чужаков на нашу землю – не слишком ли большая цена за победу? Неужели нам не хватит поддержки Дельф?

– А что ты хочешь? – не выдержал Клисфен. – Чтобы мы так и сидели в Дельфах, ничего не делаю? Посмотри, какое Гиппий выстроил себе убежище на холме Мунихий в Пирее. Кроме того, он отправил послов в Персию. Дарий после бесславного возвращения от скифов мечтает о какой-нибудь победе. Он заставил македонского царя признать свою власть! Тот даже согласился дочь Гигею выдать за этого перса... как его там – Бубара, вроде. Правда, македонцы утверждают, что убили семерых персидских послов, а замужество – лишь стратегический ход, но ход этот, похоже, привёл их волку в пасть. Теперь Бубар распоряжается в Македонии, а царь Македонии Аминта с сыном Александром – одно название, что цари. Нельзя терять время, Прокл! Нам и так туго пришлось после боя у Лепсидрия, когда Гиппий напал на нас всей армией. Сколько достойных людей мы там потеряли – вспомнить страшно! Да ты ведь сам чуть не погиб! Нам повезло, удалось унести оттуда ноги! И ещё больше нам повезёт, если Дельфы нас поддержат. Тогда спартанцы обязательно нам помогут.

– Ты так уверен, что оракул выскажется в нашу пользу? Ты подкупил его, что ли?

– Не будь наивным, Прокл. Жрецы Дельф заинтересованы в нас и не станут мешать. Мы ведь получили подряд на строительство их храма Аполлона.

– Строительство пока не началось, хотя давно пора. Ты вообще собираешься восстанавливать храм?

– Разумеется. Иначе нельзя. Мы восстановим храм, но когда будет нужно нам.

– Тебе, то есть?

– Не понимаю, чем ты недоволен? Ты ведь сам пришёл ко мне.

– Я пришёл бороться с Гиппием, а ты готов ввергнуть всю Аттику в войну со Спартой.

– Они будут нашими союзниками.

– Никогда! Спартанцы всегда живут своими интересами. Они придут сюда, если их интересы потянутся в нашу сторону!

– Успокойся, я знаю, что делаю. – Клисфен резко повернулся, и Гектор отпрянул от окна, через которое прекрасно слышал весь разговор. Не то, чтобы он собирался подслушивать, но бездействие сводило его с ума. Отец мрачнел с каждым днём, и это беспокоило Гектора. Что-то определённо готовилось.

Судя по разговору, предстояло жаркое время, раз отец так горячится. Гектор неторопливо побрёл по безлюдной дороге, ведущей к святилищу Аполлона. Горная гряда Парнас уходила вверх, а на склоне одной из гор, во много раз превышавшей высоту Кроноса, в несколько ярусов поднимался Дельфийский комплекс. Сюда стекались отовсюду спросить о будущем, выяснить, какой союз лучше заключить, как получить выгоду в деловом предприятии, стоит ли начинать войну. Центром Дельф являлся Дельфийский храм, посвящённый Аполлону, покровителю искусств, спорта и Дельф. В храме, недоступная для постороннего взора, сидела пифия и вещала пророчества. Понять, о чём она вещает, не дано было никому, помимо оракула – жреца храма. Он-то и передавал волю Аполлона тому, кто пришёл узнать ответ божества на тот или иной вопрос.

Храм Аполлона, выстроенный когда-то Трофинием и Агамидом, сгорел почти сорок лет назад. Новый храм начали возводить поблизости – пожар пожаром, но должно же у оракула быть место под солнцем, – однако строительство продвинулось недалеко. Работы оказались дорогими, и деньги пришлось собирать со всех концов эллинского мира. Дельфы повсюду искали средства на перестройку храма, а когда их собрали, Клисфен убедил амфикионов –

представителей государств, которые занимались делами святилища в Дельфах, – что выстроит новое сооружение, не превышая установленной цены. Клисфен получил подряд на работы и колоссальную сумму в триста талантов, и теперь обязан был начать строительство. Знакомый Клисфена, архитектор Спинфар из Коринфа, по его просьбе согласился осмотреть руины храма, чтобы предложить план и смету работ.

Сами работы пока не начались и, судя по всему, начинаться не собирались. Гектор задрал голову и разыскал на склоне остатки храма – немногие сохранившиеся колонны и стены, выстроенные из камня на века, но не простоявшие и нескольких десятилетий. Интересно, когда-нибудь он увидит храм во всём его великолепии? Станет ли храм вновь тем местом, где возносят хвалу Аполлону, а не вспоминают о том, что всё смертно, даже камень?

Солнце заливало парнасский склон, безжалостно обдавая жаром Дельфийское святилище. Внизу располагался ярус с сокровищницами, подобными олимпийским, затем шла площадка с остатками храма Аполлона. Выше по склону, невидимый снизу, прятался за соснами и кипарисами стадион. Здесь каждые четыре года проходили Пифийские игры – на них, в отличие от Олимпийских, победителю вручался лавровый венок, а не оливковый. До ближайших игр ещё больше года.

Гектор, напоследок кинув взгляд на панораму Дельфийского святилища, отправился обратно в деревушку, где остановились они с Проклом. Честно говоря, он не понимал, почему отец против участия спартанцев. Какая разница, кто поможет расправиться с Гиппием, – ведь он главный враг, а не Спарта? Гектор был согласен с Клисфеном: любая цена не казалась ему большой, и он не понимал, как отец этого не видит. Хорошо хоть Клисфен достаточно ненавидит Гиппия. Интересно, оракул и впрямь их поддержит? Неужели Клисфен способен предвидеть будущее?

Очевидно, Клисфен мог: его предсказание сбылось. Пифия изрекла: спартанцы обязаны помочь афинянам освободить город от тирана. Спартанцы, у которых были неплохие отношения с Гиппием, не обрадовались прорицанию. Раз за разом они пытались иначе истолковать речения пифии – никогда Дельфы не видели столько спартанцев за такой короткий срок, – но когда пророчество повторилось снова и снова, спартанцы признали: воля богов есть высший закон, и поклялись его выполнить. Клисфен не скрывал радости и постоянно обсуждал со жрецами какие-то вопросы – наверное, старался, чтобы они не забыли сделанного предсказания. Подготовка к походу на Афины заняла немного времени: спартанцы к войне были готовы всегда. Войско во главе с Анхимолием поплывёт на кораблях до гавани Афин, высадится и займёт Афины. Всё казалось простым и понятным.

***

Высадка в гавани Фалерон прошла удачно. Спартанцы направлялись к Афинам, когда дорогу им преградила конница. Никто не предполагал, что Гиппий успеет вызвать её аж из самой Фессалии. В придачу к коннице на равнину высыпала армия афинян, перекрывая доступ в город. Спартанцы ничего не могли противопоставить атаке фессалийцев во главе с известным воином Кинеем. Обезглавленные гибелью Анхимолия, они отступили. Возвращение в Спарту получилось бесславым, хотя потери говорили о жестокой битве.

Клеант, узнав о неудаче, раздражённо фыркнул, но никто не заметил, как известный всей Спарте чемпион выражает негодование экспедицией Анхимолия. Он сам мечтал поучаствовать в ней, но получил отказ.

После победы в Олимпии Клеанта встретили как триумфатора, на обеде в его честь собрались самые именитые люди Спарты, включая обоих царей и пятерых эфоров. Победа подразумевала также, что Клеант имел право идти на войну, находясь впереди войска, рядом с царями. Однако этой-то возможности его лишили, поскольку, как ни была велика победа, она

не добавила ему возраста. Клеанту оставалось несколько месяцев, чтобы закончить обучение и стать полноправным гражданином Спарты. Таков закон, один для всех.

Сначала Клеант злился, пытался найти способ обойти закон, но получил лишь снисходительные пожелания подождать чуток. Пришлось смириться. Клеант неистово тренировался – даже при подготовке к Олимпийским играм он не изводил себя до такой степени. Опытные наставники восхищались стойкостью и выдержкой юного чемпиона, который не собирался почивать на лаврах, а стремился по-настоящему обрести себя в воинских традициях. Его всячески хвалили и поддерживали, лучшие бойцы Спарты давали ему уроки лично, не гнушаясь сражаться с ним на равных.

Раньше Клеант не задумывался, как будет воевать. Он знал, что выполнит долг. Теперь это не просто долг. При отъезде из Олимпии Клеант так и не попрощался с Гектором. При взгляде на молодого представителя Афин его передёргивало – ведь именно афиняне убили Праксидама. Тогда чувство заглушалось болью от потери, но за прошедшие два года боль утихла, и на первый план вышла ненависть – страстная и безжалостная. Детские любопытство и интерес к афинянам сменились желанием расквитаться с соотечественниками тех, кто имел отношение к нападению на корабль эгинцев.

Меж тем подготовка к новому походу шла полным ходом. Если раньше Спарта не жаждала воевать с Гиппием, то теперь и пифия была не нужна: все хотели отомстить за поражение и смерть Анхимолия. Кстати вспомнилось: Гиппий – союзник Аргоса, вечного врага Спарты. Оба спартанских царя, Демарат и Клеомен, нашли общий язык и согласились возглавить новый поход на Афины.

После победы в Олимпии для Клеанта настали нелёгкие времена. Обрушившаяся на него слава не только не радовала, но даже злила. Воспоминания переполняли его, и порой Клеант проклинал свою отличную память. Он плохо спал и часто спускал раздражение на товарищах по отряду. Те не возражали, признавая право Клеанта на такое поведение и не обращая внимания, что он становится всё более непримиримым, стремится победить любой ценой. Несмотря на постоянное общение с другими юношами и взрослыми спартанцами, он научился скрывать чувства от посторонних, отгораживаясь от их назойливого присутствия напускным равнодушием или весёлостью. Пусть себе бродят вокруг, лишь бы не лезли в душу.

В душе Клеант мечтал о мести, и он не мог её свершить, потому что недостаточно взрослый! Это угнетало и бесило, и Клеант считал дни до последнего испытания на зрелость – криптии. Он бы с радостью заменил его участием в войне с афинянами. Клеант недовольно прислушался к возгласам за окном – спартанские воины прощались с родными и шутили над новичками. Ржание лошадей, рёв жертвенных быков и щёлканье кнутов горячили кровь, вызывая жгучую зависть.

– Клеант, идём, войско отправляется в Афины, не хочешь нас проводить? – в дверь просторной казармы просунулся довольный Каллител, единственный друг и одновременно наставник Клеанта. Ему было уже двадцать восемь, и он имел полное право идти на войну. Клеант буркнул что-то, но Каллител лишь слегка усмехнулся, привычный к такому поведению младшего друга.

– Пошли, брось злиться. Хватит на твою долю войн. Скоро криптии...

– Гоняться по лесам за беззащитными илотами – разве это война?

– Поосторожнее. Все эфоры, когда начинается срок их службы, приносят не только клятву верности Спарте, но и объявляют войну илотам. Это война, не сомневайся. – Каллител посерьёзней: – Ты ведь знаешь, чего нам стоило завоевать Мессению. Её жители спят и видят, как от нас избавиться. Кабы не постоянная готовность к войне, нас бы давно перебили. Так уже случилось много лет назад, когда мессенцы восстали, и всё повторится, если мы расслабимся и перестанем относиться к ним, как к противнику. Пусть нет доблести в том, чтобы убивать

рабов, но это необходимо: они живут в нашей стране и работают на нашей земле. Они близко, в отличие от тех же Афин.

– Я бы предпочёл воевать с афинянами.

Клеант не рассказывал о Праксидаме никому. Для него это была месть за одного человека, а не борьба во славу государства, но пусть Каллител и остальные считают его ненависть к афинянам проявлением воинского духа.

– У тебя ещё будет шанс, а пока пожелай мне удачи.

– Желая тебе встретить следующий месяц на вершине акрополя Афин.

– А что у них за акрополь?

– Укреплённая скала. Сердце Афин.

– Вечно ты всё знаешь. Может, знаешь, как его захватить?

– «Доблесть, выучка, храбрость помогут вам в победе», – процитировал Клеант старого учителя. – «Не думайте о смерти, и вам никто не страшен». Помнишь?

– Эти уроки мы до гроба не забудем.

– Вот и применяй их – учитель он был так себе, но воевать умел. – Каллител едва не рассмеялся, и друзья заторопились к месту сбора войска.

***

Тишина стояла такая, что дыхание оглушало. Клеант, укрытый темнотой и деревом, пытался разглядеть во мраке хоть какое-нибудь движение. Он ждал, терпеливо снося ночную прохладу и урчание пустого желудка. Голод, впрочем, мало беспокоил спартанца. У него есть задание – выполнив его, он получит права гражданина и сможет участвовать в военных походах. Правда, занимать государственные должности разрешается только с тридцати лет, но к власти Клеант не стремился. Публичность не пугала его, но отталкивала необходимостью общения с огромным количеством разных людей. Ему и так почти не удавалось найти уединение: его вечно о чём-то спрашивали, искали совета или пытались его дать. Зато сейчас он один.

Ночь вступила в свои права, и его ждала охота. Уже несколько дней Клеант вёл ночной образ жизни: днём находил укромное местечко в тени и засыпал, а к вечеру начинал осматривать окрестности, выискивая добычу.

Их было много – юных спартанцев, кому почти стукнуло двадцать, и им предстояло последнее задание: доказать, что они способны убивать людей.

Испокон веку в Спарте существовал обычай: под конец учёбы все юноши участвовали в криптиях. Они охотились по ночам на рабов, устраивали на них засады и убивали. Так юные спартанцы показывали навыки, смелость, смекалку и заодно уменьшали поголовье рабов, большинство которых были жителями Мессении – когда-то свободной и сильной страны. Рабы – их называли илотами – жили и работали на огромной территории, завоёванной Спартой в тяжёлых боях.

Убийство илотов не являлось регулярным. Государство по-своему заботилось о них: издавало законы, не позволяя гражданам заниматься самоуправством, собирать налог свыше положенного по закону и уничтожать государственную собственность. Но чтобы держать в узде огромную массу работников, государство использовало криптии – обычно раз в год. Устрашение, демонстрация силы, опыт для молодёжи – для этого они и проводились. Впрочем, многие взрослые спартанцы не упускали шанса поразвлечься: это помогало поддерживать форму между войнами.

Ради криптии Клеант отправился в Мессению. Конечно, илотов хватало в Спарте, но чемпион должен совершить что-то особенное. Каллител как-то похвастался наделом в Мессении, где, правда, почти не бывал, и Клеант вспомнил: там находится и его собственный участок –

наследство отца. Он получит его после того, как станет полноправным гражданином. Туда он решил отправиться.

Клеант прислушался, выделяя несвойственные ночи звуки. Дорога в деревню, где жили илоты, недалеко, и он надеялся: сегодня ему повезёт с жертвой. Он две ночи шатался по лесу, но пока встретил лишь несколько больших групп мессенцев.

Послышался тихий говор, и Клеант насторожился: судя по всему, на этот раз по дороге шли двое, причём один голос явно принадлежал девушке. Убивать женщин Клеант не соби-рался, но затем он различил другой – мужской – голос, и резко выпрямился, прислушиваясь.

– Говорят, многие спартанцы уехали в поход против афинян. Ты что-нибудь слышал, Лик?

– Да, так и есть. Свергать тиранов в Афинах, – в голосе Лика отчётливо звучала издёвка.

– Значит, надолго?

– Надеешься, это нас спасёт? Войны приходят и уходят, а мы как были рабами, так и остаёмся. И всё же война может сослужить нам отличную службу. Если мы все соберёмся и ударим по собственным тиранам, то сумеем вырвать нашу землю из их рук. Ты понимаешь, Леония? Пришла пора! В последний раз мы воевали со Спартой так давно, что они вряд ли считают нас серьёзной угрозой.

– Так вот к чему ваши собрания? Хотите поднять восстание? – голос девушки дрогнул, но она взяла себя в руки. – Думаешь, у вас хватит сил?

– Не знаю, но дальше терпеть нельзя. Вчера погиб мой друг – похоже, открылся очередной охотничий сезон. Нас бьют, как зайцев, а мы молчим. Хватит! – Лик почти кричал, и Клеанту не приходилось напрягать слух, чтобы разобрать слова. А слова заставили его похолодеть. Восстание илотов! Рабы собирались ударить, пока боеспособные жители Спарты в военном походе. Необходимо действовать! Лик и Леония ушли вперёд, и Клеант торопливо, но осторожно, пошёл следом. Пара шла, не оглядываясь, что было на руку молодому спартанцу. Он выскользнул на дорогу и тенью последовал за ними. Приученный ходить неслышно, Клеант лишь молился, чтобы под ноги не попала какая-нибудь хрупкая ветка. Юноша вынул кинжал и бегом преодолел оставшиеся несколько шагов. Лик не ожидал опасности, но успел почувствовать, как чья-то рука хватает его за горло. Внезапный удар в спину он уже не ощутил: смерть была мгновенной.

– Лик! – вопль Леонии разнёсся в ночи, и она бросилась к упавшему рабу. – Лик!

Клеант отпрянул, раздумывая, не убить ли и её.

– Ты убил моего брата! – Леония подняла взгляд, полный ненависти и боли, и Клеант вспомнил, как сам испытывал то же самое, когда услышал о смерти Праксидама. Он отступил на шаг и опустил кинжал. Девушка порывисто встала, и Клеант решил, что она вот-вот бросится на него. Он быстро шагнул к ней, схватил за волосы и приставил кинжал к горлу.

– Будешь орать – тебе конец, – прошипел он, зная, что вряд ли решится убить её сейчас. – Хочешь похоронить брата, а не лечь в могилу вместе с ним, слушай меня! Ты мне не нужна. Сейчас я уйду. Попытаешься напасть – я в долгу не останусь. Ни одна рабыня не поднимет на меня руку, понятно? Похоже, твой хозяин не научил тебя повиноваться, ну так я это исправлю. Ясно?

Леония медленно кивнула, коснувшись клинка подбородком. Клеант не ощущал её страха.

– Прекрасно, – Клеант говорил шёпотом. – Я ухожу. Но не советую радоваться, скоро мы встретимся. – И он исчез в темноте, уверенный, что больше не увидит Леонии.

В лесу Клеант вдруг понял: его взбудоражило не только убийство, но и странное волнение, которое возникло, когда он коснулся обнажённой кожи девушки, вдохнул запах её волос. Его поразили её красивый профиль, освещённый луной, и её храбрость перед лицом опасности. Клеант обругал себя и ударил рукой по бедру – и невольно вскрикнул. Он забыл, что

в руке находился окровавленный кинжал. Клеант растерянно посмотрел на глубокую царапину. Кровь из раны смешивалась с кровью убитой им жертвы, словно предсказывая неразрывную связь с этой семьёй. Клеант потряс головой. Нет! Ничто не может связывать свободного гражданина Спарты и жалких рабов! Чтобы отвлечься, Клеант напомнил себе о готовящемся восстании. Надо поспешить в Спарту и предупредить власти. Конечно, можно разыскать местного наместника и сообщить ему, но Клеант не знал толком, где его искать, да и вряд ли у него хватит сил расправиться с мятежниками. Нет, нужно большое подкрепление! Нельзя позволить илотам вкусить крови спартанцев!

***

Вернулись спартанцы из Мессении крайне довольные собой. С помощью относительно небольшого войска им удалось в полной мере проявить себя. Вечером состоялся общий пир, где присутствовать дозволялось и эфебам. В комнату, половину которой занимал уставленный едой огромный стол, набилось человек пятьдесят, и Клеант среди них стал главным героем. Именно он поднял тревогу, предупредив пятерых эфоров – на них лежала ответственность за внутренние дела Спарты. Полученные от Клеанта сведения вынудили их быстро собрать взрослое население, которое прекрасно помнило о событиях последней Мессенской войны, произошедшей более ста лет назад. Победы Спарты, воспетые Тиртеем в стихах, живописали сражения между двумя государствами, и спартанцы с детства изучали их в школах. Но победы достались непросто: Спарте пришлось пройти через огромные потери, а сама война длилась много лет.

Тогда победила Спарта, поставив Мессению на колени. Вся территория Южного Пелопоннеса к западу от Спарты оказалась в полном распоряжении Лакедемона. Спартанцы установили в Мессении свои порядки, превратив население Мессении в рабов. Они не были рабами граждан Спарты – нет, рабами владело государство: оно сужало их в пользование гражданам вместе с мессенской землёй, поделённой на участки-клеры. Клерами обладал каждый гражданин Спарты, они позволяли получать доход и кормить семьи. Илоты работали – спартанцы жили на плоды их трудов, тратя всё время на военную подготовку. И сейчас спартанцы в очередной раз отстаивали право на владение рабами, о чём с гордостью поведали за праздничным обедом.

Клеант слушал рассказы о погромах, обысках, арестах, казнях, когда на улице хватало всех без разбора. Мужчин из деревни, где Клеант нашёл первую жертву, подвергли допросу, после которого, как с удовольствием описывали разгорячённые пиром спартанцы, над деревней несколько дней стоял женский вой. Впрочем, судьба женщин тоже не была лёгкой. От подробностей – ими наперебой делились участники операции – Клеанта мутило, а желание заставить болтунов замолчать усиливалось. В отличие от большинства сверстников, интерес к противоположному полу у него ограничивался разглядыванием почти обнажённых, изгибающихся в танце девичьих тел во время праздников или на тренировках по военному делу – девушки посещали их наравне с мужчинами. С парой женщин он познакомился более тесно, но скорее из-за потребностей тела и любопытства, чем от сильных чувств. Леонию он не забыл до сих пор. Стоило ему представить, что с ней проделывали всё то, о чём поведали воины-победители, и в голове рождались мысли, отнюдь не свойственные спартанцу.

Буря эмоций, незнакомых и потому пугающих, захлестнула парня, и он перестал воспринимать происходящее. Еда вдруг приобрела отвратительный привкус, и Клеант отложил кусок сочной жареной баранины.

– А потом мы выхватили у неё мальчишку – наверное, брата, ведь она была такая молоденькая, – и поделили их обоих между мной и Листратом. Кинули жребий, ему достался мальчишка, и Листрат за шкуру поволок его в хижину. Ну и я своего не упустил. На ней был

какой-то мерзкий пеплос – я решил: грех портить такую красоту и... – Слова потонули в приступе смеха. Клеант вздрогнул. Он не жалел мальчишку, но почему-то не хотел, чтобы девушкой оказалась Леония. Клеант резко поднялся и двинулся к выходу. Добраться до дверей он не успел. Один из бывших эфоров, Этеолк – тот, что ездил с ним в Олимпию, – остановил его и поманил к себе.

– А вот и Клеант. Помните, каким он был при рождении? Дохлятиком. Едва не отправился в Тайгетскую пропасть. А посмотрите на него теперь – чемпион Олимпийских игр, ещё повоевать не успел, а уже раскрыл заговор! И это только начало! Помяните моё слово – парень пойдёт далеко. Садись, друг! Отныне место тебе рядом со мной. Скоро ты станешь гражданином нашего государства, Клеант. Клянусь Зевсом, ты как никто другой это заслужил! Ты знаешь, что тебе придётся выбрать себе сисситию? Это – один из главных твоих выборов в ближайшее время, ведь ты выбираешь товарищей, с которыми будешь проводить почти всё время, и каждый научит тебя всему, что знает сам. С ними ты поделишь всё – от еды до мыслей и надежд. Так вот, я хочу пригласить тебя вступить в мою сисситию. У нас собрался отличный круг друзей, и, кстати, Каллител тоже с нами.

Чтобы стать членом определённой компании, или сисситии, куда входили человек по двадцать мужчин из разных семей и разного возраста, необходимо было согласие всех её членов. Отверженный хотя бы одним из них оказывался в неловкой и позорной ситуации. Приглашение лично от члена сисситии такого высокого положения означало: никто не проголосует против. Он должен радоваться.

Клеант растянул губы в улыбке и выразил необходимую благодарность:

– Это большой почёт и ответственность, Этеолк! Клянусь, я вас не подведу!

Он умолк, ведь краткость в словах – главное достоинство спартанца. Юноша уселся за стол возле Этеолка и больше уйти не пытался, слушая рассказы о подавлении несостоявшегося восстания и кидая в рот блестящие чёрные оливки из полупустой чашки рядом. В конце концов, он уже не мальчик, пора думать, как мужчина. Эмоции лишь причиняют неудобство. Зачем переживать из-за рабов? Нет – из всех чувств ему нужна только ненависть. Ненависть к своим врагам и врагам Спарты.

Глава 8. Признание дорифора

Терпение Гектора истощалось. Осада Афин спартанской армией продолжалась несколько дней, а конца и края ей не предвиделось. Все вокруг говорили: город достаточно обеспечен продовольствием и водой, чтобы выдержать не один месяц осады. Спартанцы, после того, как ими была обращена в бегство знаменитая фессалийская конница, удовлетворили таким образом жажду мести и теперь маялись от безделья. Гектор издали наблюдал, как испаряется их желание находиться в Аттике, сменяясь раздражением из-за невозможности вступить в бой. В лагере Клисфена также росла неуверенность.

Гектор отвлёкся от Клисфена и посмотрел на огромную отвесную скалу акрополя. Мощные каменные ворота с колоннами и ступенями возвышались над узкой тропинкой, что вела по западному склону скалы наверх, к огромной плоской вершине с целым комплексом храмов и алтарей. Эти ворота, как и главный храм акрополя – Гекатомпедон, посвящённый Афине, – построили при Писистрате. Сыновья Писистрата уважили богиню новым храмом, чьё строительство продолжалось и поныне, несмотря на войну. Сколько Гектор себя помнил, на акрополе всегда шло строительство – новые храмы и алтари возводились на месте более древних святилищ и руин царского дворца.

– Надо быть осторожнее, Гектор. Будешь отвлекаться, враг легко подкрадётся к тебе со спины, – прозвучал знакомый голос отца, после чего он добавил, словно услышав мысли сына: – Спартанцы не станут брать акрополь силой. Последним почти сто тридцать лет назад его пытался захватить Килон, и для него это очень плохо кончилось.

– А что случилось?

– Килон хотел власти. Он собрал союзников и напал на акрополь, но его сторонников разбили и почти всех казнили. Предок Клисфена Мегакл тогда был архонтом и руководил расправой. Многих его родственников изгнали потом из Афин – потому что в попытке подавить мятеж Мегакл преступил все законы. Об этом до сих пор помнят.

Прокл устремил взгляд на спартанцев.

– Ещё несколько дней, и они просто уйдут.

– И что тогда будет с нами?

– Боюсь, никто тебе не скажет. Клисфен и думать не хочет об отступлении.

– А ты разве хочешь?

– Думать всегда полезно, – Прокл склонил голову и огляделся. – Впрочем, сейчас я предпочёл бы действовать. Поехали со мной.

– Куда?

– Клисфен предложил проехать вокруг города, посмотреть... – Прокл неопределённо махнул рукой, потом поджал губы. – Ему сообщили, что Гиппий может попытаться покинуть Афины тайно. Мы отправляемся проверять сведения. Выйдем, как стемнеет.

Гектор, готовый выть от тоски, воспрянул духом и встрепенулся. Размяться ему не помещает. А уж поучаствовать в вылазке со взрослыми – об этом любой мальчишка мечтал, едва начинал понимать, что такое война.

Отряд из двадцати человек выехал ночью. Гектор видел: солдаты не особо надеются захватить афинского тирана, но внимательно прислушивался и всматривался в темноту. Остальные тихо переговаривались, чёрными тенями скользя мимо деревьев, освещённых луной.

Перед рассветом напряжение начало отпускать Гектора, и он остановился помочиться. Остальные успели уйти вперёд, и Гектор, закончив своё дело, собирался броситься за ними, как услышал тихое звяканье металла. Гектор застыл, прислушиваясь и пытаясь понять, откуда пришёл звук. Явно не со стороны отцовского отряда. Гектор хотел проверить, кто там, но боялся

подвести отца: в одиночку ему нечего противопоставить врагам, если их хотя бы два-три человека. Звать на подмогу бессмысленно: крик услышат и в темноте могут скрыться. Гектор раздражённо посмотрел в сторону непонятного звука, потом в отчаянии прикинул, сколько времени уйдёт на то, чтобы позвать товарищей, и в конце концов, прикусив губу и придерживая меч, осторожно побежал следом за Проклом.

Тот заметил отсутствие сына и беспокойно оглядывался, когда появившийся из темноты Гектор шёпотом обрисовал ситуацию. Прокл кивнул в сторону, куда указал Гектор, и все бросились туда, стараясь передвигаться тише. Чья-то рука оттолкнула Гектора, и вскоре он оказался за спинами остальных, обиженно глядя, как солдаты ухмыляются ему, пробегая мимо. Гектор припустил следом.

Бежать по лесной дороге пришлось недолго – вскоре они наткнулись на группу вооружённых людей. Несмотря на неожиданность нападения, те быстро пришли в себя и вынули оружие. Отряд Прокла окружил неизвестных, среди которых было несколько воинов, а также женщин и детей. В воздухе резко прозвучал вопрос:

– Вы кто?

– А вы?

Прокл вышел, держа меч в руке:

– Мы люди Клисфена.

– Мы из Афин, хотим покинуть город, – прозвучал нетерпеливый ответ. Вперёд выступил высокий и крепкий мужчина с косматой бородой. – Мы не знаем, каковы ваши цели...

– Наши цели мы вам подробно сообщим, как только доставим в лагерь, – насмешливо оборвал Прокл. – Идём, – он махнул отряду, и беглецов начали окружать гоплиты.

Бородач беспокойно огляделся, рука его потянулась за оружием, но Прокл угрожающе шагнул к нему.

– Зачем вести нас в лагерь? Вы же видите, это просто горожане. Мы доставим их на корабль, – успокаивающе произнёс бородач.

– Никто не покинет Афины без проверки. – Прокл был настороже, Гектор буквально ощущал его подозрительность. – Вы идёте с нами, – отрезал Прокл.

– Следите за ними, – обратился он к отряду, но вдруг бородач что-то выкрикнул своим. Группа людей отделилась и скрылась в кустах, а бородач вытащил меч и бросился на Прокла. Гектор открыл рот, но не закричал. Отец отбил удар молниеносно, отбросив противника левой рукой. Сражение напоминало скорее свалку, чем настоящий бой. Гектора отёрли в сторону, однако уже через несколько мгновений он бился с человеком, чьё лицо скрывал шлем. Сталь поблёскивала и звенела. Противник Гектора был куда старше и опытнее, и юноше пришлось туго. От сильного удара он полетел на землю, выставив перед собой меч. Голова ударилась о какой-то корень и вспыхнула от боли. С трудом Гектор разглядел, как кто-то отбросил его врага, разрубив ему мечом правую кисть. Не кто-то. Прокл. Гектор выдохнул. Прокл обеспокоенно всмотрелся в сына, потом отвернулся и приказал солдатам следовать за беглецами. На земле осталось несколько трупов и раненые.

Гектор с гудящей головой поднялся, упрямо глядя в сторону, куда ушёл отец. Он не знал, сколько времени просидел вот так, в рассеивающемся полумраке. Неподалёку слышались звуки сражения, которые постепенно затухали. Гектор поднялся с земли. Он шатался, но собирался следовать за своими, когда обратил внимание, что бывший противник, уже без шлема, повернулся в его сторону. Явно не видя Гектора, с искажённым от боли лицом, он сделал пару шагов, зажимая левой рукой искалеченную правую. Он споткнулся о собственный шлем, валявшийся на земле, и едва не упал. Гектор инстинктивно придержал его за плечи, и у него перехватило дыхание. Он узнал человека, чьё лицо снилось ему по ночам, закрытое безликой маской. Лицо дорифора – владельца кинжала, убившего Софию. Гектор, не задумываясь, ударил его кула-

ком в живот. Тот завизжал от боли, но Гектор не останавливался, пока бесчувственное тело не упало на землю.

***

Прокл устало вытер лоб, вложил в ножны меч, проследил за процессией, уводившей пленников в лагерь, и нахмурился. Гектор пока не подошёл. Внезапно из-за деревьев раздался визг, и Прокл поспешил обратно.

Солдат, от которого Прокл спас сына, без сознания лежал на пропитанной кровью земле. Осколки кости выглядывали из кровавого месива правой руки.

Гектор держал раненого за левое плечо, тряс его и орал: – Ты, убийца! Зачем ты убил маму?! Кто тебе приказал? Отвечай! Отвечай, ублюдок!

Прокл вздрогнул, услышав обвинение, его лицо затвердело при виде человека, нанёсшего Софии роковой удар. Ярость накатила волной и накрыла его с головой.

– Отвечай, мразь! Зачем ты её убил? – голос Гектора снова прорезал утренний воздух, потом дорифор жалобно и тонко завыл, и Прокл очнулся. Он прыгнул к сыну и с трудом оторвал от раненого.

– Гектор! Послушай, Гектор! Оставь его! Он тебя не слышит! Оставь, ты его убьёшь! Хочешь, чтобы он сдох, не сказав правды? Хватит! Он вряд ли сейчас помнит, о ком ты говоришь! Дай ему прийти в себя!

Гектор обернулся, и Прокл подался назад, столько безумия увидел он в глазах сына. Тот заорал:

– Если сам не хочешь, то не мешай... А я хочу... – Гектор замолчал, решая, чего же он хочет. Прокл внимательно посмотрел на него:

– Откуда ты знаешь, что её убил он?

Гектор поражённо уставился на отца.

– Конечно, он! Его кинжалом убили маму!

– Он мог отдать кинжал другу, начальнику, да мало ли кому! И я хочу знать, зачем её убили!

– Да плевать мне, зачем! Я хочу, чтобы он сдох! – Гектор пнул лежавшего на земле человека и хотел воткнуть в него меч, но Прокл обхватил его сзади и оттащил в сторону.

– Дай мне его убить! Не смей мешать! Если сам боишься, дай мне!

Отец неожиданно выпустил его, и Гектор упал на колени, упёршись руками о землю. Ладони скользнули по кровавой каше, разъехались в стороны, и Гектор ударился подбородком о незамеченный им камень. Зубы клацнули, в глазах потемнело, а подбородок саднило. Гектор помотал головой, перекатился на бок и увидел протянутую руку отца. Он задумчиво посмотрел на неё и всё же протянул свою, запачканную землёй и кровью. Прокл рывком поднял сына на ноги. Гектор толком не пришёл в себя, когда услышал слова отца:

– Если хочешь, убей его сейчас. Давай, – сквозь зубы процедил Прокл, и Гектор недоверчиво прищурился.

– Я никому и слова не скажу. Его смерть ни у кого не вызовет сомнений. Убить его потом ты не сможешь. Ну, решай.

Гектор отступил на шаг, до него медленно доходили отцовские слова, и он нерешительно перевёл взгляд на раненого.

– Ну, в чём дело?

– А почему ты сам его не убьёшь?

– Я не уверен, что Софию убил он.

– Но ты позволишь мне покончить с ним?

– Да.

– А потом?

– Ты так и не узнаешь правды. И был он виновен или нет, ты тоже не узнаешь. Зато сможешь утешаться тем, что лишил жизни человека, который и так почти мёртв.

Гектор долго молчал, глядя на дорифора. Он представил себе, как берёт меч и пронзает им беспомощного человека...

Он не мог. Просто не мог. Постепенно Гектор остывал, наваждение прошло, но жажда справедливости и желание найти виновного остались.

– По-твоему, он придёт в себя? Я должен знать, что тогда произошло. А его должны судить за убийство.

– Думаешь, я этого не хочу? Думаешь, мне всё равно? Ты действительно веришь, что я забыл о Софии? – Прокл буквально кричал, словно избавляясь от накипевшего за последние годы. – Я долго тогда искал его по всем Афинам. Но он как в Аид провалился! Никто ничего не говорил! Все молчали!

– Но ты мне не рассказывал... – выдавил Гектор.

– Мал ты был тогда. Мы ведь не случайно так быстро уехали из города! Почему я присоединился к Клисфену, хотя ненавижу политику? Почему отдал ему деньги, одолженные Мильтиадом? Да потому, что в одиночку я ничего бы не сделал! Я уехал из Афин, чтобы сражаться! А ты думал, я испугался? – Гектор одно время так и думал, но стыдился в этом признаться.

– Ладно, не отвечай, я и так понял. Я не хотел ничего тебе говорить, потому что не знал, как всё было. И сейчас не знаю. А вот он знает, – Прокл кивнул на мужчину. – И всё расскажет. Защищать и прятать его теперь некому, нам нужно лишь подождать, пока он очнётся. Согласен?

– Но как его судить? Мы же не в Афинах. У нас и врача нормального нет!

Прокл неожиданно улыбнулся. Это была скорее гримаса – холодная, жестокая и торжествующая.

– Думаю, вскоре мы вернёмся в Афины, – тихо сказал он. – Знаешь, кого мы захватили? Гектор с любопытством уставился на отца.

– Эти люди – телохранители Гиппия, охраняли его сыновей. Теперь они у нас! – Голос Прокла стал громче, когда он повторил: – Дети Гиппия у нас!

Прокл огляделся.

– Давай дотащим парня до лагеря. Здесь нам делать нечего.

Гектор кивнул. Сегодня он увидел отца таким, каким даже не представлял. Сам он был словно выжатый виноград, и его пробирал холод, несмотря на усиливавшуюся жару. Гектор молча помог Проклу соорудить носилки, и вдвоём они потащили раненого в лагерь. Гектор шёл впереди и не замечал улыбки, которая время от времени трогала губы отца.

В лагере их ожидали новости. Клисфен едва не плясал от радости, выкладывая Проклу внезапно возникшие планы.

– Это действительно сыновья Гиппия. Он хотел отослать их подальше от опасности – наверное, к своему брату Гегесистрату, тирану Сигея, или к дочери в Лампсак, – но в результате они оказались у нас в руках. Теперь Гиппий выполнит наши условия, ему некуда деваться. Отличная работа! Благодаря тебе, Прокл, у нас есть заложники, о каких можно только мечтать! Я послал гонца Гиппию, скоро мы окажемся в Афинах!

Прокл с сыном потащили носилки дальше, разыскивая лекаря. Дорифор почти лишился кисти, а Гектор явно сломал ему несколько рёбер.

Сдав незнакомца в надёжные руки – лекарь заверил, что он вряд ли помрёт в ближайшее время, раз ещё жив, – Прокл и Гектор медленно пошли к своей палатке.

– О чём ты думаешь? – Гектор оглянулся на палатку лекаря.

– Дети станут заложниками – эту цену Гиппий заплатит за сдачу Афин.

– Считаешь, он решит их сдать?

– Гиппий вряд ли пожертвует детьми ради Афин.

– А ты бы пожертвовал?

– Я никогда не ставил власть превыше всего, тем более семьи. Мне трудно представить, что можно рисковать детьми ради чего-то столь мимолётного. Гиппий достаточно любит сыновей, чтобы не потерять их. Скоро увидим!

Как и предсказал Прокл, Гиппий не выдержал и согласился покинуть Афины в обмен на жизни сыновей. К счастью для него, афинские законы против тирании, установленные в стародавние времена, были достаточно мягки: тирану грозило изгнание.

По заключённому со спартанцами договору ему дали на отъезд пять дней, после чего сторонники Клисфена и спартанцы должны были занять город. Спартанцы огорчились, что не пришлось повоевать, но тут прибыл гонец из Спарты, сообщил: в Мессении раскрыт заговор. Оба царя – Клеомен и Демарат – в полном согласии двинулись обратно, не успев насладиться плодами собственной победы. По крайней мере они выполнили волю богов, высказанную оракулом Дельф. Впрочем, Диадор, тоже находившийся в лагере Клисфена, ехидно заметил Гектору:

– Боги и мятеж важны, конечно, но если цари не могут решить, кто главнее, то какая уж тут война.

– А почему в Спарте два царя? – Гектору давно хотелось знать.

– Издревле разных государствах иногда было по несколько царей, которые представляли разные общины и роды. Рано или поздно один из них свергал остальных, а в Спарте получилось по-другому: там так и остались две династии, берущие начало от первых царей. Одного звали, кстати, Прокл, а второй – Эврисфен, кажется. При Ликурге – их знаменитом законодателе – двоевластие закрепили законом. Однако верховная власть принадлежит не царям, а пяти избираемым эфорам. Цари там скорее высшие военачальники.

– А что у них случилось, поссорились?

– Не знаю, просто ходят слухи. У них вообще проблемы в царском семействе. У Клеомена был брат Дорией, так и они не поделили трон. Клеомен старше, но Дориея это не остановило. В конце концов Дориею пришлось уехать из Спарты. Недавно он участвовал в войне Кротона и Сибариса и погиб. Теперь вот Клеомен с Демаратом не слишком ладят. Знаешь Исагора? Нет, вряд ли. Он сын одного афинского аристократа Тисандра. Исагор всё это время жил в Афинах. Гиппий его не трогал. Неспроста Исагор – гостеприимец⁹ Клеомена. Зачем ему тесная дружба с Клеоменом? И зачем это царю Спарты? Похоже, во главе Афин спартанцы видят не Клисфена, а Исагора, и хотят наладить с ним отношения. В Спарте явно что-то происходит, но кто знает, что именно? Спартанцы – люди неразговорчивые.

***

Раненого звали Тимен. Через три дня после ухода Гиппия из Афин он был в состоянии выдержать допрос, хотя лекарь заверил: долго он не протянет. Правую кисть пришлось отрезать, но рука воспалилась, потеря крови тоже давала себя знать. Прокл настоял на допросе, и теперь в небольшой комнатке, где Тимена держали под стражей, набилось человек десять, включая Прокла, Гектора, трёх магистратов под руководством второго архонта-василевса¹⁰ и нескольких представителей Ареопага¹¹.

---

⁹ В Древней Греции, где законы государства не распространялись на иностранцев, существовал институт гостеприимства, который давал возможность гражданину одного полиса пользоваться гостеприимством и покровительством гражданина другого полиса. Помимо отношений между отдельными лицами, институт гостеприимства использовался и более широко – в отношениях между родами или государствами.

¹⁰ Архонты – коллегия из девяти архонтов во главе с первым архонтом, один из органов высшей власти в Афинах, заменившей власть царя. Архонты избирались на год из среды аристократов, каждый обладал определённым кругом обязанностей.

Тимен удивился такому вниманию и беспокойно заёрзал на постели, перебегая взглядом с одного человека на другого. Было видно: любое движение даётся ему с трудом, и Гектор внезапно пожелал ему прожить подольше, чтобы не унести в могилу нужные сведения.

Заговорил Клисфен, взявший на себя роль защитника интересов Прокла.

– Против тебя, Тимен, выдвинуто обвинение присутствующим здесь Проклом. Во время последних Панафинеи была убита жена Прокла София. Её зарезали кинжалом, который сын Прокла Гектор видел в твоих руках – ты поднял его с земли после того, как ты и другие дорифоры убили одного из восставших. Ты помнишь тот день?

Тимен поначалу недоуменно нахмурился, потом побелел. Руки нервно мяли подстилку. Он кивнул и облизал губы.

– Ты убил Софию?

Тимен мог поклясться, что не совершал убийства, и тогда начался бы судебный процесс, до конца которого Тимен вряд ли дожил бы. Гектор видел: внутри Тимена идёт борьба. Если он признается в убийстве, его ждёт смерть.

Губы Тимена искривила усмешка – Гектор словно прочитал его мысль «я и так мёртв». Гектор вздрогнул и стряхнул наваждение. Тимен облизал сухие губы и прохрипел:

– Я служил Гиппию!

– Он приказал убить Софию?

– Нет! Это была случайность! Она кинулась защищать её!

– Кого?

– Предательницу... Львицу...

Львица – прозвище Леены, сестры Гармодия и дальней кузины Софии. По слухам она была если не единственной, то одной из причин заговора против сыновей Писистрата. Неужели с ней София вышла повидаться?

– Мы выследили её, Леену... и собирались арестовать, когда та женщина... – Прокла передёрнуло, – ... подошла к ней. Она-то первая нас заметила и закричала. Ну, мы помчались к ним, а его жена, – Тимен кивком указал на Прокла, – собиралась ей помочь. Она бросилась на меня, но я... – Тимен перевёл дыхание и уставился в потолок. Потом заговорил снова:

– У меня в руках был кинжал, и когда она начала бороться, так получилось, что я ударил её... Мои товарищи убежали за Лееной и ничего не видели. Я тоже пошёл за ними...

– Скорее, побежал, – презрительно бросил Прокл. – Мы оказались на улице почти сразу, как услышали крик, но тебя там и след простыл!

– А что мне оставалось? Ваша жена сама виновата... – Тимен прищурился, когда к нему угрожающе шагнул Прокл, но не остановился: – Она хотела помочь мятежнице и поплатилась за это. Сейчас я для вас враг, но тогда я исполнял свой долг.

– У наёмников нет долга – одна выгода.

– Чтобы получить выгоду, надо выполнить обязанности. Мы поймали Леену...

– И запытали до смерти, как и Аристокитона.

– А я при чём? Они устроили заговор и убили Гиппарха!

– Моя жена не участвовала в заговоре!

– Она хотела помочь мятежнице, – упрямо повторил Тимен.

Прокл с ненавистью смотрел на человека, которого с радостью уничтожил бы, но какой смысл? Тимен – лишь орудие, ему не было дела ни до Софии, ни до её родных. Леена значила для него не больше, чем полученная за её поимку награда. Какой смысл мстить? Он оглянулся на сына и с удивлением заметил, что тот смотрит на Тимена с похожим чувством: как на отвра-

---

Дела об убийствах находились в ведении второго архонта-василевса.

¹¹ Ареопаг – в то время высший судебный орган, состоявший из бывших архонтов. Занимался преднамеренными убийствами.

тительного гада, которого легко раздавить, но чья смерть не вызовет ни удовольствия, ни удовлетворения. Если раньше он и хотел, чтобы суд приговорил убийцу к смерти, то теперь ему этого было не нужно. Пусть подышает сам! Прокл резко повернулся и покинул комнату.

Он ушёл недалеко, когда его догнал Гектор. Некоторое время они молчали, но потом Гектор не выдержал:

– А знаешь, я долго мечтал придушить ублюдка, а теперь... Я даже не потребовал казни.

Он всё равно сдохнет!

– К тому же, не он один виноват, – пробормотал Прокл.

– Да, – кивнул Гектор, – но мы не можем отомстить Гиппию!

– Гиппию? Ты прав, он тоже один из виновных, – Прокл задумался, потом невесело усмехнулся:

– Но ты неправ в другом. Мы отомстили ему. Подумай, Гиппий лишился всего, ради чего совершил убийство. Он лишился власти – а ведь он так старался сохранить наследство отца. Он уехал в изгнание и скоро станет попрошайкой при дворе какого-нибудь иноземного царька. Он сможет советовать, но не приказывать, и даже покушаться на его жизнь желающих не найдётся. А если он отыщет союзников и вернётся сюда, его ждёт участь Полиника, сына Эдипа, который повёл чужую армию против родных Фив и погиб от рук его жителей. Ты, Гектор, тоже должен сделать так, чтобы он никогда не получил назад то, что мы у него отобрали. Лучшей мести для таких, как он, я не знаю! А этот, – Прокл махнул рукой в сторону дома, где держали Тимена, – он не жилец. Он жил, не имея дома, а когда умрёт, никто не придёт почтить его память!

***

Весь день лил дождь, небо покрывали свинцовые тучи. Гектор вышел из дома и направился на кладбище в квартал Керамик. Он решил сходить один, без отца, побыть наедине с матерью – впервые после её смерти. Показались Дипилонские ворота – те самые, откуда начались все беды, все смерти в его жизни, – и Гектор пошёл вдоль могил внешнего Керамика. В руках Гектор нёс фиалу с молоком для возлияния на могиле. Надгробная стела – вечная по сравнению с жизнью человека – высилась на могильном холме, а сам холм покрывали яркие цветы, чья жизнь была много короче человеческой. Рельеф на плите изображал стоящую со склонённой головой женщину в хитоне и гиматии. Её профиль чётко вырисовывался на плоскости мрамора. Подобные рельефы часто встречались среди могил, но на этот Гектор смотрел, не отрываясь. Он видел лишь маму, отражённую в холодном камне, хотя мастер не пытался придать фигуре сходство с Софией. Камень не мог передать её тепла и живости, но плита годы или столетия простоит на могиле, пока новые надгробия появляются рядом.

Гектор прошептал:

– Здравствуй, мама. Возьми молоко, – он осторожно наклонил фиалу, и белая струя полилась на холмик, орошая его поверхность. Молоко быстро впитывалось в землю – дар миру мёртвых от мира живых. Потом Гектор вынул нож и отрезал прядь волос, положив их на могилу. – Прости, что не пришёл раньше: нас не было в Афинах. Но мы с отцом тебя не забыли! Твой убийца мёртв! – Тимен умер два дня спустя после допроса, и его тихо закопали где-то на окраине.

– Я прохожу военную службу – через год стану гражданином Афин. У нас много нового: Гиппия свергли, готовятся новые реформы. Отец принимает участие в политической жизни, представляешь? Столько перемен! Помнишь, в детстве я мечтал выиграть Олимпийские игры? Знаешь, я почти забыл, а ведь я обещал тебе стать чемпионом. Не знаю, почему, но недавно отец вспомнил о моей мечте. Он хочет, чтобы я участвовал в играх. Сказал, что поможет мне всем. И я обязательно выиграю! Я посвящу победу тебе, мама. Обещаю!

Глава 9. Солдаты и политики

Политическая жизнь в Афинах бурлила, как котёл с кипящей водой. Одни варились в этом котле, другие испытывали на себе лишь действие брызг, обжигающих, но не смертельных, а третьи возобновили жизнь, словно ничего не случилось, не обращая внимания на происходящие вокруг перемены. Гектор постигал воинскую премудрость, проводя массу времени на границе. И ещё он начал активно готовиться к играм в Олимпии, хотя до них оставался целый год.

Гектору было почти девятнадцать, он быстро обзавёлся друзьями и подругами. Отец снисходительно усмехался, когда юноша рассказывал вечером, как в гимнасии он состязался с кем-либо из приятелей или участвовал в каком-нибудь празднестве.

Сам Прокл теперь входил в Совет Четырёхсот – управляющий орган в афинском государстве. Члены Совета избирались на год из представителей трёх первых имущественных разрядов¹². Прокл относился к третьему разряду – зевгитам, – а они нечасто получали такую возможность, но Клисфен уговорил его, поскольку нуждался в сторонниках, которые не воткнут нож в спину и не будут претендовать на те места, куда он целил сам.

Для опасений у него были основания. По мере того, как воспоминания о тирании уходили в прошлое, страх, сплотивший различные группы населения, рассосался, и группы распались, как необожжённая глина под ливнем. Гектор больше интересовался радостями жизни и молодости, чем политикой, но и ему стало ясно: афинское общество расколото. Сам он не желал относить себя к какому-либо лагерю, потому как хотел быть просто гражданином Афин и служить городу, а также завоевать награду в Олимпии. Но, судя по озабоченности Прокла, стоять в стороне получится недолго.

Для Клисфена как гром среди ясного неба грянула весть: первым архонтом Афин избран Исагор. Клисфен, чьё желание поставить на эту должность родственника ни для кого не было тайной, заявил о необходимости политических реформ. Исагор резко выступил против: он занимался укреплением собственной власти, и любые перемены не в его интересах. Камнем преткновения оказался вопрос о людях, получивших гражданство при Писистратидах. По мнению Исагора, такой привилегией могли обладать лишь избранные, достойные люди, а те, кого считал достойными Гиппий, вряд ли заслужили подобную честь. Рассуждая так, Исагор велел исключить из списков граждан всех, кто занял там место незаконно или недостойно. Специально созданная комиссия шерстила списки граждан Афин, копалась в их биографиях, проверяла на благонадёжность, опрашивала соседей. Многие потеряли сон, понимая, что их судьбы висят на очень тонкой ниточке. Недовольство отчётливо ощущалось в перепалках в Народном собрании. Борьба в Совете Четырёхсот велась более скрытно, однако и оттуда Прокл возвращался усталым и мрачным.

Пришло время, и Гектор принёс клятву служить полису, после чего он, как сын свободных афинян, получил право участвовать в Народном собрании. До Олимпийских игр оставалось совсем мало времени, и Гектор усиленно тренироваться, когда его жизнь снова погрузилась в хаос.

Борьба Исагора и Клисфена накалилась – Исагор отправил сообщение царю Клеомену в Спарту с просьбой о помощи. В чём заключалась помощь, Гектор узнал от отца за ужином:

---

¹² В Аттике в то время гражданское население в зависимости от дохода делилось на 4 класса: высшая знать – пятисотники и всадники, средний слой – зевгиты и мелкие землевладельцы – феты. Каждый класс обладал определённым кругом политических прав и военных обязанностей. Так, зевгиты служили в основном в качестве гоплитов и не могли избираться в архонты, феты могли голосовать в Народном собрании, но не могли избираться на должности.

– Опять мы зовём чужаков для решения собственных проблем! Это опасно! Дай волку палец – лишишься руки!

– Зачем Исагору помощь? Чего он хочет?

– Убрать Клисфена и его сторонников.

– Но как?

– Помнишь, я рассказывал тебе о Килоне? Ну, о том, что предок Клисфена Мегакл устроил расправу над участниками мятежа Килона, когда тот неудачно пытался захватить акрополь?

– Да ведь это было сто лет назад!

– Больше. Но годы не властны над традицией.

– Ты о чём?

– О том, что Исагор объявил Клисфена «запятнанным скверной». Мятежники просили защиты у Милостивой богини в храме на акрополе, и власти уверяли, что не казнят тех, кто укрылся в храме. Сторонники Килона спустились с акрополя, и их попросту забили камнями или зарезали. Мегакл уничтожил их, выманив из храма. В своё время за это из Афин изгнали его родственников, ибо очиститься от оскорбления богини можно только изгнанием. Потом они вернулись, но пятно на имени рода осталось. Этим и пользуется сейчас Исагор.

– И что ему надо?

– Власть, – в голосе Прокла звучало отвращение. – А поскольку сам получить её в полном объёме он не может, то зовёт Клеомена. Не зря Исагор связал себя узами гостеприимства со спартанцем. Понимал: власть так просто в руки не упадёт. Но я молчать не буду!

Прокл в Совете резко выступил против приглашения спартанцев, но это ничего не изменило, кроме отношения к самому Проклу. Быстро вспомнили, что София принадлежала к роду Алкмеонидов, и мнение Прокла сочли предвзятым.

***

После получения гражданских прав, как и любой спартанец, Клеант вступил во владение земельным наделом. Он когда-то принадлежал отцу и находился недалеко от той самой деревни, где во время криптии побывал Клеант. Как правило, владельцы земли редко посещали уголья: в том не было особого смысла, поскольку хозяйство лежало на илотах, которые отдавали хозяину определённую часть урожая, а остальное использовали для собственных нужд.

Получив землю, Клеант решил поехать в Мессению лично и осмотреть владения. Каллител усердно готовился к очередным Олимпийским играм, но тоже надумал ехать, тем более его надел был в тех краях. Итак, друзья отправились на запад, к посёлку под названием Абия.

Путешествие к горам на границе со Спартой заняло пару дней. Места были живописными, но Клеант в спешке не обращал внимания на красоты природы. К чему спешка, он и сам не знал, но остановок в пути они почти не делали. Клеант уже проходил путь в обе стороны и чувствовал себя уверенно.

Они подъезжали в деревушке, где раньше жила Леония. Каллител с любопытством осматривался, не замечая устремлённого вперёд взгляда Клеанта. Но если дорога была Клеанту знакома, то саму деревню он увидел впервые. Точнее, он её не увидел: от посёлка ничего не осталось, кроме обугленных стен, почти обвалившихся за прошедшую зиму. Клеант резко остановился, глядя на разрушения. Деревня перестала существовать.

– Что это за место? – Каллител равнодушно взирал на чёрные остатки пепелищ.

– Я был тут в прошлом году...

– А, значит, отсюда едва не начался мятеж? Справедливый финал для тех, кто посмел поднять на нас руку, правда?

– Разумеется, – Клеант почти бегом направился в сторону Абии. Участки друзей находились по соседству, общая граница проходила по ручейку. Городок Абия славился тем, что упоминался в поэмах Гомера. Семьи илотов Клеанта ютились в крохотных домишках. Кроме того, на участке сохранилась с древних времён небольшая двухэтажная усадьба, но никто не занимался ею лет двадцать: отец Клеанта не любил проводить время в Мессении. Клеант обошёл усадьбу, прикидывая, стоит ли попробовать пожить здесь, но решил пока ничего не предпринимать, а познакомиться сначала с рабами.

Илотов было десять – четверо мужчин, три женщины и трое детей. Харипп – невысокий коренастый мужчина со следом ожога на левой щеке – выступил вперёд и представил остальных: свою жену, двоих детей, брата, его жену, а также кузена Дамиса и его сестру с мужем и ребёнком.

Среди них выделялся Дамис. Он был крупнее всех, но боги обделили его разумом. В его глазах цвета болотной жижи застыло необычное выражение, совершенно, как заметил Клеант, не свойственное мессенцам: он смотрел на всех так, словно доволен жизнью. Добродушие исходило от него, а остальные илоты относились к нему, как к малому ребёнку. Почему-то Клеанта оскорбило, что в нём не видят врага – такого, какими были для него самого новоприобретённые рабы.

Илоты насторожённо поглядывали на нового хозяина, не зная, чего ожидать. Дамис безмятежно смотрел на Клеанта, и тот почувствовал себя неудобно, велел всем разойтись. Остаться в усадьбе не хотелось, и Клеант отправился к дому Каллитела.

Клеант решил пожить в Абии несколько дней, понаблюдать за работниками, да и просто не слишком стремился возвращаться в Спарту. Он с детства любил одиночество, но в Спарте остаться одному невозможно. У него имелись бесконечные обязанности и многочисленные знакомые, которые делили с ним всё: пищу, сон, кров, военную подготовку, спортивные тренировки, развлечения. Только с Каллителом он чувствовал себя комфортно – тот ненавязчиво и легко переносил молчание и угрюмость Клеанта. Каллител был старше почти на десять лет, но из-за победы в Олимпии смотрел на Клеанта как на равного. Даже обучая его навыкам, необходимым спартанцу, Каллител относился к младшему товарищу с заметным уважением.

Клеант не задумывался о том, что заставляло его уезжать из собственной страны. Его походы в Олимпию, криптия, проведённая во враждебной Мессении, – при любой возможности он стремился вырваться из окружавших его границ. Сейчас он тоже не слишком торопился уехать из мест, где впервые обагрил руки человеческой кровью. Он слонялся по Абии, поклонился Гераклу в храме Геракла и Абии – кормилицы сына знаменитого героя, порасспрашивал о недавних событиях представителей спартанских властей – часть из них принадлежала к мессенцам, – и всё время он неосознанно искал глазами знакомую фигуру. Темнело, когда Клеант вернулся в усадьбу. Леонию он так и не увидел.

На следующий день Клеант попросил Дамиса сопровождать его по городу, оторвав от работы в поле. Ему ничего не нужно было от Дамиса, но с ним можно говорить напрямую, не ощущая скрытой враждебности. Открытость этого человека в другое время вызвала бы у Клеанта лишь презрение, но сейчас ему нужны сведения.

– Скажи, Дамис, что произошло с той деревней, мимо которой я проходил? Там остались одни пепелища. Почему?

– Это, господин, ваши приходили. Сказали, мы предатели, и начали убивать. Мой племянник там был, восьми годков всего. Я пришёл, когда он лежал у одного дома. Я просил его сказать что-нибудь, а он на меня смотрел таким, знаете, испуганным взглядом... Да разве меня надо бояться? – спросил Дамис, и в глазах его мелькнули слёзы обиды. – Я говорил, что не обижу моего мальчика, я ведь его с рождения знал, любил как сильно, но он так и смотрел, будто не слышал. Я хотел стереть кровь с лица, но боялся, что ему будет больно. У него всё лицо было в синяках, а кое-где кожа лопнула. Там уже стервятники летали, хорошо, я пришёл,

не дал им повредить Пассию. Это его так звали. Он к вечеру помер. А ведь как меня любил! Мы играли часто, я его учил стоять за себя, да разве мальчику супротив взрослых воинов выстоять? Зачем бить такого маленького, он ведь им ничем не грозил?

Дамис так искренне недоумевал, что Клеант отвернулся. Дети, девушки, старики – он никогда не видел себя их убийцей, он хотел сражаться с равным противником. Но рассказы соплеменников не выходили из головы, и впервые он отчётливо понял: рано или поздно он может оказаться на месте тех, кто способен убить маленького ребёнка. И участвовать в подобной бойне придётся не потому, что он хочет получить удовольствие или подавить очередной мятеж – а просто так положено, и такого поведения от него ждут.

Клеант решил перевести разговор в другое русло:

– Всех жителей деревни убили? Неужели никого не осталось?

– Да почитай и никого. Разве несколько девушек и мальчиков. Они, ваши то есть, всю ночь гуляли, им скучно было, и они пощадили их. Правда, многие из них наутро едва в себя пришли, а двоих похоронили потом. Бедная Леония не смогла их вылечить.

– Леония? – Клеанта будто ножом полоснуло, так неожиданно прозвучало давно ожидаемое имя. Он втянул воздух и медленно спросил:

– Кто она? Знахарка?

– О, Леония – чудо. Её тут все знают. Она происходит от Асклепия, потомка богов. Он имел дар лечить людей. Ведь он у нас бывал, даже говорят, родился здесь, в Мессении.

– Кто её хозяин? – Клеант затаил дыхание, ожидая ответа. – Если мне понадобится врач, к кому обратиться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.